КЪ ВОПРОСУ

О РЕДАКЦІЯХЪ ДОМОСТРОЯ,

ЕГО СОСТАВѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ.

А. Михайлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Екатерининскій каналъ, 78.
1889.

„Пров 38“

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1889 г.

БИБЛИОТЕКА
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ
3

КЪ ВОПРОСУ О РЕДАКЦІЯХЪ ДОМОСТРОЯ, ЕГО СОСТАВѢ И ПРОИСХОЖДЕНІИ.

Первый, кто приписалъ Домострой знаменитому исповѣднику Іоанна Грознаго, былъ покойный Д. П. Голохвастовъ, издавшій этотъ памятникъ во Временникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1849 г. (кн. 1-ая), подъ заглавіемъ: „Домострой Благовѣщенскаго Попа Сильвестра". Называя послѣдняго авторомъ или, лучше сказать, составителемъ Домостроя по разнымъ источникамъ, Голохвастовъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду послѣднюю главу Коншинскаго списка, такъ-называемый Малый Домострой или „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну", которое дѣйствительно несомнѣнно принадлежитъ перу Сильвестра. Другаго основанія у Голохвастова не было, или по крайней мѣрѣ онъ не указалъ его. Вопросъ объ авторствѣ Сильвестра, поднятый издателемъ Коншинскаго списка, заинтересовалъ ученыхъ, и — въ 1850 году г. Забѣлинъ находитъ новое свидѣтельство, которое онъ считаетъ „драгоцѣннымъ, не оставляющимъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что составителемъ Домостроя былъ знаменитый Сильвестръ" [1]). Это свидѣтельство г. Забѣлинъ увидѣлъ въ одномъ спискѣ Домостроя XVII вѣка, первая глава котораго начинается такъ: „Благословляю а, грѣшный Селивестръ, и поучаю, и наказую, и вразумляю единочадаго сына своего Анфима и жену его Пелагею и ихъ домочадцовъ" и т. д. Вотъ два прямыхъ документальныхъ довода, поддерживавшихъ въ литературѣ убѣжденіе, что составителемъ

[1]) См. предисловіе къ изданію: „Книги во весь годъ въ столъ ѣствы подавать": во *Временникѣ Общества Ист. и Др. Р.* 1850 г., кн. 6, стр. IV.

Домостроя былъ Благовѣщенскій попъ Сильвестръ; другихъ основаній въ пользу послѣдняго не было найдено. Большинство изслѣдователей [1]), такъ или иначе касавшихся Домостроя, согласились съ мнѣніемъ Голохвастова и Забѣлина, но другіе [2]) ученые, хотя и меньшинство, выразили сомнѣніе, которое приблизительно можно формулировать такимъ образомъ: Такъ какъ „личныхъ воззрѣній въ Домостроѣ вы не найдете“ (Аѳанасьевъ), то кто можетъ поручиться, что послѣдняя глава Коншинскаго списка—несомнѣнно принадлежащая Сильвестру—не есть позднѣйшая приставка къ оригиналу памятника, въ начальной главѣ котораго не было также и собственныхъ именъ? Кто увѣренъ, что это не такъ именно было? Вѣдь есть списки—и ихъ большинство— гдѣ нѣтъ ни Малаго Домостроя, ни собственныхъ именъ въ первой статьѣ памятника? Сомнѣніе, какъ видите, вполнѣ основательное, и доводы первыхъ изслѣдователей Домостроя, дѣйствительно, могутъ быть отнесены къ разряду тѣхъ, которые называются argumenta ad libitum. Истинное значеніе этихъ доводовъ въ ту или другую сторону, то-есть, за или противъ авторства Сильвестра, можетъ быть выяснено лишь въ томъ случаѣ, когда содержаніе самаго памятника будетъ согласно съ ними, или противорѣчитъ имъ.

Хотя до 1873 года о Домостроѣ многіе писали, но полнаго, подробнаго изслѣдованія объ исторіи его происхожденія, его составѣ, редакціяхъ, ихъ взаимномъ отношеніи, степени важности и т. п. въ литературѣ пока не появлялось. Первый, кто обратилъ серьезное вниманіе на Домострой и научно разработалъ его, былъ И. С. Некрасовъ, напечатавшій свое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя“. Въ этомъ „Опытѣ“ г. Некрасовъ, приводя разныя доказательства изъ текста Домостроя, не сомнѣвается, а рѣшительно утверждаетъ, что авторомъ этого замѣчательнаго памятника, не только не былъ, но и не могъ быть благовѣщенскій попъ Сильвестръ. Со времени изданія „Опыта“ и до сего дня въ литературѣ, на сколько это намъ извѣстно, ничего больше не появлялось по вопросу

---

[1]) Къ нимъ принадлежатъ: Ѳ. И. Буслаевъ (см. *Московск. Вѣдомости* 1852 г., № 52, и Историч., Хр. стр. 817), К. С. Аксаковъ (см. *Русск. Бесѣда* 1856 г., кн. IV, стр. 40—41), И. Порфирьевъ (см. „Домострой Сильвестра“ въ *Правосл. Собесѣдникѣ*, III ч. 1860 г.) и И. И. Срезневскій (см. Введеніе къ изданному имъ Сборнику Сильвестра 1860 г., стр. 11).

[2]) С. М. Соловьевъ (Исторія Россіи, т. VII, стр. 223) и А. Н. Аѳанасьевъ (см. *Отеч. Записки* 1850 г., т. LXXI, отд. II, стр. 34).

объ авторѣ Домостроя, о происхожденіи и редакціяхъ послѣдняго. Такое молчаніе, съ одной стороны, а съ другой—и то, что нѣкоторые, по видимому, согласились съ г. Некрасовымъ (напримѣръ, преосв. Макарій въ Исторіи Русской Церкви, VII; стр. 463 и слѣд.) заставляетъ предполагать, что въ выводахъ „Опыта“ слѣдуетъ видѣть вполнѣ научное и окончательное рѣшеніе даннаго вопроса. Разсмотрѣть, на сколько справедливо подобное предположеніе, и будетъ цѣлью настоящей статьи.

I.

Трудъ И. С. Некрасова состоитъ изъ трехъ большихъ главъ и введенія, гдѣ онъ перечисляетъ изслѣдованія о Домостроѣ, появлявшіяся до его „Опыта“; въ первой главѣ приведены „данныя для сравнительнаго изученія древне-русскаго Домостроя“ изъ иностранныхъ литературъ: древне-индійской, италіанской, французской, нѣмецкой и чешской; во второй главѣ авторъ разсматриваетъ „списки древне-русскаго Домостроя“; наконецъ, третья посвящена вопросу „о происхожденіи“ Домостроя. Изъ этихъ трехъ главъ предметомъ разбора мы выбрали двѣ послѣднія, преимущественно же третью, какъ болѣе всего интересную по тѣмъ выводамъ, которые г. Некрасовъ помѣщаетъ въ концѣ своей книги.

Приступая къ этому разбору, укажемъ прежде всего на самые древніе списки Домостроя и на ихъ главное отличіе другъ отъ друга. Такихъ списковъ до настоящаго времени извѣстно два. Первый изъ нихъ—списокъ Коншина, напечатанный, какъ выше сказано, Голохвастовымъ, второй—принадлежитъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ [1]). Списокъ Коншина отнесенъ издателемъ, а также и. Забѣлинымъ, къ XVI вѣку [2]), а г. Некрасовымъ—къ концу этого столѣтія, и даже—къ началу XVII вѣка [3]); что же касается списка Общества Исторіи, то, по мнѣнію г. Некрасова, онъ, относится, если не къ первой четверти, то къ первой половинѣ XVI вѣка“ [4]).

[1]) Изданъ съ предисловіемъ *Забѣлина* во 2-й кн. *Чтеній Общ. Ист. и Др. Росс.* за 1881 годъ.

[2]) Ibid., стр. III.

[3]) См. Опытъ изслѣд. и т. д., стр. 92.

[4]) Ibid., стр. 73. По мнѣнію Забѣлина, „мелкій полууставъ“ Домостроя Общества Исторіи „первой половины или, опредѣленнѣе можно сказать, второй четверти XVI вѣка“ (*Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс.* 1881 г. кн. II, предисловіе, стр. II).

Такъ какъ Коншинскій списокъ, говорятъ, утерянъ, то правъ ли авторъ „Опыта“ относительно времени его появленія—рѣшать не беремся, но мимоходомъ замѣтимъ слѣдующее: 1) Голохвастову было виднѣе знать вѣкъ рукописи издаваемаго имъ Домостроя, при содѣйствіи Н. М. Коншина. Не задаваясь вопросомъ, къ какой четверти или половинѣ столѣтія отнести списокъ, вопросомъ, который требуетъ самаго кропотливаго труда, большаго навыка и даже въ этомъ случаѣ едва ли когда точно рѣшается, Голохвастовъ категорически сказалъ: „Вся рукопись и оглавленіе чистаго славянскаго книжнаго почерка XVI вѣка, безъ знаковъ препинанія“ [1]). 2) По мнѣнію г. Забѣлина, Коншинскій списокъ „безспорно“ относится къ XVI вѣку [2]). 3) Увѣреніе г. Некрасова о письмѣ снимка, приложеннаго къ изданію Голохвастова, что „такое письмо и такія начертанія буквъ полуустава встрѣчаются и въ началѣ XVII вѣка“, мало убѣдительно. Чтобъ опредѣлить болѣе или менѣе точно четверти, или полустолѣтія Коншинскаго списка, нужно, вопервыхъ, либо видѣть весь списокъ, либо съ особенною тщательностью разобрать, какъ общій видъ, такъ и отдѣльныя начертанія упомянутаго списка и, вовторыхъ, обратить серьезное вниманіе на бумажныя клейма, взятыя изъ рукописи Домостроя и приложенныя Голохвастовымъ къ изданію. Рѣшать первый вопросъ въ его послѣдней части мы не можемъ: мало опыта и подходящихъ знаній; что же касается втораго, то и тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Намъ неизвѣстны сочиненія, какъ русскія, такъ и иностранныя, изъ коихъ мы могли бы узнать: откуда и какихъ преимущественно фабрикъ доставлялась бумага въ Россію, въ какой промежутокъ времени существовали эти фабрики, какія у нихъ были клейма и т. д. Въ этомъ отношеніи труды Лаптева [3]) и Тромонина [4]) слишкомъ недостаточны для нашей цѣли. Но для насъ, въ сущности говоря, и не важно опредѣлять съ извѣстною точностью вѣкъ Коншинской рукописи Домостроя; мало того: мы можемъ согласиться даже съ мнѣніемъ г. Некрасова, хотя оно и противорѣчитъ словамъ нашихъ опытныхъ палеографовъ, какъ покойный Голохвастовъ и И. Е. Забѣлинъ. Почему это такъ—увидимъ далѣе, а теперь пока скажемъ, что всѣ другіе многочисленные списки Домостроя принадлежатъ къ XVII вѣку и по изводамъ сходны со спискомъ Обще-

[1]) *Врем. Общ. Ист. и Др.* 1849 г., кн. I, предисл., стр. I.
[2]) *Чтенія Общ. Ист. и Др.* 1881 г., кн. II, предисл., стр. III.
[3]) Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ. С.-Пб. 1824.
[4]) Знаки писчей бумаги. М. 1844.

ства Исторіи и Древностей Россійскихъ, либо съ Коншинскимъ. Кромѣ тѣхъ, которые описаны у Голохвастова и въ „Опытѣ“, мы указываемъ еще на два списка Домостроя изъ библіотеки Андрея Попова, оба XVII вѣка. Одинъ изъ нихъ (№ 2430 въ Моск. Публ. музеѣ), болѣе полный, по редакціи относится къ Коншинскому изводу, другой, помѣщенный въ сборникѣ (№ 2522 тамъ же), на ряду съ разными статьями [1]), содержитъ въ себѣ лишь 15 начальныхъ главъ Домостроя Общества Исторіи. Главное отличіе списка Общества отъ Коншинскаго состоитъ въ слѣдующемъ: 1) въ предисловіи, котораго нѣтъ въ спискѣ Коншина; 2) въ большей полнотѣ нѣкоторыхъ главъ и въ ихъ расположеніи; 3) въ разныхъ редакціяхъ главы: „Како чадъ воспитати, съ надѣлкомъ замужь выдати“; 4) въ отсутствіи такъ-называемаго Малаго Домостроя или послѣдней (64-ой) главы Коншинскаго списка, и наконецъ, 5) въ четырехъ послѣднихъ добавочныхъ главахъ [2]), коихъ нѣтъ въ Коншинскомъ спискѣ [3]). Указавъ на древность и полноту списка Общества, сравнительно съ Коншинскимъ, г. Некрасовъ задаетъ такой вопросъ: можно ли въ Домостроѣ предполагать нѣсколько изводовъ, и отвѣчаетъ на него такъ:

„До сихъ поръ полагали, что Домострой имѣетъ нѣсколько изводовъ. Вопросъ объ изводахъ Домостроя былъ поднятъ И. Е. Забѣлинымъ, который, напечатавъ одно, очень важное, предисловіе къ Домострою по Погодинскому списку, замѣтилъ: „Это предисловіе и самый списокъ Домостроя, подобно спискамъ, вошедшимъ въ изданіе, за исключеніемъ Коншинскаго, указываютъ на особыя редакціи, которымъ впослѣдствіи было подвергнуто оригинальное сочиненіе Сильвестра. Редакторы выбирали изъ Сильвестрова текста все то, что̀ согласовалось съ ихъ видами и нуждами, которыми руководствовались они въ размѣщеніи самыхъ главъ, или статей, измѣняли и совсѣмъ выключали цѣлыя главы. Такъ въ нѣкоторыхъ спискахъ измѣ-

[1]) Таковы: а) Пчела въ 71 главѣ; b) Повѣсть о бѣломъ клобукѣ; с) Полемическія и пасхальныя статьи, въ томъ числѣ: „Предисловіе святцомъ, написаніе вкратцѣ о году солнечномъ и о прочихъ предстоящихъ въ немъ Россійскаго царствія цареву книгчію киръ Софронію Постнику“. Ниже мы укажемъ, какъ на порядокъ главъ, такъ и на главныя отличія этихъ списковъ отъ двухъ древнихъ изводовъ Домостроя.

[2]) А именно: Гл. 64: „Указъ о ѣствѣ во весь годъ, что въ столы ѣствы подаютъ и т. д.“; гл. 65: „Указъ о всякихъ медахъ о кислыхъ“ и пр.; гл. 66: „Указъ о всякихъ овощахъ о разныхъ и т. д.“; гл. 67: „Чины свадебные, какъ князю молодому женитися, четыре статьи и пр.“

[3]) Болѣе подробныя отличія указаны въ Опытѣ, стр. 55—73.

нена глава: „Како подобаетъ креститися иконамъ“, въ другихъ, напримѣръ, Большаковскомъ, исключена большая часть статей хозяйственныхъ „о домашнемъ строеніи“; или въ другомъ мѣстѣ: „Различное размѣщеніе и порядокъ главъ въ спискахъ Домостроя, разныя сокращенія и распространенія нѣкоторыхъ мѣстъ, прибавленіе въ нѣкоторыхъ спискахъ цѣлыхъ главъ и обширныхъ дополненій показываютъ, что Домострой не просто былъ переписываемъ, но подвергался разнымъ редакціямъ“. Таково мнѣніе было высказано на основаніи извѣстныхъ въ то время списковъ. Былъ извѣстенъ одинъ списокъ XVI вѣка и нѣсколько списковъ XVII. Многіе списки XVII вѣка гораздо полнѣе списка Коншина, а потому предполагать возможность существованія изводовъ было совершенно естественно. Хотя, собственно говоря, понятіе объ изводѣ (редакціи), какъ оно было разъяснено г. Кубаревымъ въ его спорѣ съ преосвященнымъ Макаріемъ, предполагаетъ переработку въ языкѣ, въ слогѣ, въ размѣщеніи статей, съ какою-нибудь извѣстною цѣлью, извѣстною мыслью, придающею особое свойство редактированному такимъ образомъ литературному произведенію, однако списковъ, представляющихъ такія рѣзкія отличительныя особенности, между извѣстными списками Домостроя, указать было не возможно. Всѣ эти списки XVII вѣка, не смотря на свою значительную полноту, сравнительно со спискомъ Коншинскимъ, не представляютъ ни одной важной вновь устроенной главы, а только добавленія, дополненія и развитія тѣхъ же самыхъ главъ, или отдѣльныхъ мыслей, которыя встрѣчаются въ спискѣ Коншина. Но повторимъ снова: предполагать возможность изводовъ Домостроя, при большей полнотѣ списковъ позднихъ, сравнительно съ раннимъ, было естественно. Эта мысль объ изводахъ Домостроя повторялась многими, но не вызывала никого приняться за трудъ надъ изслѣдованіемъ этого вопроса. Въ настоящее время, когда мы имѣемъ подъ руками новый, болѣе древній списокъ Домостроя, въ которомъ всѣ статьи и добавленія, которыя до сихъ поръ попадались только въ спискахъ позднихъ, разумѣется, вопросъ о различныхъ изводахъ Домостроя рушится самъ собою. Оказывается, что въ концѣ XV в., въ началѣ, или первой половинѣ XVI вѣка, сложился полный изводъ Домостроя; что къ этому полному изводу впослѣдствіи ровно ничего не прибавлено въ нашей письменности; что изъ нея-то именно и бралъ каждый, дѣлавшій для себя списокъ Домостроя. Всѣ дополнительныя статьи позднихъ списковъ XVII вѣка находятся въ этомъ спискѣ и, что всего любопытнѣе, не встрѣчается ни одной статьи,

ни одного мелкаго добавленія, ни въ спискахъ XVI, XVII, ни въ спискахъ XVIII вѣка. Ясно, что письменною работой надъ изводомъ Домостроя въ нашей словесности собственно занимались въ первой половинѣ XVI вѣка, что послѣ этого не было ни одного извода въ собственномъ смыслѣ этого слова" [1]).

Вся эта выписка, за исключеніемъ, конечно, подлинныхъ словъ г. Забѣлина, приводитъ насъ въ недоумѣніе. Почему именно „вопросъ о различныхъ изводахъ Домостроя долженъ рушиться, послѣ того, какъ былъ найденъ списокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ? Что̀ мѣшаетъ словамъ почтеннаго автора „Быта русскихъ царицъ" по прежнему оставаться во всей своей силѣ и не быть анахронизмомъ? Г. Забѣлину, былъ извѣстенъ списокъ Погодинскій, которымъ пользовался Голохвастовъ. Что̀ говоритъ авторъ опыта объ этомъ спискѣ? Онъ былъ „совершенно тожественъ со спискомъ г. Савваитова" [2]). А этотъ послѣдній что за списокъ? Онъ, по словамъ Г. Некрасова, одна „изъ точнѣйшихъ копій списка древнѣйшаго", то-есть, Общества Исторіи и Древностей [3]). Отсюда заключеніе прямое: значитъ г. Забѣлинъ, предполагая въ Домостроѣ разныя редакціи, былъ знакомъ съ составомъ списка Общества Исторіи и Древностей. Поправить г. Забѣлина можно было развѣ лишь въ томъ только смыслѣ, что существуетъ не нѣсколько редакцій Домостроя, а всего только двѣ: одна—въ спискѣ Коншина, другая—въ спискахъ Погодина, Царскаго, Большакова и Архивскомъ. Но и тутъ—какъ смотрѣть на дѣло. Вѣдь редакціей—съ чѣмъ согласенъ и г. Некрасовъ—называется такое измѣненіе оригинала памятника, которое сдѣлано съ извѣстною цѣлью, приспособленіемъ? Если же это такъ, то, считая списокъ Коншина ближайшимъ къ оригиналу, развѣ г. Забѣлинъ не могъ назвать списки Большакова, Погодина и Царскаго отдѣльными редакціями памятника: первый былъ приспособленъ преимущественно для религіозно-нравственныхъ цѣлей, а потому въ немъ большая часть хозяйственныхъ статей была исключена, второй былъ приноровленъ для всеобщаго употребленія православныхъ [4]) хри-

[1]) См. Опытъ, стр. 133—134.

[2]) Опытъ, стр, 80.

[3]) Ibid.

[4]) Въ спискахъ Погодина и Царскаго первая глава списка Коншина, несомнѣнно носящая личный характеръ, была измѣнена, хотя и не совсѣмъ умѣло, въ главу, обращенную ко всѣмъ православнымъ христіанамъ (ср. у *Голохвастова*, стр. 1); въ Архивн. спискѣ тоже нѣтъ 1-ой главы Коншинскаго списка: онъ начатъ со 2-й

стіанъ, наконецъ, третій—для такого же употребленія, но только лицъ, признающихъ троеперстіе [1]). Наконецъ, становясь даже на точку зрѣнія г. Некрасова, развѣ списокъ Коншина—не особая редакція, по сравненію съ спискомъ Погодинскимъ? Вѣдь списокъ Погодина, по содержанію и даже по порядку статей, въ большинствѣ случаевъ одинаковъ со спискомъ Общества Исторіи и Древностей, а послѣдній, по словамъ автора „Опыта", представляетъ другой изводъ, чѣмъ списокъ Коншинскій, который онъ самъ называетъ Сильвестровскимъ изводомъ? Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Некрасова, что дѣйствительно существуютъ только двѣ главныя редакціи Домостроя, мы все-таки не можемъ понять, въ чемъ заключается смыслъ сдѣланной нами выписки изъ „Опыта". Отвѣтъ на это мы находимъ на стр. 135 „Опыта", гдѣ г. Некрасовъ говоритъ слѣдующее: „Не смотря на ясныя доказательства старшинства этого списка (то-есть, Общества Исторіи и Древностей), сравнительно со спискомъ Коншина, а потому и на большую его близость къ первобытному изводу полнаго списка Домостроя" и т. д. Такъ вотъ гдѣ разгадка недоразумѣній, заключающихся въ сдѣланной нами выпискѣ! Г. Некрасовъ ведетъ всѣ списки Домостроя отъ списка Общества Исторіи и смѣшиваетъ, такимъ образомъ, древній списокъ (допускаемъ, что онъ древнѣе Коншинскаго) съ первоначальною редакціей памятника, полагая, что чѣмъ древнѣе списокъ, тѣмъ редакція, заключающаяся въ немъ, ближе къ оригиналу памятника. Но справедливо ли это? Нѣтъ, и въ этомъ главная ошибка г. Некрасова, ошибка [2]), отъ которой зависитъ большинство другихъ выводовъ, находящихся въ „Опы-

---

[1]) Въ спискѣ Погодина есть такое добавленіе, какого мы не находимъ ни въ одномъ изъ списковъ памятника, а именно статью: „Како подобаетъ креститися и поклонятися Образу Спасову" (гл. 14), которая, совѣтуя придерживаться троеперстнаго православнаго крестнаго знаменія, отличаетъ послѣднее отъ такъ-называемаго „именословнаго" изображенія креста. Эта глава Погодинскаго списка буквально выписана изъ Никоновской Скрижали, изъ слова Дамаскина монаха, иподіакона Студита и изъ посланія Константинопольскаго патріарха Паисія къ патріарху Никону (*см. Правосл. Соб.* 1870 г., январь, стр. 51). Значитъ, и въ этомъ даже случаѣ не совсѣмъ былъ правъ г. Некрасовъ, утверждавшій, что къ полному изводу Домостроя „впослѣдствіи ровно ничего не прибавлено въ нашей письменности" (Опытъ, стр. 134). Погодинскій списокъ доказываетъ противное. Въ спискѣ Царскаго эта 14-я глава съ православнымъ троеперстіемъ вырѣзана, а начало ея заклеено.

[2]) На эту ошибку, какъ мы слышали, указывалъ г. Некрасову на диспутѣ и Н. С. Тихонравовъ.

тѣ". Отожествлять древній списокъ памятника съ его древнею редакціей нельзя. Какъ въ русской, такъ и иностранныхъ литературахъ, мы найдемъ не мало примѣровъ въ пользу того, что редакція самаго поздняго списка бываетъ въ то же время самою древнею редакціей памятника, и на оборотъ, болѣе древній списокъ заключаетъ въ себѣ очень часто позднѣйшій изводъ рукописнаго сочиненія. Такъ, напримѣръ житіе Бориса и Глѣба, написанное черноризцемъ Іаковомъ, сохранилось между прочимъ въ харатейномъ спискѣ XIV вѣка (Сильвестровскій сборникъ) и въ Софійской Новгородской рукописи XVII столѣтія; редакціи — разныя, но какая древнѣе? Срезневскій въ статьѣ: „Древнія жизнеописанія русскихъ князей X—XI вѣковъ" [1]) съ очевидностью доказалъ, что редакція Сильвестровскаго Сборника, заключая разныя посланія, составлена позднѣе, чѣмъ редакція списка XVII вѣка Новгородской Софійской библіотеки (теперь С.-Петербургской духовной академіи). А вотъ еще примѣръ. „Хожденіе Богородицы по мукамъ" долгое время было извѣстно только въ одномъ пергаменномъ спискѣ XII вѣка, начинающемся перечнемъ языческихъ божествъ: Траяна, Хорса и т. д. Другіе списки „Хожденія" не совпадали съ этою древнею редакціей, принадлежащею библіотекѣ Троице-Сергіевой лавры, и лишь недавно въ одномъ сборникѣ XVIII вѣка (изъ коллекціи профессора Н. С. Тихонравова), послѣ длинной статьи о Страстяхъ Христовыхъ, найдено было „Хожденіе", редакція котораго совпадаетъ со спискомъ XII вѣка, возстановляетъ утраченное начало и сохраняетъ тѣ же имена языческихъ боговъ [2]). Эти примѣры, равно какъ и многіе другіе, въ достаточной степени могутъ убѣдить всякаго въ томъ, что при изученіи какого-нибудь рукописнаго памятника словесности разныхъ редакцій, нужно прежде всего обратить вниманіе на редакціи списковъ и, не смущаясь позднимъ происхожденіемъ рукописи, опредѣлить—какая редакція позднѣйшая, какая переработанная, какая ближайшая къ оригиналу памятника; затѣмъ, изъ одинаковыхъ редакцій, ближайшихъ къ первоначальному виду памятника, выбрать списокъ самый ранній и положить его въ основу изслѣдованія. Такъ ли поступилъ г. Некрасовъ? Нѣтъ. Вполнѣ игнорируя вопросъ о редакціяхъ и довѣрчиво смѣшивая болѣе древній списокъ съ древнею редакціей памятника, онъ не задумываясь обращаетъ исключительное вниманіе на списокъ Обще-

[1]) См. *Извѣстія Имп. Ак. Н. по Отд. русск. языка*, т. II, стр. 122.

[2]) Указаніемъ на послѣдній примѣръ мы обязаны Н. С. Тихонравову.

ства Исторіи и Древностей Россійскихъ, строитъ на немъ только одномъ свои выводы, а всѣ отличія Коншинскаго списка, который въ „Опытѣ“ названъ Сильвестровскимъ, его сокращенія, добавленія, перестановки главъ противъ списка Общества, объясняетъ стараніями попа Сильвестра передѣлать будто бы новгородскій Домострой на московскій ладъ. На сколько правиленъ такой пріемъ—пусть судитъ самъ читатель. Слѣдовало бы сначала опредѣлить, въ какомъ изъ двухъ древнѣйшихъ списковъ Домостроя (всѣ остальные списки, какъ выше упомянуто, дѣлятся по составу и порядку статей между этими двумя древними изводами Домостроя) заключается редакція, болѣе близкая къ оригинальной, и, отыскавъ таковую, на ней дѣлать выводы. Еслибы г. Некрасовъ придержался такого порядка, то увидѣлъ бы, что списокъ Коншина, хотя сравнительно и немного позднѣй, заключаетъ въ себѣ изводъ болѣе древній и близкій къ оригиналу Домостроя, чѣмъ списокъ Общества. Пріемъ, посредствомъ котораго можно было бы убѣдиться въ большей древности списка Коншина,—простое сравненіе; но прежде, чѣмъ приступить къ послѣднему, мы считаемъ нужнымъ познакомиться съ тѣми выводами, къ какимъ приходитъ г. Некрасовъ вообще о Домостроѣ, его составѣ и происхожденіи.

II.

Согласимся на время съ авторомъ „Опыта“, хотя и на шаткомъ основаніи (древность списка), что списокъ Общества заключаетъ въ себѣ самый древній изводъ Домостроя. Къ какимъ же выводамъ приходитъ онъ, положивъ въ основу своего изслѣдованія этотъ древній изводъ памятника? „Поканчивая опытъ изслѣдованія о происхожденіи древнерусскаго Домостроя“, говоритъ г. Некрасовъ,—„мы сдѣлаемъ выводъ, къ чему мы пришли въ нашей работѣ, или лучше, укажемъ на тѣ итоги, которыхъ намъ удалось добиться въ нашемъ трудѣ:

„I. Нашъ древне-русскій Домострой не вдругъ явился въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Самою раннею, самою древнѣйшею частью мы считаемъ послѣднюю часть его: „О мірскомъ строеніи“. Она-то составляетъ самую первичную, самую основную часть Домостроя. Какъ первоначально накапливалась и наростала эта часть первичныхъ записей, пока еще объяснить не возможно, по недостатку данныхъ. Полагаемъ только, что матеріалъ для нея былъ въ XV в. въ Новгородѣ.

„II. Можно съ большою достовѣрностью полагать, что вторая часть Домостроя: „о мірскомъ строеніи", составлена въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ и могла существовать, какъ отдѣльное сочиненіе, написанное для какого-нибудь богатаго боярина, но кѣмъ именно составлена, не извѣстно.

„III. Первая часть Домостроя: „о духовномъ строеніи", составлена не позже конца XV, или начала XVI вѣка, тоже въ Новгородѣ, либо же въ Руси Московской, когда значеніе Московскаго князя начинало выростать до царской власти. Этому же неизвѣстному составителю принадлежитъ и полный изводъ цѣлаго Домостроя.

„IV. Священникъ Сильвестръ старался отуземить (акклиматизировать) Домострой въ Москвѣ, нѣсколько измѣнивъ, но больше сокративъ его и прибавивъ къ нему наставленіе къ своему сыну" [1]).

Итакъ, прежде всего списокъ Общества заставилъ г. Некрасова признать, что Домострой—трудъ не единоличный, а коллективный, принадлежащій не одному, а нѣсколькимъ лицамъ (тремъ), сочиненія которыхъ, написанныя въ разное время, были впослѣдствіи соединены въ одинъ сводъ и образовали полный Домострой. Первое сочиненіе, вошедшее въ составъ Домостроя, составляютъ, какъ мы узнаемъ изъ „Опыта", начальныя 15-ть главъ памятника; названо оно г. Некрасовымъ первою частью полнаго извода Домостроя. Вторая часть этого памятника, признанная авторомъ „Опыта" тоже за отдѣльное сочиненіе, появившееся въ литературѣ въ XV вѣкѣ, содержитъ въ себѣ главы отъ 16-й до 29-й включительно; наконецъ, третья часть заключаетъ въ себѣ остальныя главы Домостроя, начиная съ 30-й по списку Общества. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ составленія Домостроя приняли участіе три лица: 1) авторъ начальныхъ 15-ти главъ Домостроя, онъ же и составитель полнаго извода памятника, 2) авторъ слѣдующихъ 14 главъ (16 — 29), и 3) авторъ такъ-называемаго практическаго Домостроя (гл. 30—до конца). На чемъ основанъ такой взглядъ г. Некрасова? Прежде всего на предисловіи къ списку Общества Исторіи и Древностей. Это предисловіе, написанное, по мнѣнію г. Некрасова,— тѣмъ же лицомъ, которому принадлежитъ и полный изводъ Домостроя, заключаетъ въ себѣ, какъ онъ думаетъ, прямыя свидѣтельства въ пользу того, что Домострой состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ сочиненій. Но приведемъ лучше подлинныя слова автора „Опыта" объ этомъ предисловіи.

---

[1]) Опытъ, стр. 184.

„Въ своемъ введеніи, которое прежде считалось тоже позднимъ, онъ (то-есть, авторъ полнаго извода Домостроя и его начальныхъ 15 главъ) свой трудъ назвалъ: „Поученіе и наказаніе ѿ оцовъ дховныхъ“, потому что онъ выбиралъ содержаніе главъ изъ отцевъ церкви. Собственно только эту работу онъ оставляетъ за собою, а о всемъ остальномъ онъ говоритъ, какъ о принадлежащемъ трудамъ другихъ лицъ. Такъ, въ томъ же введеніи, онъ оговаривается: „И еще в сей книгѣ изнайдеши наказъ ѿ нѣкоего ѡ мирскомъ строеніи“. Ясно, что составитель общаго извода Домостроя указываетъ въ немъ на чужой трудъ, включенный имъ въ Домострой, трудъ, впрочемъ, и для этого изводчика не извѣстно кому принадлежащій. Наконецъ, этотъ изводчикъ указываетъ еще на третью составную часть, которую онъ внесъ въ Домострой: „І е̑ще в сей кни́гѣ изнайдеши ѡ домовно̑ строеніи“. При этомъ изводчикъ не дѣлаетъ уже указанія ни на какое безымянное лицо, а какъ на какое-то сочиненіе вообще. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ оговорокъ, ясно, что устраивавшій этотъ списокъ Домостроя, который относится къ XVI вѣку, имѣлъ отдѣльныя готовыя два сочиненія, которыя внесъ въ общій строй Домостроя: первое, какъ говоритъ нѣсколько ниже г. Некрасовъ,—„цѣликомъ, ничего не измѣняя, а второе съ нѣкоторыми поправками и ссылками отъ себя“ [1]).

Допустимъ, что указанія предисловія вѣрны, и что понимать ихъ нужно такъ, какъ понимаетъ и объясняетъ г. Некрасовъ. Но тутъ является вопросъ существенный и очень важный: подтверждаются ли указанія предисловія самимъ Домостроемъ, и найдутся ли въ текстѣ памятника данныя, которыя дали бы намъ право утверждать, что Домострой состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ сочиненій, написанныхъ разными авторами въ разное время? Обойдти этотъ вопросъ и положиться на одно предисловіе — доказательство не полное: указанія предисловія, если оно первоначально, должны быть тѣсно связаны съ текстомъ самаго памятника, если же этого не найдемъ, то на предисловіе придется взглянуть, какъ на позднѣйшее добавленіе къ оригиналу памятника [2]).

Итакъ, обращаемся къ тексту Домостроя по списку Общества и спрашиваемъ: что̀ нужно для того, чтобы признать каждую изъ трехъ

---

[1]) Опытъ, стр. 135, 145, 147, 149—150 и 160.

[2]) Аналогичный случай, гдѣ предисловіе противорѣчитъ памятнику, а потому явилось позднѣе послѣдняго, мы видимъ, напримѣръ, въ первой редакціи Хронографа (см. Обзоръ хронографовъ русск. редакціи *А. Попова*, т. II).

составныхъ частей полнаго Домостроя за отдѣльное сочиненіе? Отвѣтъ прямой: нужно указать хотъ какія-нибудь если не противорѣчія, то особенности въ содержаніи и въ формѣ между каждою изъ этихъ трехъ частей, ибо лишь при такомъ условіи подтвердится справедливость указаній предисловія въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его авторъ „Опыта“. Важность этого условія г. Некрасовъ самъ сознавалъ и попытался поэтому предисловіе согласовать съ текстомъ памятника. Стараясь противопоставить вторую часть Домостроя, или такъ-называемый „Наказъ отъ нѣкоего о мірскомъ строеніи“ (главы 16—29 включительно), первой части памятника (главы 1—15 включительно), онъ выставилъ на видъ слѣдующее: „Въ то время“, говоритъ онъ,—„какъ первыя 15 главъ полнаго Домостроя отъ хорошаго человѣка постоянно требуютъ, чтобы онъ помнилъ царя, повиновался царской власти, молился за него, служилъ ему вѣрой и правдой, въ идеалъ той главы, начало которой мы выписали (см. начало 29-й главы по Списку Общества), и въ предшествующихъ, начиная съ XVI, не зашло ни одного подобнаго намека, или указанія на царскую власть“ [1]). То же отсутствіе намековъ на царскую власть видитъ г. Некрасовъ и въ третьей части Домостроя, то-есть, въ главахъ отъ 30-й до конца. „Прибавимъ къ этому, какъ и относительно второй части, что въ ней нисколько не чувствуется власти царской“ [2]). Вотъ та особенность, которую замѣтилъ г. Некрасовъ въ текстѣ Домостроя, единственная между I-ю и II-ю частями Домостроя и одна изъ очень немногихъ между I-ю и III-ю частями памятника. Хоть это отличіе I-го отдѣла Домостроя отъ двухъ остальныхъ и ничтожно, но въ глазахъ г. Некрасова оно получило особенное значеніе и заставило его сдѣлать очень важный выводъ. „Первая часть Домостроя“, говоритъ онъ,—„очень рѣзко отличается отъ послѣдующихъ тѣмъ, что въ ней постоянныя упоминанія о царѣ, о почитаніи царской власти, тогда какъ въ слѣдующихъ затѣмъ частяхъ Домостроя нѣтъ ничего похожаго, что̀ ясно указываетъ [3]), какъ на разницу мѣстностей, гдѣ составлялись эти части, такъ еще болѣе на разницу времени ихъ составленія“. Противъ такого вывода можно возразить слѣдующее: Если въ „Наказѣ“ (гл. 16 — 29), и именно въ его 28-й

---

[1]) См. Опытъ, стр. 151.
[2]) Ibid., стр. 169.
[3]) Ibid., стр. 136—137.

и 29-й главахъ [1]), на которыя собственно и ссылается г. Некрасовъ, нѣтъ указаній на царскую власть, а въ первыхъ 15-ти главахъ Домостроя такихъ указаній много, то неужели изъ этого одного можно заключить, что обѣ первыя части Домостроя написаны двумя лицами въ разное время? Развѣ нельзя объяснить подобное явленіе какъ-нибудь иначе? Развѣ нельзя предположить, что авторъ всѣхъ 29-ти начальныхъ главъ Домостроя былъ одинъ и не упомянулъ въ послѣднихъ двухъ главахъ о царской власти либо потому, что раньше много говорилъ о ней, либо потому, что считалъ неподходящимъ распространяться о почитаніи царя въ этихъ главахъ? Вѣдь не явная же необходимость (въ родѣ, напримѣръ, какого-нибудь требованія текста), а только личное желаніе заставили г. Некрасова предположить, что въ 28-й и 29-й главахъ, еслибъ онѣ были написаны тѣмъ же лицомъ, которому принадлежитъ и I-я часть Домостроя, должно непремѣнно находиться указаніе на царскую власть и ея почитаніе. Гдѣ же прямыя доказательства въ пользу того, что I-я и II-я части Домостроя составлены разными авторами въ разное время, когда отсутствіе намековъ на царскую власть во II-й части можно объяснить иначе? Ихъ нѣтъ въ трудѣ г. Некрасова.

Съ другой стороны, по вопросу объ этой царской власти у насъ является такое соображеніе. Извѣстно (мы смотримъ съ точки зрѣнія г. Некрасова), что составитель предисловія и первыхъ 15-ти главъ (онъ же авторъ и полнаго извода, какъ думаетъ г. Некрасовъ) Домостроя по списку Общества былъ ярымъ „сторонникомъ усиленія царской власти Московскаго князя“ [2]). Если это такъ, то почему же—спрашивается—онъ (то-есть, составитель полнаго извода Домостроя), внося „наказъ о мірскомъ строеніи“ въ этотъ изводъ, самъ отъ себя ничего не прибавилъ о почитаніи царской власти? Какъ онъ, ревностный поборникъ царской власти, могъ допустить, чтобы тѣ главы „наказа“ (28-я и 29-я), въ которыхъ, по мнѣнію г. Некрасова, игнорируется достоинство царя, вошли въ составленный имъ полный изводъ Домостроя безъ всякаго измѣненія и дополненія? Если при-

---

[1]) а) „О непрѣномъ житіи“ в) „О правѣномъ житіи“. Что касается другихъ главъ „Наказа“, то въ нихъ говорится только о внутреннихъ порядкахъ дома, объ отношеніяхъ хозяина къ женѣ, дѣтямъ, домочадцамъ и т. п. Упоминать о царѣ, царской власти и т. п. было здѣсь совсѣмъ не кстати. Это сознаетъ и самъ г. Некрасовъ.

[2]) Опытъ, стр. 137.

знать „Наказъ“ за отдѣльное сочиненіе, то такое обстоятельство объясняется очень просто: составитель полнаго извода памятника смотрѣлъ на 28-ю и 29-ю главы „Наказа“ иначе, чѣмъ смотритъ на нихъ авторъ „Опыта“, то-есть, онъ вовсе не думалъ, что отсутствіе намековъ или прямаго указанія на царскую власть въ этихъ двухъ главахъ, могло дать кому-либо поводъ предполагать, будто эти главы изображаютъ такой бытъ, при которомъ еще не знали царя. Очевидно, что мнѣніе г. Некрасова о томъ, будто было бы очень кстати упомянуть автору „Наказа“ въ 28-й и 29-й главахъ о царской власти, не можетъ быть принято. Что касается III-й части Домостроя („о домовномъ строеніи“), то поднимать, при разборѣ ея, вопросъ о томъ, „что въ ней нисколько не чувствуется власти царской“ [1]), вовсе не слѣдовало бы: вѣдь въ практическомъ Домостроѣ, кромѣ свѣдѣній, относящихся къ домашнему хозяйству, искать чего-либо другаго нельзя, а еслибъ и можно было, то составитель полнаго извода Домостроя и авторъ первыхъ 15-ти главъ, этотъ рьяный поборникъ царской власти, непремѣнно сдѣлалъ бы намекъ на эту власть и въ III-й части Домостроя, если только онъ „на эту часть несомнѣнно наложилъ свою руку“ [2]), какъ думаетъ авторъ Опыта. Такимъ образомъ, вопросъ о намекахъ на царскую власть въ III-й части Домостроя долженъ быть устраненъ.

Постараемся теперь провѣрить другія характеристическія особенности „Наказа“ (II-й части Домостроя), которыя, по мнѣнію г. Некрасова, заставляютъ смотрѣть на эту часть памятника, по сравненію съ третьимъ отдѣломъ послѣдняго („о домовномъ строеніи“), какъ на отдѣльное сочиненіе. Эти особенности „Наказа“ сводятся авторомъ „Опыта“ къ слѣдующему. Въ то время, какъ „Наказъ“ изображаетъ намъ бытъ исключительно новгородскаго богатаго боярина, для котораго онъ собственно и писанъ, третья часть Домостроя „имѣетъ въ виду уже бытъ всякаго мало-мальски состоятельнаго человѣка“ [3]). Въ доказательство подобнаго предположенія г. Некрасовъ ссылается: 1) на 29-ю главу, въ которой, по его мнѣ-

---

[1]) Опытъ, стр. 169. Это не совсѣмъ справедливо: въ 31-й главѣ по Списку Общества читается: „Всякому человѣку... разсудити себя... по промыслу и по своему имѣнію, а „приказному человѣку жити смѣтя себя по государьскому жалованію“. Здѣсь подъ словомъ „приказный человѣкъ“ нужно понимать не прикащика какого-либо боярина, а царскаго приказнаго человѣка.

[2]) Ibid., стр. 160.

[3]) Ibid., стр. 170.

нію „дѣйствительно виднѣется бытъ новгородскаго богача боярина“ [1]); 2) на то, что положеніе женщины въ „Наказѣ“ представлено болѣе свободнымъ, менѣе зависимымъ, а потому скорѣе относящимся къ жизни новгородскихъ, нежели московскихъ боярынь XV вѣка [2]), и 3) на то, что въ „Наказѣ“ нѣтъ предписаній, отличающихся скупостью и скопидомствомъ, а это, по мнѣнію г. Некрасова, указываетъ лишь на жизнь богатаго человѣка. Этими тремя ссылками и исчерпывается вся сумма доказательствъ г. Некрасова въ пользу того, что II-я и III-я части Домостроя суть отдѣльныя сочиненія, написаны разными лицами и въ разное время. Провѣримъ каждую изъ этихъ ссылокъ въ отдѣльности. Г. Некрасовъ категорически утверждаетъ, будто 28-я и 29-я главы рисуютъ „идеалъ новгородскаго богача боярина“ и властелина, а въ доказательство приводитъ начало главы: „О праведномъ житіи“. Но если начало этой главы заставило г. Некрасова сдѣлать такой выводъ, то къ какому пришелъ бы онъ заключенію, еслибы прочелъ слѣдующій конецъ той же самой главы по списку Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ: „А торговыѐ люди і҆ мастероыѐ і҆ земледеръцї та́ко҃ прамы҆ і҆ бл҃гословены торгꙋю҃ і҆ рꙋкодѣ́лничаю҃, і҆ пашꙋ не оукра҃чи, нѝ разбое҆, ни́ грабленїе҆, нѝ поклепѡ҆, нѝ вы́лгав, ни вы-божи҃, ни которы҆ зло́хитр́ствѡ҆, нѝ рѣзои҆ствѡ҆, но прамою̀ своею си́лою̀ і҆ бл҃гословеными припл҃оды і҆ прв҃ными труды тѡ́гꙋю, і҆ рꙋкодѣ́лничаю҃, і҆ли пашѫ҃ хлѣ҃ і҆ всакое҆ о́билие, і҆ всакїе дѣла, твора҃ добраѧ по хрт҃їанскомꙋ законꙋ и по заповѣде҆ г҃ним҆, в се вѣцѣ оугоди҃, і҆ жизнь вѣчнꙋю наслѣдить“.

Ясно, кажется, что 29-я глава писана не для одного какого-нибудь богача боярина, а для всѣхъ вообще людей; значитъ, и искать здѣсь „идеалъ новгородскаго властелина“ не приходится. То же самое слѣдуетъ сказать и про другія главы „Наказа“: написаны онѣ, какъ и главы 3-й части Домостроя, вообще для состоятельныхъ людей, и въ этомъ отношеніи между II-ю и III-ю статьями памятника нѣтъ ни малѣйшей разницы.

Пойдемъ далѣе. Свой выводъ, будто „Наказъ“ изображаетъ жизнь новгородскаго боярина XV вѣка, г. Некрасовъ основываетъ также и на томъ, что женщина представляется здѣсь (гл. 16—29) болѣе свободною и независимою, чѣмъ въ томъ отдѣлѣ Домостроя, который

---

[1]) Ibid., стр. 150.

[2]) Ibid., стр. 156,

въ предисловіи названъ „О домовномъ строеніи“. Въ „Наказѣ“ разсуждаетъ г. Некрасовъ,—„нѣтъ тѣхъ грубыхъ предписаній относительно женщины („ино платью постигать по винѣ смотря“: гл. 42 по списку Общества), какія мы находили въ III-й части Домостроя“ Не станемъ спорить съ г. Некрасовымъ о томъ, гдѣ женщина чувствовала себя болѣе свободною, болѣе независимою отъ власти деспота мужа, въ Москвѣ или въ Новгородѣ; спросимъ только: въ какой главѣ „Наказа“ нашелъ г. Некрасовъ прямыя доказательства въ пользу болѣе самостоятельнаго положенія женщины въ домашнемъ быту, сравнительно съ III-ею частью Домостроя? Такой главы или главъ нѣтъ. Хозяинъ домовладыка во II-й части Домостроя является съ такою же неограниченною и всеконтролирующею властью, какъ въ I-й и въ III-й частяхъ памятника: какъ здѣсь такъ и тамъ, жена во всемъ должна повиноваться мужу, во всемъ спрашиваетъ его совѣта и наставленія; даже домашнимъ хозяйствомъ во всѣхъ его мелочахъ,—и тѣмъ заправляетъ самъ домовладыка, первою и безотвѣтною помощницей котораго является жена. Приведемъ примѣры. Въ 16-й и 17-й главахъ хозяинъ самъ поручаетъ ключнику покупать „всякій запасъ“, самъ его провѣряетъ, самъ—наконецъ—приказываетъ, какъ ставить и подавать блюда на столъ; въ главѣ 18-й говорится: „Да и то бы было ѿ гдра в наказе ключнику, в мясоѣ каа ѣства ѿдавати в повáрню про гдра, и про домашней обихѿ, і про гость. а в постныѣ дни потомъ“. і ѡ питіи наказъ надѡбенъ ѿ гдра, ключнику, како питіе носити гдрю і его женѣ, пріо сею, і про гѿ. і то все чинити і дѣлати і ѿдати по гдрвѹ наказѹ. а ѡ всакѡ дѣлѣ ключникѹ гдра по вса оутри спрашиватися, о ѣствѣ, і о питіи і о всакѡ обиходѣ, каа ѡ повелитъ, тако и творити“. 25-я глава начинается такими словами: „Да самому себе гдрю і женѹ і дѣти да і домочáцевъ оучити не красти, не блáсти, не солгати, не оклеветати и т. п. и далѣе: „аще ли небреженіѣ і нерадѣніѣ твои самъ, или жена твоа твои ненаказаніемъ съгрѣшій і зло прѣ бгомъ сотворіи, или домочáци твои мужи и жены.... всѣ вкупѣ по дѣлѡ свои пріимете... мукѹ вѣчнѹю, а добро сотворшии і іже сѹщіи с тобою вкупѣ пріимеши с ними вѣчнѹю жизнь. а себѣ бѡши вѣнѣ пріимеши, понѣ не о себе единѡ попеченіе имѣа к бгѹ, но і сѹщі с собою введъ в жизнь вѣчнѹю“ Надзоръ и вмѣшательство во всѣ мелочи будничной жизни заставляютъ хозяина даже заботиться о томъ, въ какое платье должны быть одѣты слуги: „платьецѣ бы ѡправѹлися в каково и гдрь по-

вели“ (гл. 16). Но рельефнѣе всего замкнутое положеніе женщины, самый бдительный надзоръ за нею со стороны мужа, крайняя подозрительность послѣдняго, уже сама по себѣ не допускающая свободныхъ и искреннихъ отношеній между супругами, представлены въ 26-й главѣ по списку Общества, въ дополненіи, котораго мы не находимъ въ Коншинской редакціи этой 22-й главы. Женская свобода здѣсь стѣснена до того, что хозяйка не можетъ заводить своихъ знакомствъ не только съ мужчинами, но даже съ посторонними женщинами: ревнивый мужъ видѣлъ въ этомъ сводничество, потому что чувствовалъ, что его невольница-жена, забитая и загнанная женщина, не можетъ быть съ нимъ чистосердечна, и если не въ состояніи завести прямыхъ сношеній съ мужчинами [1]), чего теремная жизнь никакъ не позволяла, то затѣетъ интригу и измѣнитъ мужу, при помощи разныхъ кумушекъ. Хитрая посредница, желая познакомиться съ недоступною хозяйкой дома, становится, по описанію автора, по видимому, лично на себѣ испытавшаго всѣ непріятныя послѣдствія неискренности жены, запертой въ теремѣ торговкою, „і҆ прише҃ и҆ пытае҃ од ни҃х (то-есть, у служанокъ, отправившихся на рѣку или за водой, или бѣлье полоскать), „надобѣ ли вамъ то и҆ли и҆ное, или гдⷭ҇рни вашеи҆. і҆ о҆нѣ оу҆ нѣѐ попытаю҃ е҆ ли то̀, о҆на҃ мѡ҆ви҃ е҆. і҆ онѣ е҆и҆. даѝ мы҃ покаже҃ гдⷭ҇рнї. ѡ҆на҃ ѿмѡ҆вица, дала есмь тоѝ и҆ то̀ женѣ доброи҃, тово і тово, і скаже҃ че҃лка доброгѡ҃ еще і҆ по имени, а все лже҃, і азъ кунки идꙋ, да у неѐ воѕмꙋ і҆ к вамъ принесꙋ ѡ҆ни҃ еи҆ призаприта҃, принеси к на҃ до о҆бѣда҃, и҆ли ка вечерню пою҃, баба҃ мѡ҆ви҃. оу҆ кꙋнки, ѕнаю҃ ꙗ ка҃ к ва҃ притти, то҃ вы҃ гдⷭ҇рѧ блюдете҃. і҆ ѿі҆детъ ѿ ни҃х, і҆ не и҆детъ к ни҃ дн҃ь и҆ли два҃. по дн҃и҃ і҆ по дрꙋгѡ҃, к дворꙋ же к ни҃ не иде҃, і҆ стрежетъ и҆х, какъ поидѫ҃ на рѣкꙋ по̀ водꙋ, и҆ли апл҃ѧ мы҆ти, баба҃ поиде҃ рекши мимо, ѡни҃ еѧ҆ в҆скличю҃, і҆ мѡ҆ватъ ей ѡ҆ че҃ к намъ не бывала і҆ не принесла што хотѣла принести, баба҃ к ни҃ оудиви́тца ве҆лми і҆ мо̀лвитъ, вчера і҆ третїем дн҃и была е҆сми оу҆ тоѐ і҆ оу҆ тоѐ жены добрыѐ, і҆ мꙋжꙋ и҆мѧ скаже҃, а҆ оу҆ ни҃х бы҃ пиръ, і҆ она̀ кормилица менѧ і҆ не ѿпустила, і҆ ночевала е҆смь ꙋ неѧ̀ съ еѧ̀ служками, а҆ тамо е҆смь і҆ не

---

[1]) Хозяинъ запрещаетъ говорить съ постороннимъ мужчиной не только своей женѣ, но даже всей женской прислугѣ: „Жонка і҆ дѣвка по воду поідѫ҃, и҆ли платїѧ мыти і҆ съ мꙋжикѡ҃ начну҃ говорити, аще и҆ знамъ бꙋде҃ имъ, они҃ срамѧтца с ни҃ і҆ соѕрѣти҃ ѕане҃ с мꙋжико҃, а не с҆ свои же говорити“ (гл. 26 по сп. Общества).

поспѣла ходити, менѧ жалую многїѐ женъı добрыѐ. Они ей мѡ-вѧтъ, принеси к на, і запрещенїе велики.... „Сими дѣлы“—продолжаетъ авторъ— „бабы опознаваютсѧ ѕ женками і ѕ дѣвками слꙋжащими. начне с ними та баба, с нею опоѕнаваютсѧ, не возбраннѡ стоѧти, і говорити на рѣкѣ і в сречю, а і гдрь осмотри, они со женою, а не съ мꙋщиною стоѧ і потѡ начне к ни і къ дворꙋ приходити, ѡни опоѕнаю еѧ і съ гдрнею своѐю“. Гдѣ же тутъ свобода, „болѣе“ независимое положеніе женщины въ домашней средѣ? Ясно, что г. Некрасовъ, стараясь увѣрить читателя, что женщина въ „Наказѣ“ представлена болѣе свободною, чѣмъ въ III-й части Домостроя, имѣлъ въ виду только плетку, которая дѣйствительно упоминается въ практическомъ отдѣлѣ памятника; но на сколько убѣдительно такое доказательство—пусть судитъ самъ читатель. Итакъ, по даннымъ, взятымъ изъ текста этого пресловутаго „Наказа“, мы приходимъ къ заключенію, противоположному тому, какое предложилъ г. Некрасовъ: не новгородскую, а московскую женщину имѣлъ въ виду авторъ, когда писалъ главы 16—29 включительно. Въ Новгородѣ женщина (вѣдь самъ г. Некрасовъ согласенъ съ этимъ), какъ извѣстно, пользовалась не только въ семейной, но и въ общественной жизни юридическимъ равенствомъ съ мужчиной, а потому самому не могла быть такъ обезличена и изолирована отъ общества, какъ это мы видимъ въ Домостроѣ, во всѣхъ отдѣлахъ его. „Жена могла владѣть своими вотчинами, своимъ имуществомъ, могла пріобрѣтать его и передавать, и вести дѣла отъ себя. Въ случаѣ нужды женщинѣ, какъ и мужчинѣ, присуждали поле, и въ Псковѣ позволяли нанимать наймитовъ. Равнымъ образомъ, приводили женщинъ къ крестному цѣлованію. Изъ извѣстія 1418 года видно, что женщины являлись даже на вѣче, потому что тогда женщина обвинила боярина Божина. При паденіи независимости Новгорода, Іоаннъ III приказалъ приводить къ присягѣ на вѣрность не только мужчинъ, но и женщинъ; значитъ, за ними признавали самобытную дѣятельность“ [1]). Самъ г. Некрасовъ указываетъ примѣры самостоятельной и независимой жизни новгородской женщины: Марѳа Борецкая и Евфросинія пратеща посадника Немира [2]). Поэтому, сопоставивъ эти примѣры съ тѣмъ, что̀ говорится о женщинѣ въ „Наказѣ“, онъ долженъ бы самъ придти къ совершенно противополож-

---

[1]) *Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства, стр. 158, 159.

[2]) Опытъ, стр. 152.

ному выводу: не новгородка, а москвитянка изображена, какъ въ „Наказѣ“, такъ и вообще во всемъ Домостроѣ. Этотъ памятникъ „застаетъ“, говоритъ г. Забѣлинъ, — „жизнь терема въ полномъ цвѣту. Хотя онъ не даетъ прямыхъ постановленій держать жену взаперти, но этотъ обычай былъ такъ силенъ въ господарскомъ быту, что не требовалъ уже особыхъ наставленій“ [1]). Доказывая замкнутую жизнь женщины по даннымъ, взятымъ изъ текста II-й части Домостроя въ спискѣ Общества (гл. 16—29), всѣ ссылки мы привели лишь для того, чтобы нагляднѣе показать, какъ невнимательно отнесся г. Некрасовъ къ указаніямъ такъ-называемаго „Наказа о мірскомъ строеніи“. Но еслибы мы разсматривали „Опытъ“ только со стороны его литературной обработки и послѣдовательности выводовъ автора, то ссылокъ этихъ мы могли бы и не дѣлать: самъ г. Некрасовъ въ концѣ концовъ все-таки признаетъ, что положеніе женщины по всему Домострою вполнѣ безотрадно: „Если судить о жизни древне-русской женщины по Домострою, то выйдетъ что она дѣйствительно ничего не говорила съ родными и знакомыми, кромѣ того, что приказывалъ ей мужъ; что она никогда не пѣла и пѣсни, не ласкала и не играла со своими дѣтьми, не выходила подчивать мужчинъ [2]), гостей своего

---

[1]) Бытъ русск. царицъ, II, стр. 103. Что женщина во время Домостроя вела затворническую жизнь — это несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что во всемъ памятникѣ мы не находимъ слова „теремъ“; но тѣмъ не менѣе прямыя указанія на замкнутую жизнь женщины въ Домостроѣ есть. Припомнимъ, напримѣръ, что говорится здѣсь о томъ, когда и при какихъ условіяхъ жена можетъ ходить въ церковь („а женамъ ходити въ церкви Божіи, какъ вмѣстимо, на произволеніе, по совѣту съ мужемъ“, гл. 13-я К. сп.) и въ гости („А въ гости ходити и къ себѣ звати: ссылатца съ кемъ велитъ мужь“, гл. 34 К. сп.); въ какой обстановкѣ она угощаетъ своихъ гостей („А гости, коли лучатся, и ихъ подчивати питіемъ, какъ пригоже: а самой пьянова питія, хмелново, не пити. А питіе и есту и всякій обиходъ, приноситъ одинъ человѣкъ сверстной, кому приказано, а мужескъ полъ туто, и рана и поздно, отнюдь никакоже никакими дѣлы, не былъ бы, кромѣ того, кому приказано, сверстному человѣку, что принести и о чемъ спроситца и т. д., гл. 36 К. сп.) и т. п.

[2]) Это не совсѣмъ вѣрно. При всей замкнутости, женщина, тѣмъ не менѣе согласно обычаю, могла подчивать мужчинъ: „А коли лучитца накормити пріѣзжихъ людей, или торговыхъ, или иноземцовъ, и всякихъ гостей званыхъ,... ино государю и государыни разсуднымъ достоитъ быти, и должную честь воздавати по чину и по достоинству всякому человѣку; съ любовію.... и съ ласковымъ привѣтомъ всякаго почтити... и добрымъ словомъ привѣчати; и ѣсти и пити поставити, или подати изъ своихъ рукъ, съ добрымъ привѣтомъ (К. сп. гл. XI; Общ. XV).

мужа, не видала игръ скомороховъ, не давала никакихъ приказаній мужской прислугѣ въ домѣ“ [1]). Любопытно сравнить эти слова г. Некрасова съ тѣмъ, что онъ говоритъ о положеніи женщины, при разборѣ II-й части Домостроя.

Разсмотримъ теперь третій и послѣдній доводъ г. Некрасова въ пользу того, что „Наказъ“ о мірскомъ строеніи“ написанъ будто бы для новгородскаго богача-боярина XV вѣка. Мы совершенно недоумѣваемъ, почему „къ такимъ лицамъ, для которыхъ сочинитель писалъ эти главы“ (то-есть, 16-ю, 17-ю и 18-ю по списку Общества) вовсе не шелъ вопросъ о томъ, чтобъ они жили „смѣта свой животъ“, или жили, „не разсуда себѣ“ или своего достатка?“ [2]). Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ трехъ главахъ, какъ и вообще во всемъ „Наказѣ“, мы находимъ предписанія, если не противорѣчащія, то не подтверждающія правило: „жити человѣку смѣтя свой животъ“? Такихъ предписаній мы не найдемъ. Развѣ всѣ совѣты автора „Наказа о мірскомъ строеніи“ не направлены къ тому, чтобы всегда и во всемъ сохранять бережливость, самую тщательную осмотрительность и мелкій разчетъ? Приведемъ примѣры изъ тѣхъ же самыхъ главъ, на которыя ссылается авторъ „Опыта“. „А хто покꙋпасѣ, на дворовой ѡбихѡ всѧкои запа́съ, на ѣствꙋ рꙑбꙋ и мѧсо і всѧкꙋю вологꙋ, іно̀ давати ѥмꙋ денѣ на ѥ̀лю ѝли на мѣць. да ка̀ выда̀ де́нги, да и̑ ѡчетъ да̀ гдрю в тѡ̀ і ѡпа́ ѥмлетъ, і̑но все вѣ́домо и̑ про́ѣсть і всѧкаѧ и̑страви... А̑ в поварню, ѣства мѧсна́ѧ и̑ рꙑбнаа и̑ печи і вари́ти ѡдати в̑ число̀. і ка̀ чего гдрь повели́, и̑ на ко́лко блю̀, да и̑спечено и̑ сварено ѡ̀ повара вза́ в̑. числа̀. а́ на сто̀ всѧ́каѧ ѣства ставити по гдреѵ̀ наказꙋ, по гостѣ̀ смотра. а хлѣбно́й приспѣхъ потомꙋ дати в̑ число і взѧти в число̀. і всѧкаѧ ѣства что ѡ̀ стола ѡ̀станетца, цѣла і ѣ́дена, і оухъ и̑ приспѣхꙋ всѧко̀, цѣлꙋю ѣствꙋ перебра́ти, і початоѐ ѡ̀собѣ, и̑ мѧ̀ноѐ и̑ рꙑбноѐ и̑ покласти в̑ сꙋды в̑ чистыѥ в твердыѥ и̑ покрꙑти і влѣ̀ всѣ̀. а́ начатаѧ ѣства, и̑ всѧкіѥ ѡстанки даватї на обихѡ̀ ка̀ по пригожꙋ. ѡ цѣлоѐ блюсти про гдря и̑ про гости (гл. 16-я) [3]). Въ главѣ 17-й мы читаемъ, что послѣ пира нужно „ѣства перебрати мѧсна́ѧ и̑ рꙑбнаѧ... и̑ оустроити по прѐписанномꙋ. а́ коѥ̀ дни пиръ бꙑ̀ тѡ̀ вечера и̑ли по ранꙋ самомꙋ гдрю все пе-

[1]) Опытъ, стр. 175.

[2]) Опытъ, стр. 156.

[3]) Главы мы указываемъ по списку Общества Исторіи и Древностей.

ресмотрити и҆ смѣтити, все ли поздорову и перепыташа оу҆ ключника подлинно́, ко҆ чє҆ съѣдено, и҆ испито и҆ комꙋ што ѿдано і҆ послано і҆ всѧ́ки росхѡ҆ во всѧкѡ҆ о҆биходѣ было бы ввѣдомѣ, і҆ судъı бы всѧкїє в҆ счете і҆ оумѣлъ бъ гдⷭ҇рю сказати про все прѧмо, кꙋдъı што роѕошлосѧ, і комꙋ што дано и҆ ко҆лко чего сошло́сѧ". Въ такомъ же духѣ строгой экономіи и бережливости дѣлаются и другія наставленія „Наказа", напримѣръ, въ гл. 26-й: „А всѣ҆ дворовъı свои҆ люде҆ наказъıвай почѧстꙋ, что́бъı дѣлали в҆ ветчанѡ҆ платїи"... и выше: „ты бы своемꙋ прикаѕщикꙋ велѣлъ оу҆ такихъ нечю҆ственъı (то-есть, неряшлевыхъ слугъ) людей платїе с ни҆ съıмати лучшее, і҆ въ своей казнѣ беречи, і҆ и на времѧ и҆ дава҆, да опять снемши оу҆ себѧ беречи". Этихъ примѣровъ, кажется, вполнѣ достаточно, чтобы показать, какъ не правъ г. Некрасовъ въ своемъ предположеніи, будто „Наказъ" написанъ для такихъ людей, которые не интересовались вопросомъ: „како жити смѣтѧ свой животъ". Правда, главы, на которыя ссылается авторъ „Опыта", указываютъ на зажиточныхъ людей, но развѣ III-я часть Домостроя, какъ и весь вообще памятникъ, не имѣетъ въ виду такихъ же зажиточныхъ домохозяевъ? А послѣдніе тѣмъ не менѣе живутъ, „разсꙋдѧ себѧ". Стараясь доказать, что „Наказъ" написанъ только для людей, не имѣющихъ нужды держаться правила: „жити смѣтѧ свой животъ", г. Некрасовъ говоритъ между прочимъ и о хорошихъ отношеніяхъ къ слугамъ хозяина, который заботится, „чтобы былъ хорошій столъ у его подчиненныхъ" [1]). Но что̀ же изъ этого? Развѣ тутъ есть какое-нибудь противорѣчіе съ предписаніями III-й части Домостроя? Нѣтъ. Какъ въ „Наказѣ", такъ и въ практическомъ отдѣлѣ памятника, хозяинъ не оставляетъ слугъ безъ попеченія. Въ подтвержденіе указываемъ между прочимъ на 32-ю главу: „Аще кто слугъ держитъ безъ устроя", гдѣ говорится: 'А толко люди оу҆ себѧ дер҆жати не по си́лѣ і҆ не пѡ҆быткꙋ, і҆ не оу҆доволити є҆ ѣ́ствою і҆ питїе҆ і҆ о́дежею и҆ли которои҆... ино́ достои҆ всѧкомꙋ чл҃кꙋ людеи҆ держати по промыслꙋ і҆ по ѡ҆биходꙋ, какъ мощно кормити і҆ поити і҆ одѣва́ти і҆ во всѧкѡ҆ покои҆ оудоволити". Ссылокъ такого рода мы могли бы привести много, но и этой одной достаточно, чтобы знать, заботится ли о своихъ слугахъ хозяинъ въ III-й части Домостроя. Итакъ, мы видимъ, что всѣ доводы г. Некрасова въ пользу отдѣльнаго существованія „Наказа" не подтверждаются текстомъ этой II-й

---

[1]) Опытъ, стр. 156.

части Домостроя: тутъ нѣтъ данныхъ для подобнаго предположенія, нѣтъ противорѣчій, какъ съ I-ю, такъ и съ III-ю частью Домостроя. Но если нѣтъ такихъ противорѣчій между содержаніемъ „Наказа", съ одной стороны, и текстами I-й и III-й частей Домостроя—съ другой, то не найдемъ ли мы въ разбираемомъ памятникѣ другаго рода указаній, которыя подтвердили бы мысль, что пресловутый „Наказъ" не могъ самъ по себѣ существовать въ литературѣ отдѣльно, внѣ полнаго извода Домостроя? Такія указанія есть, и притомъ даже въ древнѣйшемъ спискѣ Домостроя.

Выдѣляя „Наказъ" изъ общаго состава памятника и считая его готовымъ сочиненіемъ, которое будто бы „первый устроитель полнаго Домостроя не тронулъ, а цѣликомъ внесъ въ свой изводъ" [1]), г. Некрасовъ основывался въ этомъ случаѣ не то на противорѣчіяхъ, не то на особенностяхъ, замѣченныхъ имъ въ содержаніи трехъ отдѣловъ памятника. Каковы эти противорѣчія—мы уже знаемъ. Но допустивъ, что составитель полнаго извода Домостроя „не тронулъ" „Наказа", авторъ „Опыта", при этомъ условіи, долженъ былъ обратить вниманіе и на внѣшнюю форму II-й части Домостроя, ея отношеніе къ другимъ отдѣламъ памятника. Г. Некрасовъ на эту сторону „Наказа" не обратилъ вниманія, а у читателя между тѣмъ является такой вопросъ: кто раздѣлилъ „Наказъ" на 14 главъ? Самъ ли составитель „Наказа", или то лицо, которое устраивало полный изводъ Домостроя? По мнѣнію г. Некрасова выходитъ, что самъ составитель „Наказа": вѣдь авторъ полнаго извода памятника внесъ этотъ Наказъ „цѣликомъ, не тронулъ его"? Какую же литературную форму придалъ своему произведенію неизвѣстный сочинитель, названный въ предисловіи къ списку Общества „нѣкимъ"? Свой „Наказъ" этотъ „нѣкій" начинаетъ, какъ мы видимъ, не введеніемъ, или предисловіемъ, а прямо съ того, „како мужу съ женою совѣтовати, ключнику приказывати о столовомъ обиходѣ и о поварѣ, и о хлѣбнѣ" (гл. 16-я). За этою главой идутъ еще двѣ другія, 17-я и 18-я, однородныя, съ такимъ же содержаніемъ, какъ и первая. Въ этихъ трехъ главахъ „Наказа" читатель найдетъ лишь мелкія предписанія, посвященныя будничной жизни, и притомъ одной ея сторонѣ — заботамъ о ѣдѣ. Какъ ни желалъ г. Некрасовъ увѣрить читателя, что „вопросы о питаніи, кормленіи являются здѣсь, какъ правила, относящіяся больше къ нравственной, чѣмъ мелочной, обиходной жизни" [2]),

[1]) Опытъ, стр. 149—150.

[2]) Ibid., стр. 156.

дѣло отъ этого не измѣнится: ѣда останется ѣдой и ничѣмъ другимъ быть не можетъ, будетъ ли она въ формѣ грандіознаго боярскаго пира, или заботливаго кормленія рабовъ, на что̀ такъ упираетъ г. Некрасовъ. Отъ такого начала авторъ „Наказа“ вдругъ, ни съ того, ни съ сего приступаетъ прямо къ вопросамъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей и объ ихъ отношеніяхъ къ родителямъ, о нравственномъ идеалѣ жены, какъ супругѣ, о молитвенномъ приготовленіи къ началію всякаго дѣла, объ обязанностяхъ домовладыки имѣть высшій надзоръ надъ религіознымъ и нравственнымъ поведеніемъ всѣхъ домашнихъ и т. п. Какъ видите, начало „Наказа“, а въ особенности переходъ, странны и подозрительны: какъ бы авторъ этого „Наказа“ ни былъ непослѣдователенъ, но такой непослѣдовательности, какую мы видимъ здѣсь, онъ никогда себѣ не дозволилъ бы: за это можетъ ручаться его умъ и то глубоко-нравственное чувство, которое онъ проявляетъ во всемъ своемъ сочиненіи. Но этого мало. Начавъ прямо съ будничныхъ указаній, какъ приготовлять ежедневный домашній столъ, и перескочивъ затѣмъ сразу къ вопросамъ, затрогивающимъ религіозно-нравственную сторону жизни, неизвѣстный сочинитель заканчиваетъ свой маленькій трудъ (всего 14 главъ) двумя большими заключительными статьями, (28-я и 29-я), „составляющими“ — по признанію самого же г. Некрасова — „какъ бы выводъ, извлеченіе изъ предыдущихъ“ статей Домостроя, „начиная съ 16-й“ [1]). Это обстоятельство еще болѣе поражаетъ насъ своею странностью: о предисловіи или сносномъ началѣ къ своему труду „нѣкій“ не позаботился, а заключеніе, и притомъ такое обширное, сдѣлалъ. Очевидно, что „Наказъ“, какъ отдѣльный литературный памятникъ, въ такой странной формѣ не могъ существовать въ нашей древней письменности. Его можно разсматривать лишь въ связи съ какимъ-либо другимъ сочиненіемъ. Такимъ сочиненіемъ и будутъ именно первыя 15 главъ Домостроя, для которыхъ „Наказъ“, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, составляетъ самое непосредственное продолженіе, такъ-сказать, вторую заключительную часть. Въ этомъ убѣдится всякій, кто, хотя поверхностно, познакомится съ первыми 29-ю главами по списку Общества. Если же это такъ, если „Наказъ“ можетъ быть только естественнымъ продолженіемъ предыдущихъ статей Домостроя (исключая, конечно, главы 16-ю, 17-ю и 18-ю, которыя слѣдуетъ отнести

[1]) Ibid., стр. 149.

въ практическій, хозяйственный отдѣлъ памятника), а не самостоятельнымъ литературнымъ трудомъ, внѣ полнаго извода Домостроя, то присутствіе въ немъ такихъ статей, какъ 28-я и 29-я, будетъ вполнѣ понятно: дѣлать обширное заключеніе, не позаботившись о введеніи, къ такому небольшому отрывку, какимъ является „Наказъ", отдѣльно взятый, было бы очень странно, но сдѣлать заключеніе ко всему религіозно-нравственному Домострою (отъ 1-й до 27-й главы включительно) будетъ вполнѣ естественно и цѣлесообразно. И въ самомъ дѣлѣ, если мы внимательно прочтемъ эти двѣ главы, то увидимъ, что по мыслямъ онѣ могутъ служить выводомъ скорѣе для всѣхъ предшествующихъ статей Домостроя, нежели для послѣднихъ только 12 главъ.

При той неразрывной связи, какую мы замѣчаемъ между „Наказомъ" и первою частью Домостроя, нельзя допустить, чтобы составитель извода памятника, написавъ для блага ближнихъ 15 начальныхъ статей, нашелъ для нихъ такое подходящее продолженіе, какимъ является „Наказъ". Подобныхъ счастливыхъ находокъ мы, по крайней мѣрѣ, не знаемъ, да и едва ли онѣ бываютъ въ литературѣ. Очевидно, что какъ первая, такъ и вторая часть Домостроя. должны принадлежать перу одного и того же автора.

Итакъ, изъ всего сказаннаго о формѣ и отношеніи „Наказа" къ первой части Домостроя мы видимъ, что объяснять предисловіе къ списку Общества такъ, какъ объясняетъ его г. Некрасовъ, нельзя [1]). Невозможность принять объясненіе г. Некрасова, кромѣ указанныхъ причинъ, подтверждается между прочимъ еще и слѣдующимъ фактомъ. Мы говоримъ объ одной ссылкѣ, на которую авторъ „Опыта" совсѣмъ не обратилъ вниманія, не смотря на то, что просмотрѣть ее нельзя даже при бѣгломъ чтеніи Домостроя, Эту драгоцѣнную ссылку находимъ мы въ концѣ главы: „Каковы люди держати, і҆ ка҃ о҆ них҆ промышлѧти во всѧко҃ оу҆ченіи, і҆ в бж҃твены҆ заповѣде҃, і҆ домовно҃ стро́енїи," которая въ спискѣ Общества Исторіи и Древностей стоитъ 26-ю и принадлежитъ, слѣдовательно, второй части Домостроя, пресловутому „Наказу" „отъ нѣкоего о мірсковъ строеніи". Выписываемъ ее цѣликомъ. „А во ве҃ гѡ́дъ, в҆ н҃лю і в средꙋ, і҆ в па҃, і҆ в҆ празники гдь҃кїе і҆ во всѣ҆ ст҃ые по҃ты чистотꙋ телеснꙋю̀ хранили, і҆ во всѧки҃ добродѣтеле҃, і҆ в҆ воѕ҃ержанїи ѿ пьѧ́нства пребывали, і҆ къ цер҃ква҃ бж҃їи҃ приходили, с приношеніе҃

[1]) Опытъ, стр. 135, 150 и 160.

за зравїе и҆ ѕа оу҆покои҆, і҆ всакїє ст҃на касалиса пѡстоинствꙋ, і҆ по совѣтꙋ о҆ц҃а дх҃внаго, а҆ прочее҆ писано ѡ то҃ же в гла́вѣ. л҃и. і҆ л҃в". Въ какой части Домостроя, спрашиваемъ мы г. Некрасова—находятся указанныя въ этой ссылкѣ главы 32-я и 28-я?. Въ третьей, о такъ-называемомъ „домовномъ строеніи". Кому принадлежитъ эта ссылка, самому ли автору „Наказа", такъ-называемому „нѣкоему", ибо—по убѣжденію автора „Опыта"—составитель всего извода Домостроя не тронулъ, а цѣликомъ внесъ въ свой изводъ то, что̀ было написано отъ „нѣкоего"? [1]). Если это такъ, то г. Некрасовъ долженъ признать, что 2-я и 3-я части Домостроя писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, а если онъ съ этимъ согласится, тогда и слова предисловія по списку Общества: „И е҆ще в сеи҆ книгѣ изнаи҆деши нака́зъ ѿ нѣкоего ѡ мирско҃ строе҆нїи..... І еще в҆ сеи҆ кни́гѣ и҆знаи҆деши, ѡ҆ домовно҃ строе҆нїи...." нельзя будетъ уже принять въ смыслѣ указанія на два отдѣльные источника; кромѣ того, оставаясь послѣдовательнымъ, г. Некрасовъ принужденъ будетъ отказаться: во-первыхъ, отъ того толкованія, какое онъ вообще даетъ предисловію по списку Общества, и вовторыхъ, отъ своихъ доводовъ, взятыхъ изъ текста Домостроя и подтверждающихъ будто бы мысль, что памятникъ—трудъ коллективный. Словомъ, вся теорія автора „Опыта" о составѣ и происхожденіи Домостроя должна рушиться. Но невозможность принять эту теорію о составѣ памятника представится читателю также и въ томъ случаѣ, когда г. Некрасовъ, сверхъ чаянія, допуститъ, что упомянутая ссылка 26-й главы (сп. Общ. Ист. и Др.) принадлежитъ не „нѣкоему", а автору предисловія первыхъ 15-ти главъ и составителю полнаго извода Домостроя по списку Общества. Тутъ г. Некрасовъ принужденъ будетъ прежде всего отказаться отъ своихъ словъ, что „Наказъ", составляя отдѣльный памятникъ, внесенъ въ полный сводъ Домостроя „цѣликомъ", безъ всякихъ дополненій со стороны автора полнаго извода. А если г. Некрасовъ это сдѣлаетъ, то уже по неволѣ придетъ къ слѣдующему выводу: значитъ „наказъ" въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его въ спискѣ Общества, сохранился не въ своей первоначальной редакціи; по крайней мѣрѣ такой выводъ г. Некрасовъ безусловно долженъ будетъ сдѣлать по отношенію къ 26-й главѣ, и если не ко всей, то къ тѣмъ наставленіямъ и совѣтамъ, которые тѣсно связаны съ ссылкой на 32-ю—38-ю главы. Допустивъ это, г. Некрасовъ

---

[1]) Опытъ, стр. 149—150.

тѣмъ самымъ подорветъ въ читателѣ, а прежде всего въ себѣ, довѣріе не только къ первоначальному составу всей 26-й главы (которая во многомъ отступаетъ отъ соотвѣтствующей статьи Коншинской редакціи: въ послѣдней нѣтъ ни ссылки, ни эпизода, довольно-таки грубаго и противорѣчащаго основному тону Домостроя, „о потворенныхъ бабахъ"), но даже къ расположенію и составу другихъ статей „Наказа" по списку Общества. Но этого мало. Отказавшись отъ предположенія, что „первый устроитель полнаго Домостроя не тронулъ, а цѣликомъ внесъ въ свой изводъ то, что̀ было написано отъ „нѣкоего" [1]), г. Некрасовъ обязанъ будетъ отказаться и отъ того предположенія, будто словами: „И е̑ще в сей книгѣ и̑ѕнайдеши нака́зъ ѿ нѣкоего ѡ̑ мир́скѡ̑ строе̑нїи", авторъ предисловія хочетъ сказать, что вторая часть Домостроя ему вовсе не принадлежитъ, а внесена въ полный изводъ безъ всякой перемѣны, въ противоположность третьей, подвергшейся его редакціи, и первой, несомнѣнно ему принадлежащей. Очевидно, Предисловіе г. Некрасову и въ этомъ случаѣ необходимо будетъ толковать иначе, чѣмъ это сдѣлано въ „Опытѣ". Вотъ къ какой трудной и не разрѣшимой въ пользу выводовъ „Опыта" дилеммѣ пришелъ бы г. Некрасовъ, еслибы постарался отвѣтить на вопросъ: кто былъ авторомъ той ссылки, которая находится въ 26-й главѣ по списку Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ? [2]).

Постараемся теперь обобщить все то, что̀ приводитъ насъ къ необходимости иначе, не такъ, какъ г. Некрасовъ, объяснить предисловіе къ списку Общества. Эта необходимость, какъ мы видѣли, обусловливается слѣдующими основаніями: 1) тѣмъ, что въ текстѣ „Наказа" мы не находимъ данныхъ, которыя подтвердили бы предположеніе г. Некрасова, будто эта часть Домостроя могла появиться въ литературѣ раньше полнаго извода памятника и существовать, какъ отдѣльное сочиненіе, написанное для новгородскаго боярина XV вѣка: эти данныя стоятъ не только въ противорѣчіи, а— напротивъ того, въ полномъ согласіи съ остальными частями Домостроя;

---

[1]) Ibid.

[2]) Про ссылки, которыя мы находимъ въ главахъ 37-й и 38-й (по списку Общества), и которыя указываютъ, что 3-я часть Домостроя (вѣдь статьи 37-я и 38-я въ 3-й части) не могла существовать отдѣльно отъ второй (ссылки 37-ой и 38-ой главъ идутъ на 26-ю, значитъ, на такъ-называемый „Наказъ"), мы не будемъ говорить: г. Некрасовъ полагаетъ, что на 3-ю часть Домостроя устроитель послѣдняго „наложилъ свою руку".

2) тѣмъ, что „Наказъ“, по своему составу и внѣшней формѣ, могъ быть только прямымъ и непосредственнымъ продолженіемъ первыхъ 15-ти главъ Домостроя, но никакъ не отдѣльнымъ литературнымъ произведеніемъ, существовавшимъ когда-либо внѣ полнаго извода памятника; и наконецъ 3) ссылкой, помѣщенною въ концѣ 26-й главы по списку Общества Исторіи и Древностей. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ насъ думать, что предисловіе не имѣетъ никакого значенія въ вопросѣ о составѣ Домостроя, а самый памятникъ въ своемъ полномъ видѣ (64 главы) принадлежитъ одному, а не нѣсколькимъ (тремъ) авторамъ, то-есть, трудъ — единоличный, а не коллективный, какъ предполагаетъ г. Некрасовъ.

Такой выводъ о происхожденіи Домостроя, въ свою очередь, заставляетъ предполагать, что предисловіе къ списку Общества явилось въ Домостроѣ позднѣе и не могло принадлежать самому автору памятника. Эта невозможность подтверждается прежде всего характеромъ ссылокъ, находящихся въ предисловіи, а также общимъ тономъ послѣдняго въ сравненіи съ 1-ю главой Домостроя. Самъ авторъ памятника не могъ сдѣлать въ предисловіи къ своему сочиненію такія ссылки, какія мы въ немъ видимъ: не могъ онъ говорить, что вотъ де эти главы составляютъ „Наказъ отъ нѣкоего“, когда извѣстно, что всѣ статьи Домостроя составлены имъ самимъ. Но на это, пожалуй, возразятъ, что подъ „нѣкимъ“ авторъ разумѣлъ самого себя, и что предисловіе писано все-таки имъ, а не другимъ лицомъ. Основаніе подобнаго возраженія можетъ быть только одно, а именно: разница въ источникахъ, которыми пользовался авторъ Домостроя при составленіи, съ одной стороны, первыхъ 15-ти главъ памятника, и съ другой — такъ-называемаго „Наказа“ (16—29 гл.): употребляя слова „и҆ е҆ще в сеи҆ книгѣ и҆ ꙁнаи҆деши наказъ ѿ нѣкоего ѡ҆ мир҆скѡ҃ строе҆нїи“, авторъ, быть можетъ, хотѣлъ сказать, что этотъ отдѣлъ Домостроя составленъ имъ по личному опыту, по личнымъ соображеніямъ, въ противоположность первымъ 15-ти главамъ, въ основаніи коихъ лежатъ письменные, книжные источники — „Пооу҆ченїе и҆ наказанїе ѿцевъ дх҃овны҆“. Но такое объясненіе принять нельзя, потому что какъ I-я часть Домостроя, такъ и II-я, то-есть, „Наказъ“, составлены въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ одинаково по письменнымъ источникамъ: не говоря о прочихъ, 21-я, 22-я и 23-я главы „Наказа“—несомнѣнно литературнаго происхожденія, взяты изъ „Пооу҆ченїя и҆ наказанїя ѿцевъ

дховны҃“ [1]). Итакъ, самому автору предисловія не было никакой надобности, да и не могъ онъ, назвать себя „нѣкимъ“, а главы отъ 16-й до 29-й—„наказомъ отъ нѣкоего“. Помимо этихъ соображеній, непричастность автора Домостроя въ составленіи предисловія еще болѣе подтвердится, когда мы послѣднее сравнимъ съ первою главой памятника — „Наказанїемъ ѿ ѻ҆ц҃а къ сн҃ꙋ“. Хотя и говорятъ [2]), что въ Домостроѣ нѣтъ личныхъ чертъ, но это несовсѣмъ точно, а съ другой стороны — и какъ понимать эти слова? Мы, напримѣръ, видимъ несомнѣнно „личныя черты“ въ первой главѣ Домостроя по всѣмъ его спискамъ. Отсюда мы узнаемъ, что, вопервыхъ, Домострой написанъ былъ отцомъ для своего единственнаго („единочѧдаго сн҃а“) сына, его жены и домочадцевъ, „на пама і вразоумленїе“, и вовторыхъ, что заботливый отецъ много разъ наставлялъ своихъ дѣтей, по видимому, несовсѣмъ жившихъ въ ладу: „а҆зъ ѻ҆ се҆ ѻ҆ всѧкѡ҆ ва҆ бл҃гочинїи бл҃гословлѧлъ, і҆ пла́калъ и моли́лъ, і҆ поо́учѧ́лъ, і҆ писа́нїе пре҆лагалъ ва҆“. Съ другой стороны, та же глава представляетъ, по своимъ общимъ мыслямъ, какъ бы введеніе въ Домострой, который собственно начинается только со 2-й главы: „Како хрт҃їѧнѡ҆ вѣровати во ст҃ꙋю тр҃цꙋ“ и т. д. Обращаясь затѣмъ къ предисловію, мы видимъ, что Домострой здѣсь предназначается не для „единочѧдаго с҃ына“ и его семьи, а для всѣхъ вообще православныхъ христіанъ: „Пооу҆ченїе и҆ наказан҃іе ѿцевъ д҃ховны҃ ко всѣ҆ православнымъ хрт҃їѧнѡ҆“. Противорѣчіе, какъ видите, довольно явное. Далѣе, является еще вотъ какой вопросъ: зачѣмъ нужно было автору Домостроя, предназначеннаго для чтенія и руководства, очевидно, родственникамъ, дѣлать два введенія къ своему труду: одно—въ 1-й главѣ памятника, другое — въ такъ-называемомъ предисловіи, которое, по своему общему безличному характеру, не что иное, какъ сжатое оглавленіе Домостроя, имѣющаго и безъ того уже подробный „оуказъ глава́мъ“?

Всѣ высказанныя нами соображенія побуждаютъ склоняться къ

---

[1]) См., напримѣръ, Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній—*Калачова*, кн. II, отд. IV, стр. 43—50. Тутъ напечатано Слово въ Пятокъ 5-й недѣли послѣ всѣхъ святыхъ изъ Златоуста XVI в. по рукописи Оружейной палаты. Это Слово—не что иное, какъ 21-я глава списка Общества: „Како дѣтеи҆ оу҆чити и҆ страхѡ҆ сп҃сти“. Глава 23-я почти вся составлена изъ слова Іоанна Златоуста: „О женахъ добрыхъ“ (ibid.).

[2]) *Отеч. Записки* 1850 г., т. LXXI; отд. II, стр. 34 статья *Аѳанасьева*: „Объ археологическомъ значеніи Домостроя“).

мысли, что предисловіе въ спискѣ Общества—позднѣйшаго происхожденія; въ противномъ случаѣ оно необъяснимо. Но то же предисловіе вполнѣ понятно, если допустимъ, что въ составленіи его участвовалъ не авторъ Домостроя, а то лицо, которому принадлежитъ редакція, или списокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Дѣло происходило, намъ кажется, такимъ образомъ. Какому-нибудь русскому грамотѣю, поборнику власти Московскаго царя и женоненавистнику, попался подъ руки Домострой, писанный, несомнѣнно, отцомъ для своего „единочадаго сна“ и жены его, а потому и заключавшій въ нихъ „личныя черты“ (много ли, мало — сказать нельзя: памятникъ могъ быть въ не непосредственной редакціи, а въ какой-нибудь второй, третьей передѣлкѣ, уже обобщенной). Памятникъ былъ прочитанъ, понравился, и грамотѣй, задумавъ пустить его во всеобщее употребленіе, стираетъ по возможности всѣ личныя черты, напримѣръ—обращенія, переставляетъ, сообразно со своими симпатіями, нѣкоторыя главы (порой крайне неумѣло) и вноситъ необходимыя, по его мнѣнію, дополненія, изъ коихъ одни сдѣланы несовсѣмъ удачно, съ нарушеніемъ первоначальной редакціи той или другой главы, другія—хотя и кстати, но опять-таки съ цѣлью приноровленія Домостроя для пользы и чтенія всѣхъ людей. Измѣнивъ такимъ образомъ памятникъ, редакторъ позаботился составить къ нему, какъ это обыкновенно бываетъ, и предисловіе, въ которомъ онъ, стараясь заинтересовать „всѣхъ православныхъ христіанъ“, передаетъ вкратцѣ общее содержаніе Домостроя. Поэтому всѣ ссылки этого предисловія слѣдуетъ принимать въ смыслѣ указаній не на источники, а на тѣ составныя части Домостроя, которыя авторъ извода или списка Общества замѣтилъ въ редактируемомъ имъ памятникѣ. Такихъ частей онъ увидѣлъ три: первая, гдѣ разбираются по преимуществу религіозно-нравственные вопросы; вторая—гдѣ преподаны совѣты о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ семьи, и наконецъ, третья, въ которой авторъ Домостроя излагаетъ свои взгляды на то, какъ слѣдуетъ вести домашнее хозяйство. Въ такомъ видѣ представился (и—прибавимъ отъ себя — вполнѣ вѣрно) составителю Предисловія редактируемый имъ Домострой. Первую часть памятника онъ называетъ: „Поученіемъ и наказаніемъ отцевъ духовныхъ“, на томъ основаніи, что она, какъ ему казалось, по преимуществу составлена по Св. Писанію и твореніямъ свв. отцовъ. Познакомившись затѣмъ съ тѣми главами Домостроя, гдѣ авторъ по слѣдняго рисуетъ картину идеальныхъ семейныхъ отношеній, соста-

витель предисловія называетъ ихъ въ совокупности „наказомъ нѣкоего о мірскомъ строеніи“, желая, вѣроятно, самимъ этимъ названіемъ дать понять читателю, что большая часть этихъ статей о семейныхъ, мірскихъ отношеніяхъ составлена не по поученіямъ и наставленіямъ свв. отцовъ, а по личнымъ наблюденіямъ, опытности и житейской мудрости благочестиваго автора Домостроя; что же касается слова „нѣкоего“, то подъ нимъ редакторъ памятника, очевидно, разумѣлъ самого автора Домостроя. Наконецъ, третья часть Домостроя названа въ предисловіи „о домовномъ строеніи“ потому, что въ ней дѣйствительно разсматриваются только вопросы хозяйственной экономіи и будничныхъ интересовъ. Такъ приблизительно нужно смотрѣть на происхожденіе списка Общества и его предисловія. Этотъ взглядъ еще болѣе подтвердится, когда мы разсмотримъ возможно обстоятельнѣе тѣ дополненія, какія встрѣчаются въ спискѣ Общества, но отсутствуютъ въ Коншинскомъ спискѣ.

III.

Отсутствіе въ Коншинскомъ спискѣ тѣхъ дополненій, какія встрѣчаются въ спискѣ Общества исторіи и древностей Россійскихъ, г. Некрасовъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: Признавая изводъ Домостроя по списку Общества первоначальною редакціей памятника, появившагося въ Новгородѣ, г. Некрасовъ говоритъ: „Сильвестръ цѣлалъ Домострой памятникомъ Московскимъ, только сокращая его, выбрасывая изъ него то, что шло къ Новгороду, а не шло къ Москвѣ“ [2]). Итакъ, неполный видъ Коншинскаго списка, сравнительно съ спискомъ Общества, г. Некрасовъ объясняетъ сокращеніями, которыя будто бы сдѣлалъ Сильвестръ въ первоначальной редакціи Домостроя, съ цѣлью приноровить послѣдній къ московскимъ обычаямъ. Но тутъ является вопросъ: если „священникъ Сильвестръ старался“ — какъ увѣряетъ авторъ Опыта — „отуземить (акклиматизировать) Домострой въ Москвѣ“ [3]), то обязанъ ли онъ былъ, въ виду такой цѣли, выпускать въ своей редакціи памятника тѣ именно мѣста первоначальнаго Домостроя, на которыя указываетъ г. Некрасовъ? Была ли въ томъ какая-нибудь нужда, и правда ли, что все выпущенное Сильвестромъ, какъ думаетъ авторъ „Опыта“, „не шло къ Москвѣ“, а могло принадлежать лишь новгородскому быту? Если это дѣйстви-

[2]) Опытъ, стр. 178.
[3]) Ibidem, стр. 184.

тельно правда, то г. Некрасовъ вѣрно объясняетъ исторію происхожденія Коншинской редакціи изъ редакціи списка Общества; если же— нѣтъ, то вопросъ о московской „акклиматизаціи“ долженъ рушиться, а вмѣстѣ съ нимъ и увѣренность, будто Домострой могъ явиться только въ новгородскомъ быту; въ послѣднемъ случаѣ, конечно, на Сильвестра ужь не придется смотрѣть, какъ на передѣлывателя, акклиматизатора Домостроя. Итакъ, какія мѣста въ Домостроѣ долженъ былъ стереть Сильвестръ, чтобы его редакція памятника подходила къ московскому быту? Прежде всего г. Некрасовъ указываетъ на статью: „Како подобае крестити і покланати,“ отсутствіе которой въ Коншинскомъ спискѣ онъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Судя по списку Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Новгородъ въ борьбѣ съ Москвою, въ числѣ другихъ своихъ знаменъ и внѣшнихъ отличій представлялъ и то перстосложеніе креста, которое до сихъ поръ сохраняется у старообрядцевъ. Москва же представляла иное, общепризнанное нашею церковью. Въ такомъ же точно отношеніи Псковъ стоялъ къ Москвѣ относительно пѣнія аллилуйя.... Но еслибы даже Сильвестръ и раздѣлялъ Новгородское мнѣніе о перстосложеніи, чего нельзя допустить, потому что тогда Макарій не взялъ бы его изъ Новгорода и не приблизилъ бы къ Ивану IV, то уже онъ не могъ бы не измѣнить статьи о немъ въ Домостроѣ. Но Сильвестръ дѣлалъ Домострой памятникомъ Московскимъ, только сокращая его, выбрасывая изъ него то, что шло къ Новгороду, а не шло къ Москвѣ. А потому въ спискѣ Коншина мы и не встрѣчаемъ статьи о перстосложеніи“ [1]). Всякій, кто прочитаетъ эти строки „Опыта“, непремѣнно скажетъ, что г. Некрасовъ не принялъ во вниманіе ни исторіи происхожденія раскола въ Русской церкви, ни въ частности вопроса о крестномъ знаменіи въ его двуперстномъ и троеперстномъ сложеніяхъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что былъ расколъ и явился при этомъ впервые въ Москвѣ, ужь одно это обстоятельство, какъ нельзя лучше опровергаетъ голословное увѣреніе автора „Опыта“, будто Москва „представляла“ во времена Сильвестра „иное общепризнанное нашею церковью“ перстосложеніе. Вѣдь до патріарха Никона и собора 1667 г. были двуперстники? Были, ибо въ противномъ случаѣ не было бы раскола въ отношеніи крестнаго знаменія. Но мы не станемъ ограничиваться однимъ лишь общимъ указаніемъ на появленіе

[1]) Опытъ, стр. 177—178.

раскола, а постараемся привести нѣкоторыя подробности по вопросу о двуперстіи. Способъ правильно изображать на себѣ крестъ къ концу XV и началу XVI вѣка, какъ извѣстно, до того извратился, что вызвалъ со стороны книжниковъ того времени самые сильные протесты [1]). Извращеніе это заключалось, вопервыхъ, въ томъ, что клали крестное знаменіе и благословляли не „крестообразно и по чину", а кое-какъ, и вовторыхъ, въ томъ, что крестились либо двумя, либо тремя перстами [2]). Одни изъ лучшихъ русскихъ людей конца XV и начала XVI вв. ограничивались въ своемъ протестѣ лишь неопредѣленнымъ требованіемъ изображать крестъ „по чину, по существу" [3]), другіе же шли дальше и указывали, кромѣ того, способъ, какъ складывать персты для крестнаго знаменія: троеперстіе или двуперствіе. Изъ этихъ двухъ способовъ предпочтеніе въ большинствѣ случаевъ оказывалось послѣднему. Такъ уже въ концѣ XV в. въ церковно-каноническихъ памятникахъ мы находимъ такую фразу: „иже не крестится двѣма [4]) перстома, акоже и Христосъ, да будетъ проклятъ"; подобное же проклятіе встрѣчается и въ Сборникѣ XV в. Московской синодальной библіотеки [5]). Такая энергическая защита двуперстнаго крестнаго знаменія не мѣшала, впрочемъ, по прежнему существовать и троеперстію, хотя—слѣдуетъ сказать—памятниковъ, написанныхъ въ пользу послѣдняго, мы встрѣчаемъ сравнительно гораздо меньше. Первый, кто освящаетъ высшимъ церковнымъ авторитетомъ двуперстіе, былъ Даніилъ, Московскій митрополитъ, управлявшій паствою въ малолѣтство Іоанна IV, авторъ многихъ словъ, посланій и поученій. Въ одномъ изъ словъ своего „Соборника", а именно четвертомъ, митрополитъ Даніилъ останавливается, между прочимъ, на вопросѣ о крестномъ знаменіи и самымъ правильнымъ способомъ перстосложенія признаетъ двуперстіе, основываясь въ данномъ случаѣ, какъ и Домо-

---

[1]) См., напримѣръ: 1) Посланіе Филоѳея старца Елизарова монастыря къ великому князю Василію Ивановичу: „О исправленіи крестнаго знаменія" *Прав. Соб.* 1863 г., № 3, стр. 337—339. 2) „Разсужденіе Вассіана (Патрикѣева) о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами" въ *Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1859 г., кн. III, отд. III, стр. 13 и пр. 3) Статью: „О крестящихся" въ рукописи Моск. дух. эк., № 197, л. 97.

[2]) Ист. Русск. церкви *Макарія*, т. VIII, 115—116.

[3]) См. примѣч. первое, а также „Посланіе къ царю Ивану Васильевичу" въ *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1874 г., статья „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ", стр. 86—87.

[4]) См. рук. Кирил.-бѣлоз. библ. XV в., № 1088, лл. 263—265.

[5]) См. Опис. рук. синод. б., отд. II, кн. 3, стр. 571. См. также Ист. церкви *Макарія*, т. VIII, 120—125; *Вимоградова*: О Ѳеодоритовомъ словѣ, стр. 58.

строй по списку Общества Исторіи и Древностей [1]), на Ѳеодоритовомъ словѣ и свидѣтельствѣ Петра Дамаскина. Такой способъ Даніилъ называетъ „преданіемъ апостольскимъ неписаннымъ“ [2]). Итакъ, глава русской іерархіи, самъ митрополитъ, открыто поучаетъ свою паству, москвичей, креститься двумя перстами! Вслѣдъ за митрополитомъ Даніиломъ, или одновременно съ нимъ, по вопросу о крестномъ знаменіи высказался и знаменитый Максимъ Грекъ. И что же? Подобно Даніилу, онъ тоже признаетъ двуперстіе [3]).

---

[1]) См. *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1881 г., кн. II, стр. 38, 39.

[2]) Статья *В. Жмакина*: „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія“ въ *Чт. Общ. Ист. и Др.*, кн. II, стр. 442 и слѣд.; а также *Макарія*: Ист. Русск. церкви, т. VII, стр. 327.

[3]) Ист. Русск. церкви *Макарія*, т. VIII, стр. 115—116. Послѣ собора 1667 г., осудившаго патріарха Никона и раскольничьи мнѣнія, въ литературѣ не разъ выражалось сомнѣніе въ принадлежности слова о двуперстіи, какъ и о сугубомъ аллилуіа, Максиму Греку (см. Словарь истор. пис. дух. чина, т. II, изд. 2-е, стр. 40 митр. Евгенія и статьи: „Максимъ Грекъ“ преосв. Филарета въ Москвит. 1842 г., №№ 11 и 12), но сомнѣніе это—при неубѣдительности доводовъ — вполнѣ понятно: наши нѣкоторые церковники не могутъ примириться съ мыслью, чтобы Максимъ Грекъ, этотъ знаменитый поборникъ православія, признанный нашею церковью преподобнымъ, могъ одобрять раскольничье двуперстіе и сугубое аллилуія. Словомъ, здѣсь повторилось то же, что̀ въ вопросѣ о подлинности Стоглавника, неканоническое происхожденіе котораго старались такъ ревностно доказать митрополитъ Платонъ (II, 35) и архіепископъ Черниговскій Филаретъ (III, 193, 2-е изд.). Но на сколько каноничны постановленія собора 1551 года, на столько же подлинны и тѣ двѣ статьи Максима Грека, которыя трактуютъ о двуперстіи и сугубомъ аллилуія. Въ этомъ насъ прежде всего убѣждаютъ древніе списки сочиненій Максима Грека, составленные задолго до собора 1667 года, когда раскольниковъ, которымъ обыкновенно приписываютъ внесеніе статей о сугубомъ аллилуіа и о двуперстіи въ сборники трудовъ, несомнѣнно принадлежащихъ преподобному, еще не было. Таковы списки: Ундольскаго 1587 года (см. Опис. № 487, гл. 32, л. 128), Синодальный конца XVI вѣка (см. Опис. II, 2, № 191, л. 64², гл. 15). Самымъ древнимъ спискомъ сочиненій Максима Грека считается, какъ извѣстно, рукопись Хлудовской библіотеки, писанная въ 1567 году. Къ сожалѣнію, рукопись эта, при полномъ оглавленіи, заключаетъ въ себѣ только половину статей Максима Грека, первую часть полнаго собранія сочиненій преподобнаго; что же касается второй половины, составлявшей, по всей вѣроятности, отдѣльный сборникъ, то ея въ Хлудовскомъ собраніи нѣтъ (см. Опис. Хлуд. рук. *А. Попова*, № 70). Просматривая сочиненія Максима Грека въ Румянцовскомъ музеѣ, мы случайно натолкнулись на сборникъ (XVI вѣка), который, по видимому, представляетъ непосредственное продолженіе Хлудовской рукописи, такъ сказать вторую и послѣднюю часть ея. Хотя почерки обоихъ сборниковъ, Хлудовскаго и Румянцовскаго, мы не сравнивали (это, впрочемъ, и не особенно важно: вѣдь переписчикъ могъ быть

Конечно, авторитеты этихъ двухъ лицъ не могли остаться безъ вліянія на современниковъ, изъ которыхъ, какъ извѣстно, многіе обращались за совѣтами и наставленіями, какъ къ митрополиту Даніилу, такъ и къ Максиму Греку, и особенно къ послѣднему. Въ 1551 г. вопросъ о крестномъ знаменіи сильно занимаетъ отцовъ Стоглаваго собора, который въ 31-ой главѣ своихъ постановленій рѣшительно—мы знаемъ—сталъ на сторону двуперстія: „иже кто не знаменуется двема персты якоже и Христосъ, да есть проклятъ“ [1]). Наказные списки Соборнаго уложенія 1551 г., отправленные въ 1551—1558 гг. митрополитомъ Макаріемъ, этимъ дорогимъ для раскольниковъ іерархомъ, въ Владиміръ и Каргополь, повторяютъ цѣликомъ рѣшеніе Стоглава о двуперстіи [2]).

Мы не станемъ здѣсь касаться вопроса о подлинности Стоглавника: что постановленія послѣдняго достовѣрны и носятъ каноническій характеръ, это съ наглядною убѣдительностью доказано преосв. Макаріемъ въ его Исторіи Русской церкви, т. VII, стр. 95, и Бѣляевымъ въ Предисловіи къ наказнымъ спискамъ Стоглаваго собора, изданнымъ въ 1863 году.

Этихъ трехъ указаній на Максима Грека, митрополита Даніила [3]) и Стоглавый соборъ, намъ кажется, вполнѣ достаточно, чтобъ убѣ-

---

не одинъ), но связь и близость этихъ сборниковъ другъ къ другу видны изъ того, что составъ, порядокъ статей и ихъ нумерація въ Румянцовскомъ буквально совпадаютъ со второю частью оглавленія Хлудовскаго, а это чрезвычайно важно: сборниковъ сочиненій Максима Грека очень много, но всѣ они не похожи другъ на друга, не только порядкомъ, или нумераціей, но даже составомъ статей: и то, и другое бываетъ разное. Поэтому, странное совпаденіе Румянцовской рукописи съ оглавленіемъ Хлудовскаго сборника заставляетъ думать, что первая была продолженіемъ втораго и составлена, конечно, въ томъ же году, что и второй, то-есть, въ 1567 г. Статьи о крестномъ знаменіи и аллилуія въ Румянцовской рукописи были, но онѣ вырѣзаны. Какого они были содержанія, раскольничьяго или православнаго,—не знаемъ; предполагаемъ—перваго. Не стоитъ ли вырѣзка эта въ связи съ какими-нибудь соображеніями Т. Ѳ. Большакова, отъ котораго сборникъ былъ купленъ: старовѣры, говорятъ, не любятъ выпускать изъ своихъ рукъ то, что̀ соотвѣтствуетъ ихъ мыслямъ и убѣжденіямъ?

[1]) См. изданіе *Кожанчикова*.

[2]) См. Наказные списки Стоглаваго собора, изд. *Бѣляева*.

[3]) Частыя ссылки на двуперстіе м. Даніила и Максима Грека находятся, напримѣръ, и въ нашей рукописи (конца XVIII вѣка), озаглавленной: „Древлерѡссіиская цр҃ковная істѡрїа“. Авторъ этой „исторіи“, по видимому, болѣе склонный къ расколу, чѣмъ къ православію, приводитъ множество доказательствъ, опровергающихъ, по его мнѣнію, „самомн́ѣнное мꙋдрованїе

диться въ невозможности предположенія г. Некрасова, будто Москва, въ противоположность Новгороду, признавала лишь православное крестное знаменіе. Ясно, что большинство, если не всѣхъ, то по

Патрїа́рхѡвъ Паѵсїа Константинополскагѡ и Нѷ́кѡна Моско́вскаго“ (л. 65²) и между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Княженіе великагѡ кня́зя Василіа Іѡанновича. При немъ бяше Данїилъ митрополи́тъ Московскіи и́же бяше оу̑чникъ пр̾е̑пбнагѡ и прем̾ѵрагѡ Ї̑ѡсифа Волоколамскаго, оу̑крашавше пр̾толъ рѡссіискїя митропо́лїи. Тои собра книг̾ именѵемѵю Собо̀рникъ ѿ мно́гихъ сщ̃енны̾х̾ писа́нии въ словѣ Дм̃ъ тоя книги пи́шетъ ка́кѡ досто́итъ крести́тися. Во свидѣтельство приводитъ греческаго оучителя с̃таго Петра Дамаскина и сщ̃енника, еще же и бл̃женнаго Ѳеодори́та Кира града еп̃скопа и пр̾ѡ̃. сими то́ежде сщ̃енное знаменованїе по старопечатны̑ книга̑ зѣлѡ̀ согла́снѡ доказ̾ѵется. § 47: При семъ кн̃зѣ бѣ̀ прѣпбнѣи и многоѵ̾ченнѣи мѵ̾жъ Маѯимъ Грекъ... тои оубо Маѯимъ Грекъ къ нѣкоемѵ̾ вопросившемѵ̾ егѡ̀ написа посланіе, которое в собраннои нѣкїими по смерти егѡ̀ кни́зѣ по ложенное по̑числ̑о̀ Мѵ̾ и во ѿ̑но̑ сказ̾ѵетъ къ вопросившемѵ̾ егѡ о сложенїи перстѡвъ на к̾ртое знаменованїе, согла́сна во всемъ древнимъ рѡссїискимъ книга̑, двѣма́ перстѡма“ (л. 58 и 58²). Не лишены также значенія слѣдующія доказательства автора въ пользу двуперстнаго крестнаго знаменія: „Ра́внымъ Ѡбразомъ“ — говоритъ онъ — „и̑ сѣ̑шїи ї̑ѡвъ патріархъ Московскїи, въ посланїи своемъ въ Грузинскую землю, въ коемъ повелѣваетъ двѣма перстома знаменоватися. Паки то́и же сѣ̑шіи патрїархъ ї̑ѡвъ ѿдаде въ патріаршѵю ри́зницѵ̾ древле писаннѣи потребникъ, въ нѣ̑мъ же во главѣ мн̄ написано си́це: и̑же не крестится двѣма перстома, якоже и̑ Христосъ, да будетъ проклятъ. Сіе же двоперстное сложеніе паки по̑дтвержденіе оу̑чинилъ Сѣ̑шіи Патрїархъ Филаретъ Никитичъ въ книзѣ именѵемои попрост̾ѵ Великіи Катихизисъ, за бл̃гословеніемъ Его, тѵпомъ въ свѣтъ и̑данной въ лѣ̀ зр̾лѕ. во главѣ в̃. бл̃женнаго Ѳеодорита оу̑ченіемъ. Потомъ по прошествіи шестинадесяти лѣтъ: Сѣ̑шіи Патрїархъ Ї̑ѡсифъ паки двоперстнаго сложенія изоби́лнѣе ра̑змноживъ по̑̂ твердилъ: а̃ въ книзѣ на́званнои Кириловои в̃ во псалти́рехъ великѣ̑ со вослѣдованіемъ и малых, оучебны̑х̾ въ трехъ вѣ̑ыходахъ. г̃. въ книзѣ ѿ̑ правои вѣ̑рѣ, во главѣ ѳ̃. д̃. въ катихизисѣ малѡмъ и во всѣхъ ѡнѣхъ согласное по̑твержденіе оучини́лъ ѿпредѣленію вы̑ше обы́явленномѵ̾ Стогла́внаго Моско́вскаго Собо́ра“ (л. 62).

крайней мѣрѣ лучшихъ книжныхъ людей крестилось въ Москвѣ во время Домостроя по раскольничьи [1]).

Къ такимъ лучшимъ людямъ принадлежатъ, несомнѣнно, и знаменитый исповѣдникъ Іоанна Грознаго, Благовѣщенскій іерей Сильвестръ, другъ Максима Грека, другъ и единомысленникъ митрополита Макарія [2]), предсѣдателя собора 1551 года. Есть, значитъ, основаніе предполагать, что и Сильвестръ былъ двуперстникомъ. Подобное предположеніе перейдетъ въ полную увѣренность, когда мы вспомнимъ, что Сильвестръ участвовалъ въ Стоглавомъ Соборѣ [3]) и рекомендовалъ въ назиданіе его правила [4]).

---

[1]) Указаніе на двуперстіе находимъ мы, между прочимъ, въ очень распространенномъ въ XVI и XVII вв. (судя по числу дошедшихъ до насъ рукописей) сочиненіи, подъ названіемъ „Сынъ Церковный“, приписываемомъ Іоанну Философу. Содержаніе этого любопытнаго памятника—рядъ правилъ и наставленій, касающихся религіозно-нравственной жизни всякаго христіанина. Посвящая свой трудъ „нѣкоему вопросившу“, авторъ даетъ совѣты, напримѣръ, о томъ, какъ нужно молиться дома, какъ слѣдуетъ стоять въ церкви и когда приходить, или выходить изъ нея, какъ необходимо имѣть отца духовнаго, какъ относиться къ послѣднему и т. п. Среди разныхъ наставленій въ „Церковномъ Сынѣ“ мы находимъ также и правило, какъ слѣдуетъ слагать персты для крестнаго знаменія. Въ главѣ: „О крестѣ имже рукою своею ограждаемся“ сочинитель книги говоритъ слѣдующее: „Егда сложиши большой перстъ, рекомыи палецъ, со двѣма меншима, с̑ послѣднима, то знаменуетъ образъ таинства пребезначальнаго существа нераздѣлимыя Трцы Оца и Сна и Стаго Дха и егда сложивъ преклони среднїи перстъ съ пр̑ебольши́мъ перстомъ, то знаменуетъ два естества во единомъ составѣ, бжество и чловѣчество, сего ради полагается начало главы, сводится до перси и до пупа (см. печ. экз. Рум. Муз. № 1185, № 31). Назвать „Сына Церковнаго“ раскольничьею книгой нельзя, потому что, вопервыхъ, есть списки XVI вѣка, когда самаго названія „расколъ“ еще не было и, вовторыхъ, предлагая двуперстіе, и считаяего „совершеннымъ крестомъ“, авторъ въ то же время приказываетъ молиться за Царя, патріарха (ясно, что „Сынъ Церковный“ составленъ не ранѣе конца XVI вѣка), требуетъ послушанія и уваженія церковнаго чина, посѣщенія церкви и т. п. „Сынъ Церковный“ своими правилами во многомъ напоминаетъ Домострой, но вопроса о взаимномъ отношеніи этихъ двухъ памятниковъ мы пока касаться не станемъ.

[2]) Статья: „Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія“ архим. *Леонида* (въ *Чт. Общ. Ист. и Др.* 1874 г., кн. I, стр. 30 и др.).

[3]) См. Матеріалы для Исторіи Стоглава, ст. *Жданова* въ *Ж. М. Н. Пр.* 1876 г., августъ 211 - 212.

[4]) Въ посланіи къ князю Александру Борисовичу Шуйскому-Горбатову, въ Казань, Сильвестръ, между прочимъ, совѣтуетъ князю надзирать за духовенствомъ

Все сказанное нами о распространенности двуперстія въ Москвѣ, объ отношеніи къ этому способу крестнаго знаменія Сильвестра, приводитъ къ мысли, что для Благовѣщенскаго попа—если только допустить его передѣлку на „московскій ладъ“ Домостроя—не представлялось ни малѣйшей надобности уничтожать главу о двуперстіи: не было этой нужды и въ томъ случаѣ, когда Сильвестръ приноровливалъ новгородскій Домострой не только для общаго назиданія всѣхъ москвичей, но даже для наставленія своего „единочадаго сына“ Анфима: лично Сильвестръ—слѣдуетъ думать—признавалъ двуперстіе. Впрочемъ, съ послѣднимъ согласенъ и самъ авторъ „Опыта“ [1]). Но какъ же, въ этомъ случаѣ, объяснить отсутствіе главы о двуперстномъ крестномъ знаменіи въ Коншинскомъ спискѣ, который по справедливости—долженъ быть названъ Сильвестровскою редакціей Домостроя? Принять объясненіе г. Некрасова, какъ мы видѣли, нельзя: Сильвестръ въ данномъ случаѣ не могъ быть акклиматизаторомъ Домостроя на московскій ладъ. Остается предположить одно изъ двухъ: либо глава о двуперстіи была выпущена переписчикомъ Коншинскаго списка, либо ея вовсе не было въ оригиналѣ Сильвестровской редакціи памятника. Послѣднее предположеніе заслуживаетъ бо́льшаго довѣрія, ибо если допустить, что въ оригиналѣ Коншинскаго списка была глава о двуперстіи, то авторъ этого списка, вопервыхъ, не выпустилъ бы ее, еслибы былъ раскольникъ и, вовторыхъ, замѣнилъ бы ее православнымъ вѣроученіемъ (какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, авторъ Погодинскаго Домостроя; см. Временикъ 1849 г., кн. I, стр. 19), еслибы придерживался троеперстія. Съ другой стороны, Коншинскій списокъ, за самыми мелкими отступленіями, какъ доказываетъ г. Некрасовъ [2]), сохранилъ видъ Сильвестровскаго Домостроя, то-есть, того списка, который непосредственно вышелъ изъ-подъ пера самого Сильвестра. Сопоставляя все это, авторъ „Опыта“, намъ кажется, долженъ бы придти къ мысли, что въ до-Сильвестровскомъ Домостроѣ (если таковой дѣйствительно существовалъ) главы о двуперстіи не было. Конечно, этотъ выводъ будетъ обязателенъ для г. Некрасова въ томъ случаѣ, когда онъ откажется отъ совершенно ложнаго предположенія, будто Москва

и заставлять послѣднее „Христіане поучати... по правиломъ святыхъ апостолъ., и по соборному Уложенію (то-есть, Стоглавнику); а та книжка соборная есть списана въ новомъ городѣ въ Свіяжскомъ, у Протопопа“ (*Ут. Общ. Ист. и Др.* 1874 г., кн. I, стр. 94).

[1]) Опытъ, стр. 178.

[2]) Ibid., стр. 176.

крестилась по православному, а Новгородъ—по раскольничьи. Отъ этого вывода г. Некрасовъ естественно долженъ придти и къ дальнѣйшему закюченію, а именнно: не въ Коншинскомъ спискѣ глава о двуперстіи была выпущена, а въ спискѣ Общества она позднѣе прибавлена. Что послѣднее вѣроятно, это подтверждается и мѣстомъ главы о двуперстіи въ Домостроѣ: разбираемая статья представляетъ не то отдѣльную главу, не то какое-то приложеніе, подъ особымъ заглавіемъ, къ главѣ: „Како в цр҃кви мѹжѹ и҆ женѣ молити҃, чт҃ота хранити, і вса́кого зла́ не творити҃“ (13 г. сп. Общ.), хотя приложеніе это—на нашъ взглядъ—болѣе бы шло, напримѣръ, ко главѣ 3-й (по списку Общества) Домостроя, или вообще къ началу послѣдняго, гдѣ авторъ совѣтуетъ креститься, въ увѣренности, что способъ сложенія креста читателю уже извѣстенъ. Впрочемъ, о мѣстѣ мы не споримъ: мы высказываемъ лишь свое личное впечатлѣніе.

До сихъ поръ отсутствіе главы о крестномъ знаменіи въ Коншинскомъ спискѣ намъ приходилось объяснять такъ сказать съ точки зрѣнія г. Некрасова, то-есть, мы предполагали, какъ это дѣлаетъ авторъ „Опыта“, что Сильвестръ былъ не сочинителемъ Домостроя, а только лишь редакторомъ его. При такомъ взглядѣ на Сильвестра—мы видѣли—г. Некрасовъ долженъ въ силу необходимости признать, что отсутствіе статьи о двуперстіи въ Коншинскомъ спискѣ положительно не объяснимо. Но если мы посмотримъ на Благовѣщенскаго попа, какъ на самого автора Домостроя, а на списокъ Общества—какъ на передѣлку памятника, приноровленнаго для всеобщаго употребленія православныхъ христіанъ, тогда отсутствіе статьи о двуперстіи въ Коншинской редакціи станетъ понятно. Тутъ для насъ ужь безразличенъ вопросъ, какъ крестился Сильвестръ, по раскольничьи, или по православному; намъ гораздо важнѣе то, что Домострой написанъ имъ для своего „единочѧдаго“ сына. Анфимъ съ младенчества росъ и получалъ религіозно-нравственное воспитаніе подъ надзоромъ Сильвестра, отъ котораго научился, конечно, и какъ слѣдуетъ креститься. Домострой написанъ для Анфима, когда послѣдній былъ женатъ и на столько уже, само собою разумѣется, привыкъ къ обычному перенятому отъ образованнаго отца способу перстосложенія, что не представлялось вовсе надобности поучать его, какъ нужно креститься. Другія правила религіозно-нравственной жизни могли или забываться, или просто, по нерадѣнію, не исполняться Анфимомъ, чего нельзя сказать про механическій способъ сложенія креста, обычный и крѣпко усвоенный съ самыхъ юныхъ лѣтъ отъ

родного отца и матери. Такъ нужно ли было Сильвестру писать въ Домостроѣ, назначенномъ для сына, еще особую статью о перстосложеніи? Полагаемъ, нѣтъ. Что Сильвестръ не считалъ необходимымъ наставлять своего сына въ крестномъ знаменіи, это мы видимъ и изъ 64-й главы Коншинскаго списка (такъ-называемаго Малаго Домостроя), гдѣ, среди самыхъ мелкихъ правилъ обрядовой религіозной жизни, о перстосложеніи для креста не говорится ни слова. Совсѣмъ въ другія условія поставленъ былъ передѣлыватель Домостроя. Приноровливая памятникъ для всеобщаго употребленія православныхъ христіанъ, которые, конечно, крестились по-разному, редакторъ естественно пожелалъ познакомить поучаемыхъ читателей и съ тѣмъ способомъ перстосложенія, который, по его мнѣнію, слѣдуетъ считать самымъ правильнымъ и лучшимъ. Такъ, намъ кажется, должно объяснить присутствіе статьи о крестномъ знаменіи въ спискѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Послѣднее предположеніе станетъ если не обязательнымъ, то весьма вѣроятнымъ, когда, вслѣдъ за этимъ, перейдемъ къ разбору другихъ доказательствъ „Опыта“ въ пользу того, что списокъ Коншина—не болѣе, какъ московская передѣлка новгородскаго Домостроя. Стараясь доказать эту мысль, г. Некрасовъ выставляетъ на видъ, кромѣ крестнаго знаменія, еще разницу редакцій въ двухъ древнѣйшихъ спискахъ Домостроя главы: „како дочери воспита́ти с҆ надѣлкѡмъ і҆ замѫ҃ выдати“ (по списку Общ. XX-я, Коншина—XVI-я). Различіе редакцій этой главы объясняется въ „Опытѣ“ слѣдующимъ образомъ. „Если этотъ богатый властелинъ по идеалу сихъ главъ (XVI--XXIX)“, говоритъ г. Некрасовъ,—„разбирая „наказъ отъ нѣкоего“—„подходитъ къ новгородскому идеалу, то дочь его и жена несомнѣнно новгородки. Если у него „дочи роди́тца, ино разсꙋднъıи отецъ, которымъ торгомъ себя питаетъ, во градѣ ли кꙋплю дѣетъ, или по морю, или деревню пашетъ, и онъ ис торгу её выть какову паменитъ“. „Изъ этихъ словъ“, продолжаетъ г. Некрасовъ,—„очень ясно, въ какомъ городѣ родится и воспитывается дочь, когда сочинитель пишетъ объ ней въ XV вѣкѣ (?). Едва ли исторія найдетъ объясненіе подобной окраски въ бытѣ Москвы XV вѣка. Даже во второй половинѣ XVI вѣка, отъ которой сохранился Сильвестровскій списокъ Домостроя, именно въ этой главѣ оказалось нужнымъ стереть всю окраску быта торговаго города, потому что списокъ этотъ принадлежалъ къ передѣлкѣ московской. Подобная передѣлка этой главы была бы невозможна, еслибы торговое дѣло и между боярами Московскими въ XVI вѣкѣ было въ такомъ же ходу, какъ и въ Нов-

городѣ“ [1]). Прочитавъ это мѣсто въ „Опытѣ“, мы прежде всего ставимъ г. Некрасову такой вопросъ: если Сильвестръ стиралъ въ своей передѣлкѣ памятника черты торговаго быта, какъ чуждаго боярской московской жизни XVI вѣка, то почему же въ этомъ случаѣ онъ ограничивается лишь одною XVI-ю главой? Почему онъ не уничтожилъ такихъ же чертъ торговаго быта, напримѣръ, въ главахъ 60-й, 61-й, 62-й и др. (Конш. сп.), которыя, по предположенію г. Некрасова, тоже, кажется, не должны бы подходить къ Москвѣ XVI вѣка [2]). Вѣдь нельзя же допустить, что Сильвестръ, приноровливая Домострой къ быту Москвы XVI вѣка, ту часть этого памятника, которая въ Предисловіи къ списку Общества названа „Наказомъ“, предназначалъ лишь для однихъ московскихъ бояръ, а остальныя главы, начиная съ 26-й (по списку Коншина),—для всѣхъ вообще москвичей, въ томъ числѣ и купцовъ. Такое разграниченіе не мыслимо, о чемъ мы и раньше уже говорили. Но если согласиться и съ невозможнымъ, то и здѣсь предстоитъ не разрѣшимый для г. Некрасова вопросъ: почему Сильвестръ, стирая черты торговаго быта въ 16-й главѣ, оставляетъ ихъ въ 22-й (Конш. сп.), которая тоже, по мнѣнію автора „Опыта“, описываетъ жизнь московскаго боярина (=26-й главѣ по списку Общества): „А чѣмъ государь пожалуетъ: платьемъ, или лошедь... или пашенькою, или какою торговлею“ и т. д.? Мы не знаемъ, какъ объяснить разницу редакцій главы: „како дочи воспитати съ надѣлкомъ замужь выдати“ въ двухъ древнѣйшихъ изводахъ Домостроя, но думаемъ что Сильвестру вовсе не представлялось надобности (чтобы не быть непослѣдовательнымъ) стирать въ своей передѣлкѣ Домостроя (если—повторяемъ—таковая когда-либо существовала) тѣ черты, которыя, такъ или иначе, могли указывать на торговый бытъ среды, гдѣ впервые явился памятникъ. Эта увѣренность оправдывается историческими фактами.

Что въ Новгородѣ бояре занимались торговлей, въ этомъ никто

---

[1]) Опытъ, стр. 151—152.

[2]) Заглавіе 60-й статьи такое: „О торговыхъ и о лавочныхъ людехъ потому же счетъ съ ними часто держати“. Здѣсь говорится о томъ, какъ государю „надобеть смечатися“, то-есть, провѣрять людей, „которые въ лавкахъ торгуютъ“. Глава 61-я названа: „Какъ дворъ строити, или лавки, или деревня или амбаръ“. Заглавіе 62-й главы: „Какъ дворовое тягло платить, или съ лавки поземъ или съ деревни и должникомъ долгъ всякой платить“. Указанія на то, что „государь“, кромѣ другихъ занятій, часто также и вѣдетъ торговое дѣло, держитъ лавки, мы находимъ и въ другихъ главахъ Коншинскаго списка, напримѣръ, 26-й, 51-й.

не сомнѣвается [1]); но нѣтъ также сомнѣнія и въ томъ, что торговое дѣло было хорошо извѣстно и московскимъ боярамъ XVI вѣка. Торговали всѣ русскіе. „По свидѣтельству иностранцевъ", говоритъ г. Костомаровъ,—„русскіе, отъ большихъ до малыхъ, очень любили торговлю. Европейцы, бывавшіе у насъ посланниками, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица, безъ изъятія и сами посланники, отправляемые къ иностраннымъ дворамъ, занимаются торговлей" [2]). Торговое дѣло было такъ любезно москвичамъ XIV—XVII вѣковъ, что имъ занимались не только бояре, начиная съ самыхъ знатныхъ, но даже самъ царь. Такъ, подъ 1567 г. въ лѣтописи мы находимъ такое извѣстіе: „Отпустилъ государь со своею бологодѣтію (то-есть, товарами) отъ своей казны своихъ гостей и купцовъ въ Поморскія государства: въ Антропъ (Антверпенъ) къ бурмистрамъ и ратманамъ-посламъ гостя Ивана Аѳонасьева, да купца Тимоѳея Смывалова; во Гурмызъ (въ Ормуздъ) — купцовъ Дмитрія Ивашева, да Ѳеодора Першина; въ Англійскую землю къ Елизаветѣ королевѣ купцовъ Степана Твердинова да Ѳедота Погорѣлова". Это были, какъ мы видимъ, въ одно и то же время, и царскіе купцы, и государственные посланники, ѣздившіе съ товарами изъ царской казны, съ цѣлью продать ихъ въ чужихъ земляхъ и купить тамъ для царя другихъ товаровъ. Что Московскіе государи не гнушались заниматься черезъ своихъ посредниковъ торговлею, это подтверждается словами Мейерберга. „Не мало также онъ (то-есть, Алексѣй Михайловичъ) [3]) получаетъ отъ торговли, которую ведетъ покупкой и продажей товаровъ черезъ своихъ повѣренныхъ и прикащиковъ, по стародавнему обычаю великихъ князей. Въ казнѣ его выставлены открыто въ продажу разные драгоцѣнные мѣха, которые ежегодно приносятъ ему сѣверныя области... На народной площади мясники продаютъ говядину, баранину и свинину, а торговки—яблоки, грецкіе орѣхи и по-

[1]) *Костомаровъ*, Сѣв.-русск. народоправства, т. II, стр. 22.

[2]) *Костомаровъ*, Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкѣ, стр. 136. Мейербергъ, посѣтившій Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Всѣ бояре, даже сами великокняжескіе послы у иностранныхъ государей, вездѣ открыто занимаются торговлей: продаютъ, покупаютъ, промѣниваютъ безъ личины и прикрытія; сами продавцы, сами маклеры заставляютъ почетный посольскій санъ служить низкому промыслу" (см. Путешествіе въ Московію, въ *Чт. Общ. Исторіи и Др. Р.* 1873 г., кн. 3, стр. 92).

[3]) См. *Чт. Общ. Исторіи и Др.* 1873 г., кн. 3, стр. 174 „Путешествіе въ Московію".

лотна, и громко выкрикиваютъ, что этотъ явный торгъ для прибыли великаго князя, чтобы заманить такимъ припѣвомъ купить царскаго мяса, яблокъ, царскаго полотна. А при продажѣ великій князь пользуется гораздо высшею цѣной противъ дешевой цѣны другихъ продавцевъ". Нѣтъ сомнѣнія, что эта характерная картинка нравовъ XVII вѣка имѣла своихъ предшественницъ въ XVI (какъ мы видимъ изъ примѣра Ивана Грознаго) и въ XV столѣтіяхъ. Итакъ, напрасны увѣренія г. Некрасова, будто московскіе бояре XVI вѣка не занимались торговлей. Не только бояре, но царь, духовенство, да наконецъ, самъ Сильвестръ торговалъ, и сынъ его Анфимъ также.

Въ 64-й главѣ Коншинскаго списка мы читаемъ такія фразы: „А кому што продавывалъ", говоритъ Сильвестръ,— „все въ любовь, а не въ обманъ; не полюбитъ кто моего товару, и азъ назадъ возму, а денги отдамъ; а о купли и о продажи ни съ кемъ брань и тяжба не бывала; ино добрые люди во всемъ вѣрили, и здѣ (то-есть, въ Москвѣ), и иноземцы. Никому ни въ чемъ не сълыгивано, ни манено, ни пересрочено, ни въ рукодѣльи, ни въ торговли"; или: „А иныхъ (то-есть, „пустошныхъ сиротъ и работныхъ и убогихъ") всякими многими торговли изучихъ торговать"...; .. „а въ торговли прямую розласку чини", поучаетъ Сильвестръ Анфима; или: „Послушай отца своего наказаніе... промыслу доброму во всякихъ торговлехъ и во всякихъ товарехъ наказану; и святительское благословеніе на себѣ имѣешь... и съ добрыми людми водишися; и со многими иноземцы великая торговля и дружба есть" и т. д.. Эти строки показываютъ, что и лично Сильвестръ не имѣлъ нужды стирать въ своей передѣлкѣ Домостроя (если она была только) черты торговаго быта.

Кромѣ ссылки на 20-ю главу (по списку Общества) и указанія на двуперстіе, г. Некрасовъ приводитъ еще одно доказательство въ пользу новгородскаго происхожденія Домостроя. „Для указанія на бытъ Новгорода", говоритъ онъ,— „въ третьей части Домостроя мы находимъ то, что эта часть Домостроя литературно возникла тамъ, гдѣ были каменныя постройки у частныхъ лицъ. Такъ въ 61-й гл. о томъ, „какъ дворъ строити, или лавка, или амбаръ и деревня", говорится: „всякому человѣку домовитому доброму, у кого Богъ послалъ свое подворьице, или деревеньку, или лавку въ торгу, или амбаръ, или каменые"... Ясно, что здѣсь говорится о домахъ частныхъ людей, что эта глава выработалась тамъ, гдѣ каменные дома не составляли рѣшительнаго исключенія и были если не всеобщи, то очень обыкновенны. Какъ извѣстно, того нельзя сказать не только о Москвѣ

XV вѣка, первой половины XVI вѣка, но вообще о цѣломъ XVI вѣкѣ Москвы. Въ 1473 г. въ Москвѣ былъ Контарини и замѣтилъ, что „городъ Москва расположенъ на небольшомъ холмѣ и всѣ строенія въ немъ, не исключая и самой крѣпости, деревянныя". Изъ письма Кампензе, писаннаго въ 1524 году, извѣстно, что „Москва замѣчательна по своей обширности, но строенія въ ней деревянныя, кромѣ одной крѣпости". Павелъ Іовій въ первой половинѣ XVI вѣка говорилъ о городѣ Москвѣ: „Домы въ немъ вообще деревянные, не очень огромны". Напротивъ того продолжаетъ г. Некрасовъ,—„извѣстно, что каменныя постройки, принадлежавшія частнымъ лицамъ, были очень обыкновеннымъ явленіемъ въ Псковѣ въ XV вѣкѣ и въ Новгородѣ. Ясно отсюда, гдѣ выработалась эта глава, а слѣдовательно, и вся третья часть Домостроя" (см. Опытъ, стр. 167—168). Если „каменые домы"—черта новгородскаго быта, то почему Сильвестръ, московскій акклиматизаторъ Домостроя, не стеръ ее? Вѣдь въ Москвѣ, во время Сильвестра, не было каменныхъ построекъ, а въ Коншинскомъ спискѣ тѣмъ не менѣе выраженіе „каменые домы" осталось? (гл. 61). Съ другой стороны, г. Некрасову можно предложить и такой вопросъ: увѣренъ ли онъ, что въ Новгородѣ „каменныя постройки были очень обыкновеннымъ явленіемъ", и если—да, то на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ основываетъ онъ свою увѣренность? Такихъ свидѣтельствъ, въ родѣ показаній иностранцевъ, у насъ нѣтъ; въ противномъ случаѣ г. Костомаровъ, описывая бытъ Новгорода, не преминулъ бы воспользоваться ими и не сказалъ бы, что „дома новгородскіе строились деревянные, на подклѣтяхъ, иногда каменныхъ, въ которыхъ были службы" (см. Сѣв.-русск. народопр., II, 150). Что же касается Пскова, то тотъ же историкъ могъ высказать про его внѣшній видъ лишь слѣдующее предположеніе: „Въ Псковѣ, должно быть, каменныхъ зданій было больше, чѣмъ въ Новгородѣ, потому что изобиліе плитняка вблизи способствовало ихъ построенію" (ibid.). Вотъ все, что мы знаемъ о домахъ Новгорода и Пскова: считать каменные дома въ Новгородѣ „самымъ обыкновеннымъ явленіемъ" мы не имѣемъ права. Но если даже допустить и это предположеніе, то вѣдь указанное мѣсто въ 61-й главѣ Домостроя не даетъ права думать, что на каменные дома здѣсь смотрятъ, какъ на обыкновенное явленіе.

Это видно изъ того, что, прибавляя къ слову „домы" опредѣленіе—„каменые", авторъ какъ бы выдѣляетъ ихъ изъ рода другихъ домовъ, деревянныхъ, которые, со всѣми хозяйскими пристройками, на-

зываетъ вообще „подворьицами“. Ясно, что дѣло происходитъ въ мѣстности, гдѣ каменные дома — рѣдкое явленіе, а это, съ точки зрѣнія г. Некрасова, скорѣе указываетъ на Москву, чѣмъ на Новгородъ; для насъ же лично, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Москвѣ, дома въ описываемую эпоху, за самыми рѣдкими исключеніями, были вообще деревянные. Здѣсь кстати замѣтимъ, что подъ словомъ „домы каменные“ авторъ Домостроя разумѣетъ, по видимому, не обыкновенный домъ, въ которомъ жилъ хозяинъ, и который назывался то избой, то подворьемъ, то хоромами, а нѣчто особенное. Что̀ это такое— мы не знаемъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что ссылками своими въ доказательство новгородскаго происхожденія Домостроя г. Некрасовъ лишь еще болѣе подорвалъ довѣріе къ списку Общества въ первоначальной близости послѣдняго. Къ этому еще прибавимъ, что въ Домостроѣ домъ, въ которомъ живетъ хозяинъ, всегда подразумѣвается деревянный, какъ напримѣръ, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста въ 38-й гл. по списку Коншина: „Изба, и стѣны и лавки, и скáмьи, а полъ, и окна, и двѣри, въ сенехъ, и на крыльцы,—вымыть и вытерть и выместь и выскресть“ и т. д. Гдѣ моютъ стѣны, тамъ—само собою разумѣется—домъ не можетъ быть каменнымъ. Въ деревенскихъ избахъ, по нѣкоторымъ мѣстностямъ, до сихъ поръ крестьяне моютъ стѣны и потолокъ.

Вслѣдъ за этимъ мы приступаемъ къ разбору доводовъ г. Некрасова, касающихся времени происхожденія Домостроя. Итакъ, когда приблизительно могъ появиться въ древне-русской литературѣ разбираемый памятникъ? „Къ концу XV, или первой половинѣ XVI вѣка, но никакъ не позже 1533 года“ [1]), категорически отвѣчаетъ г. Некрасовъ, говоря о томъ времени, когда, на его взглядъ, былъ составленъ полный сводъ Домостроя, а для насъ—самый памятникъ. Такое мнѣніе г. Некрасовъ, понятно, основываетъ прежде всего на древности списка, принадлежащаго Обществу Исторіи и Древностей, на соотношеніи предполагаемыхъ, но ничѣмъ, какъ мы видѣли, не оправдываемыхъ отдѣльныхъ (трехъ) частей Домостроя; что же касается доказательствъ, взятыхъ изъ текста памятника, то такихъ въ „Опытѣ“ очень мало: всего на всего одно. „Домострой“, объясняетъ авторъ „Опыта“,—„ничего не говоритъ о домовыхъ церквахъ, о священникахъ, принадлежащихъ этимъ церквамъ, и о богослуженіи, совершаемомъ въ сихъ церквахъ каждодневно.... А извѣстно, что въ XVI вѣкѣ въ

[1]) Опытъ, стр. 145.

Москвѣ, у бояръ бывали свои домовыя церкви и свои священники. По свидѣтельству Поссевина, знатныя женщины и дѣвицы почти никогда не являлись въ приходскія церкви, кромѣ праздника Пасхи, когда онѣ пріобщались. А отъ начала XVII вѣка извѣстно, что у князей было по двѣ, по три такихъ церкви. Въ указанномъ случаѣ Домострой никакъ не могъ бы умолчать объ этомъ, еслибъ онъ имѣлъ подъ руками такія бытовыя черты.... Если же въ этой части Домостроя (то-есть, въ главахъ отъ 1-й—15-й по списку Общества) и говорится о „храминѣ“ въ домѣ, гдѣ должны собираться мужъ съ женою и дѣтьми, чтобы молиться каждодневно, то это еще не московскій домовой храмъ XVI вѣка, это еще что-то предшествующее ему... Итакъ, сличеніе этихъ мѣстъ Домостроя (то-есть, гдѣ говорится о „храминѣ“, гл. 11-я по списку Общества) съ тѣмъ, что̀ извѣстно о распространеніи домовыхъ церквей въ Москвѣ XVI вѣка, показываетъ, что Домострой описываетъ бытъ болѣе ранній, предшествующій быту домовыхъ церквей, зарожденіе и начатки которыхъ онъ и представляетъ“ [1]). Авторъ „Опыта“ говоритъ, что въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ было очень много домовыхъ церквей у бояръ и богатыхъ людей; эта увѣренность, какъ дальше замѣчаетъ, основана исключительно на показаніяхъ иностранцевъ, и преимущественно іезуита Антонія Поссевина. Но можно ли въ этомъ случаѣ—спрашиваемъ г. Некрасова—такъ слѣпо довѣрять свидѣтельствамъ иностранцевъ? Полагаемъ—нѣтъ. „Безъ сомнѣнія, иностранцы не могли знать хорошо внутренняго быта русскаго народа и часто говорили о немъ много невѣрнаго, даже нелѣпаго; сами они могли быть свидѣтелями очень немногихъ, и притомъ извѣстныхъ дѣлъ русскихъ, иногда только вращаясь въ кругу придворной московской жизни, и проводя бо́льшее время въ Нѣмецкой Слободѣ“ [2]). Особенно, прибавимъ къ этому, осторожно слѣдуетъ относиться къ тѣмъ показаніямъ иноземцевъ, которыя касались религіозной жизни русскихъ. Вѣдь извѣстно, что наши предки смотрѣли на всѣхъ иностранцевъ, являвшихся съ запада, какъ на еретиковъ-латынянъ, а потому, при исполненіи религіозныхъ обрядовъ, вообще всего, относящагося къ религіи, старались держаться отъ нихъ вдали, боясь осквернѣнія латынской ересью. Сами иностранцы въ этомъ сознавались. „Вотъ мы попросили“, го-

[1]) Опытъ, стр. 140.

[2]) Русская проповѣдь въ XV—XVI вв. *Ж. М. Н. Пр.* 1868 г., апрѣль, стр. 319, ст. *Николаевскаго.*

воритъ Мейербергъ,—„пристава позволить намъ войдти въ церковь. На словахъ онъ позволилъ, а на дѣлѣ отказалъ. Потому онъ послалъ напередъ предупредить ключаря, чтобы отнюдь намъ не давалъ этого позволенія.... Послѣ уже мы узнали, что москвитяне запрещаютъ людямъ иноземной вѣры входить въ свои церкви („что дѣлали въ старину, то и впредь будемъ дѣлать"—говорили они)" [1]). Признавая латынянъ еретиками, относясь къ нимъ съ крайнимъ предубѣжденіемъ, москвитяне едва ли были съ ними откровенны, когда заходила рѣчь о религіи, религіозныхъ обычаяхъ и обрядахъ.

Не оспаривая того факта, что XVI вѣкѣ были у нѣкоторыхъ богатыхъ и знатныхъ бояръ свои домовыя церкви и священники, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что число такихъ церквей, даже въ XVII вѣкѣ, въ Москвѣ было крайне ограничено. Въ этомъ случаѣ мы ссылаемся не на иностранца, а на природно-русскаго православнаго человѣка, которому московскіе религіозные обычаи были, понятно, гораздо лучше извѣстны, чѣмъ какому-нибудь іезуиту Поссевину, или Маскевичу, увѣрявшему, что въ Москвѣ каждый бояринъ, владѣвшій домомъ, имѣлъ будто бы для своей жены церковь [2]). Мы говоримъ о Котошихинѣ, который въ главѣ „О житіи бояръ" передаетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Да у нихъ (то-есть, бояръ) большихъ, не у многихъ бояръ учинены во дворехъ своихъ церкви, а у которыхъ церквей нѣтъ, а они большіе и середнихъ статей бояре, которымъ позволено держать поповъ въ домѣхъ своихъ, заутреню и часы и молебенъ и вечерню отправляютъ у себѣ въ своихъ хоромѣхъ, а у обѣдни бываютъ въ церквахъ, кто гдѣ прихожъ, или гдѣ похочетъ; а въ домѣхъ у нихъ, окромъ церквей, обѣдни не бываетъ ни у кого; и даютъ они бояре и ближніе люди попомъ своимъ жалованье, по сговору погодно, и дается попомъ женатымъ кормъ помѣсячный и ѣствы и питье; а вдовые попы ѣдятъ з боярами своими вмѣстѣ за столомъ, у кого что прилучилось" [3]). Ясно, что обычай имѣть свои домовыя церкви

---

[1]) См. Путешествіе барона Мейерберга въ *Чт. Общ. Ист. и Др.*, III, 1873 г., стр. 40.

[2]) *Рущинскій*. Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностр. писателей XVI—XVII вв. въ *Чт. Общ. Ист. и Др. Р.* 1871 г., кн. III, стр. 62.

[3]) Сочиненіе Котошихина, изд. 3-е 1884 г., гл. XII, стр. 166. Вотъ отзывъ о трудѣ Котошихина П. М. Строева: „Чтеніе сочиненія Котошихина доставило мнѣ несказанное удовольствіе... Могу, не обинуясь, сказать, что эта книга сколько любопытна, столь же и вѣрна, и даже очень вѣрна... Трудъ Котошихина очень добросовѣстенъ и вѣренъ; я прочиталъ его два раза и черезъ годъ еще прочитаю", см. Жизнь и Труды П. М. Строева, соч. *Н. Барсукова*, стр. 360.

былъ у бояръ очень мало распространенъ даже въ XVII вѣкѣ, къ которому относятся записки дьяка Котошихина. Но, съ другой стороны, какъ бы мало ни довѣряли иностранцамъ, все-таки ихъ показанія нельзя считать полнымъ вымысломъ: послѣднія, вѣроятно, основывались на какой-нибудь бытовой чертѣ московской жизни. Примирить свидѣтельства иноземцевъ (особенно Маскевича) съ тѣмъ, что говоритъ о домовыхъ церквахъ Котошихинъ, намъ кажется, не особенно трудно: стоитъ только обратить вниманіе на одну сторону религіозной жизни москвичей XVI — XVIII вв. на такъ-называемыя „крестовыя комнаты“. Что такое „крестовая комната“? „Въ домѣ зажиточнаго хозяина“, говоритъ Костомаровъ,—„кромѣ множества образовъ во всѣхъ покояхъ, жилыхъ и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса („по чину“); тамъ происходило домашнее моленіе. Тамъ подъ образами стоялъ аналой съ книгами, просфора пр. Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столъ, а по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами. Такія комнаты назывались крестовыми; у богатыхъ людей, державшихъ въ домѣ домовыхъ священниковъ, тамъ священники отправляли каждодневно служеніе: заутреню, часы и вечерню. Въ комнатѣ, назначенной для моленія, крестовой, собиралась вся семья и прислуга: зажигались свѣчи и лампады, курили ладаномъ... У знатныхъ особъ, у которыхъ были домовыя церкви и домовые священнослужители, семья сходилась въ церковь, гдѣ молитвы, заутреню и часы служилъ священникъ, а пѣлъ дьячекъ“. Если же не было домовой церкви, то семья собиралась въ крестовой комнатѣ. „Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ передъ всѣми вслухъ утреннія молитвы; и иногда читались такимъ образомъ заутреня и часы“ [1]). Вотъ въ какомъ видѣ представлялся религіозный домашній бытъ всякаго мало-мальзажиточнаго русскаго человѣка. Эти „крестовыя комнаты“ составляли домашнюю святыню, куда едва ли могъ заглядывать любопытный глазъ какого-нибудь латынянина. Не удивительно, поэтому, что иностранцы, слыша про домашнихъ наемныхъ священниковъ, про крестовыя комнаты, во всемъ почти похожія на церкви, стали считать эти молельни за настоящіе домовые храмы. Вотъ, кажется, причина, почему иностранцы въ своихъ извѣстіяхъ о домовыхъ церк-

[1]) *Костомаровъ*: Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI—XVII в., стр. 51.

вахъ расходятся съ указаніями болѣе свѣдущаго въ этомъ случаѣ дьяка Котошихина. Но не настаивая на подобномъ предположеніи, мы тѣмъ не менѣе должны отмѣтить лишь одинъ, несомнѣнно существовавшій въ дѣйствительности, фактъ: домовыя церкви строились на ряду съ крестовыми комнатами („храминой", какъ называетъ Домострой), и послѣднія вовсе не были „начатками и зарожденіемъ" первыхъ, не служили „зерномъ", изъ котораго, какъ это думаетъ г. Некрасовъ, впослѣдствіи развились домовыя церкви. Такого перерожденія крестовой комнаты, домашней моленной, въ домовую церковь вовсе не было: „храмина" и домовая церковь представляли въ жизни нашихъ предковъ два совершенно самостоятельныя, не вытекающія одно изъ другаго явленія. Если это такъ, то г. Некрасовъ, не находя въ Домостроѣ указаній на домовую церковь, не въ правѣ тѣмъ не менѣе утверждать, будто этотъ памятникъ „изображаетъ бытъ болѣе ранній, предшествующій быту домовыхъ церквей". Повторяемъ: Домострой описываетъ лишь крестовую комнату, которая вовсе не исключала существованія въ жизни москвичей и домовой церкви. Если г. Некрасовъ допускаетъ, что Домострой описываетъ „бытъ болѣе ранній, предшествующій быту домовыхъ церквей", то выходитъ, что послѣднія появляются въ Россіи лишь съ XVI вѣка. Но это не вѣрно. Появленіе домовыхъ церквей въ Россіи ведетъ свое начало чуть ли не со временъ Владиміра Святаго, „какъ это, напримѣръ, видно на примѣрѣ одного курскаго властелина", говоритъ преосв. Макарій [1]).—„Кромѣ церквей, предназначавшихся для всѣхъ православныхъ христіанъ, нѣкоторые устраивали для себя церкви частныя—домовыя. Въ житіи преп. Алексія († 1114 г.) повѣствуется, какъ „нѣкто христолюбецъ отъ града Кіева церковь себѣ постави", и иконы для нея заказалъ преп. Алексію. Лѣтопись подъ 1146 г. упоминаетъ о двухъ домовыхъ церквахъ: церкви св. Георгія, находившейся во дворцѣ князя Игоря въ какомъ-то селеніи и церкви Вознесенія Господня, бывшей во дворцѣ князя Святослава въ Путивлѣ [2]). Новгородскіе владыки Алексѣй и Евфимій II воздвигаютъ также домовыя церкви: первый въ 1362 г. Христорождественскую въ архіерейскомъ домѣ на сѣняхъ, второй въ 1447 г.—во имя св. Евфимія [3]). Эти примѣры въ достаточной степени опровергаютъ предположеніе

[1]) „Ист. Русск. церкви", т. I, стр. 60.
[2]) Ibid., т. II, стр. 216
[3]) Ibid., т. IV, стр. 232—233, 235.

г. Некрасова, будто домовыя церкви появляются въ Россіи лишь съ XVI вѣка, и что описанная въ Домостроѣ „храмина“ или крестовая комната служитъ будто бы ихъ прототипомъ, чѣмъ-то предшествующимъ домовой церкви. Но, съ другой стороны, имѣть у себя во дворѣ домовую церковь составляло, какъ мы видимъ изъ показаній Котошихина, удѣлъ немногихъ, было исключеніемъ, роскошью, которую могли себѣ позволить, кромѣ великаго князя, лишь самые знатные бояре и богатые купцы [1]). Не удивительно поэтому, что авторъ Домостроя, предназначеннаго не для князя и не для боярина „большихъ статей“, а только для зажиточнаго человѣка, умалчиваетъ о домовыхъ церквахъ, указывая въ то же время на такую бытовую черту религіозной жизни нашихъ предковъ, которая была свойственна людямъ всѣхъ званій и состояній: онъ описываетъ крестовую комнату, которую можно было найдти во всякомъ домѣ. Вотъ, намъ кажется, одна изъ причинъ, почему въ Домостроѣ ничего не сказано о домовыхъ церквахъ, хотя авторъ памятника и зналъ о ихъ существованіи въ жизни: примѣры — быть можетъ, и очень рѣдкіе — все-таки были. Далѣе. На описанія и правила Домостроя, при всей его исторической правдѣ, нельзя тѣмъ не менѣе смотрѣть, какъ на живую картину современности. Это — не фотографія, снятая искусною рукой съ домашняго быта XVI вѣка, это—та идеализированная картина семейной среды, ея отношеній и порядковъ, которая рисовалась въ воображеніи всѣхъ вообще лучшихъ людей стараго закала описываемой эпохи. Только при такомъ взглядѣ на Домострой, для насъ станетъ вполнѣ понятно отсутствіе въ немъ и тѣхъ чертъ современнаго быта, которыя, не заключая въ себѣ ничего предосудительнаго, тѣмъ не менѣе не оправдывались этими лучшими людьми. Что такой взглядъ на Домострой справедливъ, это доказывается, между прочимъ, до нельзя замкнутымъ, порабощеннымъ положеніемъ женщины. „Если судить о жизни древне-русской женщины по Домострою“, говоритъ г. Некрасовъ, — „то выйдетъ, что она дѣйствительно ничего не говорила съ родными и знакомыми, кромѣ того, что ей приказывалъ мужъ; что она никогда не пѣла пѣсни, не ласкала, не играла съ дѣтьми“ и т. д. Но правда ли это? Если судить по Домострою о древне-русской дѣ-

[1]) Павелъ діаконъ приводитъ случай изъ времени Алексѣя Михайловича, какъ одинъ московскій купецъ выстроилъ себѣ домовую церковь, съ которою по богатству могла сравняться только царская: ея постройка обошлась купцу болѣе 50000 руб. (см. *Рущинскій*: Религ. бытъ русскихъ по свидѣт. иностранцевъ въ XVI—XVII вв., стр. 62).

вушкѣ, то выйдетъ, что она никогда не бывала на богомольѣ; что не было и такихъ мужскихъ монастырей въ древней Руси, которые дѣлали запрещеніе женщинѣ являться въ нихъ; что всѣ дѣвушки безропотно покорялись... и т. д. [1]) Авторъ этихъ словъ вполнѣ справедливо утверждаетъ, что, по положенію женщины, обрисованному въ Домостроѣ, нельзя вѣрно судить объ ея истинномъ положеніи: абсолютное отсутствіе свободы не соотвѣтствовало дѣйствительности (что̀ мы видимъ, напримѣръ, по другимъ памятникамъ древней русской литературы [2]) и являлось лишь патріархальнымъ требованіемъ самого автора. Но если это такъ, то зачѣмъ же послѣ того довѣрчиво полагаться на отсутствіе другихъ бытовыхъ чертъ въ Домостроѣ и по этому отсутствію заключать, что и самыхъ чертъ въ эпоху появленія памятника вовсе не существовало на Руси? Домовыя церкви — мы знаемъ—какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ были, но авторъ Домостроя не упомянулъ про нихъ по той же, кажется, причинѣ, по которой ничего не сказалъ и объ истинномъ положеніи современной женщины, то-есть, умалчивая о нихъ, онъ тѣмъ самымъ не оправдывалъ и самое ихъ существованіе. Идеализируя замкнутость женщины, авторъ Домостроя не простиралъ однакожь въ этомъ случаѣ своихъ требованій до такой степени, чтобы рѣшительно запретить ей хотя изрѣдка („елико вмѣстимо“) ходить въ общественный храмъ и исполнять такимъ образомъ испоконъ вѣка ведущійся и освященный церковью обычай присутствовать на общей молитвѣ православныхъ христіанъ. Во всѣхъ мірскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ авторъ требовалъ отъ женщины полнаго затворничества, но въ дѣлѣ вѣры онъ, какъ лучшій человѣкъ, долженъ былъ уступить, быть можетъ, даже противъ обычая большинства, если признать, что въ XVI вѣкѣ было много домовыхъ церквей: послѣднія, вполнѣ изолируя русскую женщину отъ всего міра, лежащаго за порогомъ ея дома, лишали ее въ то же время возможности исполнять святой обычай — являться къ общественному богослуженію. Что духовенство и лучшіе изъ мірянъ древней Россіи были противъ обычая совершать молитву исключительно дома и рѣдко вслѣдствіе этого посѣщать приходскій храмъ, это, между прочимъ, видно изъ словъ св. Алексѣя, Московскаго митрополита (1283 — 1377 г.), который въ одномъ поученіи

[1]) Опытъ, стр. 175.

[2]) Напримѣръ, по словамъ и поученіямъ м. Даніила, см. статью *В. Жмакина*: „Митрополитъ Даніилъ“... въ *Чтен. Общ. Ист. и Др.* 1881 года, кн. II.

говоритъ слѣдующее: „Князья, бояре и купцы и всякій православный христіанинъ! Оставивъ всѣ дѣла свои, стекайтесь на церковную молитву безъ лѣности и не говорите: отпоемъ дома. Не можетъ та молитва нисколько успѣть безъ церковной молитвы. Какъ храмина безъ огня дымомъ не можетъ согрѣться, такъ и домашняя молитва безъ церковной“ [1]). Такъ смотрѣлъ на силу общественной молитвы и авторъ Домостроя. Вотъ вторая причина, почему онъ ничего не сказалъ о домовыхъ церквахъ въ своемъ трудѣ.

Такимъ образомъ, изъ всего предыдущаго мы видимъ, что отсутствіе въ Домостроѣ указаній на домовыя церкви не даетъ г. Некрасову права относить составленіе этого памятника обязательно къ концу XV или къ первой четверти XVI вѣка. Другихъ доказательствъ въ пользу своего предположенія, что Домострой явился въ литературѣ не позже 1533 года, г. Некрасовъ не приводитъ. Что же касается его объясненія слова „самодержецъ“, то оно, такъ бездоказательно и такъ странно, что мы позволимъ себѣ привести его цѣликомъ. „Въ томъ мѣстѣ Домостроя, гдѣ дѣлается предписаніе о томъ, что нужно молиться за царя, это является въ такой формѣ: „за царя и великаго князя имрк всея Руси самодержца и за его царицу великую княгиню имрк и за ихъ благородная чада и за братью его и за бояре“. Всѣ извѣстные списки согласно передаютъ это мѣсто XIV главы. Можно предполагать только, что въ древнѣйшихъ спискахъ могло быть иначе изложено это мѣсто Домостроя, но въ этомъ изводѣ оно замерло, сохраняясь въ спискахъ XVII и XVIII вѣковъ. Сильвестръ, повторяя это мѣсто въ своемъ М. Домостроѣ, выключаетъ названіе „самодержца“. Объ Василіи Ивановичѣ сказать такъ было ужь очень возможно“ (то-есть, что̀ возможно: лишить его титула самодержца, или назвать самодержцемъ?) Далѣе названіе „самодержца“ указываетъ на этого именно великаго князя, потому что, какъ извѣстно, Иванъ III съ такимъ титуломъ провозгласилъ Василья Ивановича еще при своей жизни; что извѣстно сочувствіе къ этому князю Іосифа Полоцкаго и, слѣдовательно, всей его школы, у которой уже, конечно, и названіе „царь“ было давно на языкѣ. Если строго (sic) принимать эти данныя, то общій изводъ Домостроя

---

[1]) Окружное посланіе Алексѣя, написанное имъ по вступленіи на епископскій престолъ во Владимірѣ см. Древн. Пам. Русск. языка и письма *Срезневскаго*, стр. 311; также *Приб. къ Тв. свв. Отц.* 1840 г. Противъ рѣдкаго посѣщенія церкви возставалъ и митрополитъ Даніилъ.

долженъ относиться ко времени до 1533 года, когда умеръ Василій Ивановичъ. Конечно, все это могло бы относиться и къ Ивану III. Такимъ образомъ, и это соображеніе отодвигаетъ общій составъ отъ времени Ивана IV къ концу XV вѣка, или къ первой половинѣ XVI, но никакъ не позже 1533 года. Кто былъ составителемъ, пока рѣшить еще не возможно. Замѣтимъ только, что на основаніи древнѣйшаго списка Домостроя и приведенныхъ соображеній приходится отодвигать взадъ появленіе полнаго извода его, чѣмъ придвигать ко времени Сильвестра" [1]).

Всѣ эти „строгія соображенія" имѣли бы свою цѣнность, еслибы г. Некрасовъ велъ ихъ въ томъ смыслѣ, что дескать фраза: „за царя и великаго князя имр всея Руси самодержца" и т. д. могла относиться и къ Василію III, а не только къ Ивану IV; но при этомъ слѣдовало бы привести какой-нибудь еще другой фактъ въ пользу предположенія, что Домострой явился въ литературѣ не позже 1533 года. Къ сожалѣнію, г. Некрасовъ этого не сдѣлалъ: онъ рѣшительно отвергаетъ, что „названіе Самодержца указываетъ на этого именно князя" (то-есть, Василія III)... Такая рѣшительность, не допускаемая въ серьезномъ изслѣдованіи, доказываетъ лишь одно, а именно: автору „Опыта" очень захотѣлось отнести составленіе полнаго извода Домостроя „ко времени до 1533 года". Но это страстное желаніе могло бы осуществиться лишь въ томъ случаѣ, еслибы г. Некрасовъ указалъ читателю въ исторіи царствованія Грознаго и слѣдовавшихъ за нимъ государей такое свидѣтельство или, лучше сказать, законъ, который гласилъ бы, что, со смертью де Василія Ивановича († 1533 г.) титулъ Московскаго государя: „царь и всея Руси самодержецъ" и т. д. запрещается всѣмъ россійскимъ подданнымъ, подъ страхомъ смертной казни или церковнаго отлученія. Лишь только въ этомъ случаѣ можно было бы такъ рѣшительно увѣрять читателя, что Домострой долженъ относиться „ко времени до 1533 года". Но такъ какъ такого невѣроятнаго закона въ Россіи никогда не было и быть не могло, то всѣ „строгія соображенія" г. Некрасова по поводу слова „самодержецъ", при отсутствіи прямыхъ доказательствъ въ пользу происхожденія Домостроя до 1533 года, не имѣютъ никакого значенія. Развѣ титулъ: „царь и всея Руси самодержецъ" не могъ относиться къ Ивану Грозному, и притомъ скорѣе, чѣмъ къ его предшественнику Василію Ивановичу? Мы говоримъ: „скорѣе" по-

[1]) Опытъ, стр. 145.

тому что окончательное установленіе титула въ той формѣ, въ какой онъ встрѣчается въ Домостроѣ, случилось именно въ царствованіе Іоанна IV. „Іоаннъ III“, говоритъ Соловьевъ, — „послѣ смерти Казиміра, впервые употребилъ въ сношеніяхъ съ Александромъ Литовскимъ выраженіе: „Іоаннъ, Божіею милостію Государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Новгородскій и т. д. Въ сношеніяхъ съ Ливоніей и мелкими владѣніями нѣмецкими Іоаннъ употреблялъ названіе „царя всея Руси“. Въ грамотѣ къ крымскому жиду Захаріи Іоаннъ называетъ себя царемъ всея Руси, также великимъ государемъ Русской земли. Митрополитъ въ рѣчи своей во время вѣнчанія внука Димитрія называетъ Іоанна царемъ и самодержцемъ; лѣтописецъ говоритъ, что Іоаннъ благословилъ сына своего Василія „самодержцемъ всея Руси“. Бояре и другіе служилые люди, въ своихъ отношеніяхъ къ великому князю, употребляютъ такое выраженіе: „государю великому князю Ивану Васильевичу холопъ такой-то бьетъ челомъ“ [1]); но нѣкоторыя лица, какъ это, напримѣръ, видно изъ духовной князя Ивана Юрьевича Патрикѣева и клятвенной записи князя Даніила Холмскаго, называли Іоанна III „господиномъ и осподаремъ“ [2]). Не смотря на то, что Іоаннъ III благословилъ своего сына „самодержцемъ“, обыкновенный и постоянный титулъ Василія Ивановича былъ все-таки слѣдующій: „великій государь Василій, Божіею милостью, государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій и иныхъ“ и т. д. Титулъ „царь“ употреблялся въ тѣхъ же случаяхъ, что и при Іоаннѣ III [3]). Нѣкоторыя лица, въ обращеніяхъ къ Василію III, называли его царемъ и самодержцемъ, какъ, напримѣръ, старецъ Филоѳей [4]) и Іосифъ Волоцкій [5]); но съ другой стороны, тотъ же Іосифъ называетъ Василія III и „господиномъ“. Изъ всего этого мы видимъ, что титулъ „царь и самодержецъ всея Руси“ хотя и примѣнялся иногда къ Іоанну III и его сыну, не былъ еще пока узаконенъ и окончательно упроченъ за этими двумя Московскими государями. Первый, кто вводитъ въ постоянное употребленіе титулъ „Царь и всея Русіи

[1]) Исторія Россіи *Соловьева*, т. V, стр. 207—308.

[2]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. I, стр. 249 и 301.

[3]) *Соловьевъ*, Ист. Р., т. V, стр. 437.

[4]) См. *Прав. Соб.* 1863 г., кн. I, стр. 345 и др. (посланіе Филоѳея къ Василію III).

[5]) См. его Посланіе Благородному и Христолюбивому самодержцу царю и государю всея Русіи“.

Самодержецъ", какъ внутри государства, такъ и въ сношеніяхъ съ иностранными владѣтелями, былъ Іоаннъ IV, который, желая придать титулу большую торжественность, сталъ прибавлять въ началѣ его такъ называемое богословіе: „Троице Пресущественная и Пребожественная и Преблагая правѣ вѣрующимъ въ Тя истиннымъ Хрестьяномъ; дателю Премудрости, Преневѣдомый и Пресвѣтлый Крайній Верхъ, направи насъ на истину Твою и настави насъ на повелѣнія Твоя, да возглаголемъ о людехъ Твоихъ по волѣ Твоей, Сего убо Бога нашего, въ Троицѣ Славнаго, милостью и хотѣніемъ удрьжахомъ Скипетръ Россійскаго Царствія, мы, великій государь, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всея Руси самодержецъ, Владимірскій" и т. д. [1]). Со времени Грознаго названіе: „царь и всея Руси самодержецъ" окончательно упрочивается за Московскимъ государемъ, какъ во всѣхъ грамотахъ [2]), такъ и вообще въ литературѣ. Этотъ титулъ мы, напримѣръ, находимъ въ Стоглавникѣ, въ Посланіи Максима Грека къ Іоанну IV и къ попу Сильвестру, въ посланіяхъ послѣдняго къ казанскому воеводѣ Александру Шуйскому и къ Іоанну Грозному и мн. др. [3]) Принявъ все это во вниманіе, мы можемъ съ большею увѣренностью сказать, что титулъ „царь и всея Руси самодержецъ", встрѣчающійся въ Домостроѣ, скорѣе долженъ относиться къ Іоанну Грозному, нежели къ его предшественнику Василію Ивановичу. Впрочемъ, мы вовсе не думаемъ придавать этому факту какое-нибудь особенное значеніе; мы не стали бы и упоминать объ этихъ титулахъ, еслибы г. Некрасовъ не вздумалъ такъ настойчиво увѣрять, что названіе „царь и самодержецъ, всея Руси" должно обязательно относиться къ отцу Іоанна Грознаго, и что, поэтому, „скорѣе приходится отодвигать взадъ появленіе полнаго извода Домостроя, чѣмъ придвигать ко времени Сильвестра". Всѣмъ сказаннымъ мы желали лишь выяснить съ одной стороны то, что названіе „царь и всея Руси самодержецъ" не можетъ служить доказательствомъ времени происхожденія Домостроя, съ другой, то—до какихъ странностей доходятъ иногда выводы г. Некрасова. А такихъ выводовъ въ „Опытѣ" найдется не мало. Стоитъ только припомнить, какъ г. Некрасовъ умолчалъ о ссылкѣ въ 26-й главѣ по списку Общества и, не

---

[1]) *Соловьевъ*, т. VII, стр. 5—6.

[2]) См. Собраніе Госуд. Грам. и Догов., т. I и др.

[3]) См. Стогл., изд. Казанское, стр. 18 и др.; см. *Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.* 1874 г., кн. I, стр. 32, 69 и 88.

указавъ на нее, рѣшилъ, что „первый устроитель Домостроя не тронулъ, а цѣликомъ внесъ въ свой изводъ то, что было написано отъ нѣкоего“; [1]) какъ онъ увѣрялъ, что „наказъ“ написанъ только для богатаго боярина, [2]) хотя въ той же главѣ, на которую онъ ссылается (гл. XXIX сп. Общ.) есть указанія, рѣшительно опровергающія такую мысль; какъ онъ настаивалъ, что Москва во время Сильвестра крестилась по православному, [3]) а Новгородъ—по раскольничьи; что женщина по „наказу“ представляется болѣе свободною, чѣмъ въ другихъ частяхъ Домостроя [4]) и т. д. Словомъ, куда ни взглянешь, всюду найдешь либо черезчуръ смѣлое обращеніе съ текстомъ памятника, либо голословныя увѣренія, либо, наконецъ, нежеланіе знать исторію. Произошло это, повторяемъ, вслѣдствіе того, что г. Некрасову захотѣлось, по видимому, во что бы то ни стало доказать, что Домострой явился въ Новгородѣ, и притомъ не ранѣе 1533 года, что Сильвестръ—не авторъ его, а простой передѣлыватель или, какъ выражается г. Некрасовъ, „акклиматизаторъ на московской почвѣ“.

Мы видѣли, что указанія г. Некрасова на домовыя церкви и слово „самодержецъ“ не даютъ возможности даже приблизительно опредѣлить время появленія Домостроя. Въ этомъ случаѣ автору „опыта“ слѣдовало бы обратить вниманіе на другое мѣсто въ памятникѣ, а именно на 8-ю главу (въ сп. Коншина 23), которая довольно точно опредѣляетъ, раньше какого времени не могъ быть составленъ Домострой. Глава эта, на которую въ свое время указывалъ уже Н. С. Тихонравовъ [5]), объясняя, въ чемъ должно состоять религіозно-нравственное поведеніе человѣка, приказываетъ, между прочимъ, избѣгать: „чарованія и волхвованія: и паузы, звѣздочетье, рафли, алманахи, чернокнижье, вирограи (вороногран), шестокрылъ, стрѣлки громныя, топорки, усовники, дна каменіе, кости волшебныя и иныя всякія козни бѣсовскія. Мы видимъ, что, за перечисленіемъ отреченныхъ книгъ, Домострой осуждаетъ здѣсь еще: „стрѣлки громныя и топорки“, смѣшивая, такимъ образомъ, названія запрещенныхъ книгъ съ названіями суевѣрій. Этимъ вы-

---

[1]) Опытъ, стр. 150—160.

[2]) Ibidem, стр. 150—152 и 184.

[3]) Ibidem, стр. 177.

[4]) Ibidem, стр. 152, сравн. съ стр. 175.

[5]) *Лѣтописи Русск. Литературы и Древности*, т. I, отд. II, стр. 56, 57.

раженіемъ: „стрѣлки громныя и топорки“ авторъ Домостроя обнаруживаетъ свое знакомство съ Луцидаріусомъ, „потому что именно въ этомъ памятникѣ“, говоритъ г. Тихонравовъ,—„находится осуждаемое Домостроемъ толкованіе о стрѣлкахъ громныхъ и топоркахъ“ [1]). Когда же появился въ русской литературѣ переводъ Луцидаріуса, подлинникъ котораго—извѣстно—западнаго происхожденія? Отвѣтъ на это даетъ намъ одно полемическое сочиненіе Максима Грека, названное имъ: „Посланіе къ нѣкоему мужу на одѣты нѣкоего Латынянина мудреца“. Это посланіе написано было Максимомъ Грекомъ по поводу недавно появившагося въ русскомъ переводѣ Луцидаріуса. Переводъ былъ сдѣланъ какимъ-то Георгіемъ и посланъ, по видимому, для просмотра къ Максиму Греку. Кто былъ этотъ Георгій, и въ какомъ году перевелъ онъ Луцидаріусъ,—не извѣстно; ясно только одно, а именно: переводъ могъ быть сдѣланъ не раньше 1518 года, когда впервые прибылъ въ Москву Максимъ Грекъ. Если это такъ, значитъ—авторъ Домостроя, пользовавшійся Луцидаріусомъ, безъ сомнѣнія въ русскомъ переводѣ, составилъ свой трудъ гораздо позднѣе 1518 года.

IV.

Окончивъ разборъ выводовъ г. Некрасова, мы приступимъ теперь къ сравненію двухъ древнихъ списковъ Домостроя,—сравненію, которое намъ покажетъ, что, по многимъ признакамъ, редакція, заключающаяся въ спискѣ Коншина, должна быть древнѣе редакціи по списку Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Первымъ доказательствомъ въ пользу этой древности служитъ то, рядокъ главъ или статей Коншинскаго списка. Называемъ мы это доказательство первымъ и главнымъ по тому элементарному соображенію, что всякій человѣкъ, передавая устно тѣ или другія мысли старается высказывать ихъ въ извѣстной послѣдовательности, логическомъ порядкѣ; тѣмъ болѣе необходимо это требованіе, когда приходится излагать свои мысли письменно. Подобная послѣдовательность въ изложеніи фактовъ, присущая всякому мало-мальски развитому человѣку, является особенно важною для такого сочиненія, какъ

[1]) Ibid.: „Бываетъ же въ то время“, объясняетъ Луцидаріусъ,—„молнія и исходетъ на землю падающе стрѣлки громныя и топорки, и сіе бываетъ на устрашеніе демономъ, за нѣ бо дѣмони наблюдаютъ тогда на кую страну Богъ казнь напуститъ“.

Домострой, и истинный авторъ послѣдняго едва ли позволилъ бы себѣ такое размѣщеніе статей, какое мы находимъ въ Домостроѣ по списку Общества Исторіи и Древностей и во всѣхъ однородныхъ съ нимъ по изводу рукописяхъ. Чтобы нагляднѣе убѣдить читателя въ нашемъ предположеніи, мы позволяемъ себѣ выписать параллельно оглавленія обоихъ списковъ Домостроя, и пусть онъ, по порядку статей, по степени послѣдовательной важности излагаемыхъ авторомъ предметовъ, самъ увидитъ, на чьей сторонѣ должна быть правда, то-есть, какой изъ двухъ списковъ Домостроя ближе подходитъ къ первоначальному виду памятника.

Списокъ Общества Исторіи и Древностей.	Списокъ Коншина.
Предисло́віе сеꙗ̀ книги. ами.	Его нѣтъ.
I. Наказаніе ѿ оц҃а къ сн҃ѫ.	I. Наказаніе отъ отца къ сыну.
II. Како хри҃ї́анѡ҃ вѣровати во ст҃ꙋю̀ тр҃цꙋ, і҆ пр҃тꙋю̀ бц҃ꙋ, і҆ кр҃тꙋ х҃вѫ, і҆ ст҃ым нбн҃ы҃ беспло́тны сила҃ і҆ все҃ чт҃ны҃ і҆ ст҃ы҃ мо́щѐ і҆ покланѧти҃ имъ.	II. Како христіаномъ вѣровати во святую Троицу, и пречистую Богородицу, и святымъ небеснымъ безплотнымъ силамъ и святымъ и честнымъ и святымъ мощамъ, и покланятися имъ.
III. Како таи́на҃ бж҃іи́мъ причѧщати҃. і҆ вѣровати воскр҃нїю мр҃твы. і҆ страшнагѡ̀ сѫда̀ чаꙗти. і҆ ка́ко касатисѧ всѧкїѧ ст҃ыни.	III. Како тайнамъ Божіимъ причащатися, и вѣровати воскресенію мертвыхъ, и страшнаго суда чаяти и касатися всякой святыни.
IV. Ка́ко любити Гд҃а ѿ всеѧ̀ дш҃а. тако҃ і҆ брата свое́го, и҆ стра҃ бж҃їи и҆мѣти і҆ пам҃ѧ смр҃тнꙋю.	IV. Како любити Бога отъ всея души; такожъ брата своего и страхъ Божій имѣти и память смертную.
V. Ка́ко цр҃ѧ, и҆лѝ кн҃зѧ чти́ти и҆ повинова́тисѧ во все҃ и҆мъ, і всѧкому вла́стелю покарѧтисѧ і правдою̀ служити и҃ во все҃, і҆ к҆ бо́лши, и к сре҃ни҃ и҆ скор́бны҃, и҆ маломо́жны҃, і҆ ко всѧкомꙋ чл҃кꙋ каковѫ̀ бытї і҆ себѣ̀ ѻ҆ все҃ в҆нимати̑.	V. Како святительскій чинъ почитати; тако же и священническій чинъ, и мнишескій.
VI. Како чтити дѣте҃ ѿц҃ѡ свои҃ дхв҃ны҃ і҆ повиноватисѧ во свѳ.	VI. Како посѣщати въ монастырѣхъ и въ болницахъ и въ темницахъ, и всякаго скорбна.

VII. Како ст҃льскиꙗ чинъ почитати, тако҃ и҆ ст҃ленническꙋ и҆ мнишески, и҆ ползоватꙇ ѿ ни҃ о всѣкиꙗ дш҃внꙣѣ и телеснꙣѣ и҆звѣщатꙇ.

VII. Како царя и князя чтити и повиноватися во всемъ и всякому (властелю) покарятися и правдою служити имъ во всемъ и къ большимъ и къ меншимъ и скорбнымъ и маломощнымъ, ко всякому человѣку какову быти, и себѣ о семъ внимати.

VIII. Како врачеватꙇ хр҃тїанꙋ ѿ болѣзней і҆ ѿ всякиꙗ скорбей, і҆ пр҃емъ, и҆ князѣ і҆ всякꙋ чиновника҃, и҆ ст҃льскомꙋ чинꙋ, і҆ ст҃ленническомꙋ и҆ мнишескомꙋ, и҆ всѣ҃ хр҃тїанѡ҃.

VIII. Како домъ свои украсити святыми образы; домъ чистъ имѣти.

IX. Како посѣщати в монастырѣ҃, і҆ в҆ больни҃цꙋ҃ і҆ в темни҃цꙋ҃ і҆ всѣкого скорбна.

IX. Како къ церквамъ Божіимъ и въ монастыри съ приношеніемъ приходити.

X. Како к пр҃квꙋ҃ бж҃їꙋ҃ і в монастꙑри с приношени҃ прихѡдити.

X. Како священниковъ и иноковъ въ домъ свои призывати молитися.

XI. Како дѡ҃ свои҆ оукрасити ст҃ꙑми ѡ҆бразы и҆ храмъ ч҃тъ и҆мѣти.

XI. Како кормити приходящихъ въ дому съ благодареніемъ.

XII. Како мꙋжꙋ ѕ женою і҆ ѕ домочадци в домꙋ своѣ҃ молитиса бг҃ꙋ.

XII. Како мужу съ женою и съ домочадцы въ дому своемъ молитися.

XIII. Како в҆ пр҃кви мꙋжоу и҆ женѣ молитис, ч҃тота хранити і҆ всѣкого ѕла не творити.

XIII. Како въ церкви мужу и женѣ молитися, чистота хранити и всякаго зла не творити.

XIV. Како сщ҃никѡ҃, иноцѡ҃ в дѡ҃ свои҆ призꙑвати і҆ молитиса.

XIV. Како чтити дѣтемъ отцовъ своихъ духовныхъ и повиноватися имъ.

XV. Како кормити приходащꙋ҃ въ домꙋ своѣ҃ ѕ бл҃годарен҃їем, ѕ домочадци.

XV. Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ божіи.

XVI. Како мꙋжꙋ з женою совѣтовати. ключника призывати. ѡ҆ столовѡ҃ обиходѣ і҆ о поварнѣ і҆ ѡ҆ хлѣбнѣ.

XVI. Како чадъ воспитати, съ надѣлкомъ замужь выдати.

XVII. Ключникꙋ приказъ каков прилꙋчи҃ца.

XVIII. Наказъ ѿ гдр҃ѧ ключникꙋ, ка҃ ѣства пот҃наꙗ и мѧ҃наѧ варити, і кормити семъѧ́ в мѧсоѣдъ і в пѡ҃тъ.

XIX. Како дѣтей свои҃ воспитати во всѧкѡ҃ наказанїи и страсе бжїи.

XX. Ка҃ до҃ри воспитати с надѣко҃ і ѕамꙋ҃ выдати.

XXI. Ка́ко дѣтей оу҆чити и҆ страхѡ҃ спс҃ти.

XXII. Како дѣте҃ ѡ҆ц҃а и мт҃рь любити и҆ беречи, и повиноватисѧ имъ и҆ покоити ихъ во все҃.

XXIII. Похвала мужемъ (въ К: „женамъ“).

XXIV. Како всѧкомꙋ чл҃кꙋ рꙋкодѣлничѧти і всѧкое дѣло дѣлати блг҃ословѧ҃.

XXV. Наказъ мꙋжꙋ и женѣ, і дѣте҃, и҆ люде҃ ка̀ко лѣпо быти.

XXVI. Каковы люди держати, і ка҃ о҆ них промышлѧти во всѧко҃ оу҆ченїи і в бж҃твены҃ ѕаповѣде҃ і домовно҃ стро́енїи.

XXVII: Аще мꙋжъ са́м не оу҆читъ на добро і но сѫ҃ ѿ бг҃а прїиме҃. аще са҃ твори҃ добро і женꙋ і домочѧ҃цев оу҆чи҃, мл҃ть ѿ бг҃а прїиме҃.

XXVIII. Ѡ неправ҃номъ житїи.

XXIX. Ѡ прав҃еномъ житїи.

XVII. Како дѣти учити и страхомъ спасати.

XVIII. Како дѣтемъ отца и мати любити, и беречи, и повиноватися имъ и покоити ихъ во всемъ.

XIX. Како всякому человѣку рукодѣльничати, и всякое дѣло дѣлати, благословяся.

XX. Похвала женамъ.

XXI. Наказъ мужу и женѣ и людемъ и дѣтемъ: како лѣпо быти имъ.

XXII. Каковы люди дерьжать и какъ о нихъ промышлять: во всякомъ ученіи и въ божественныхъ заповѣдѣхъ и въ домовномъ строеніи.

XXIII. Како врачеватися о болѣзни и отъ всякихъ скорбей.

XXIV. О неправедномъ житіи.

XXV. О праведномъ житіи.

XXVI. Како жити человѣку смѣтя свой животъ.

XXVII. Аще кто не разсудя себя живетъ.

XXVIII. Аще кто слугъ держитъ безъ строя.

XXIX. Поучати мужу своя жена, какъ Богу угодити и мужу

своему уноровити; и како домъ свои строити, и вся домашняя порядня, и рукодѣлье всякое знать, и слугъ учить, и самои дѣлать.

XXX. Како жити чл҃кꙋ смѣта свой животъ.

XXX. Добрые жены рукодѣльные плоды и береженье всему, и что скроитъ, и останки и обрѣски беречи.

XXXI. Аще кто не расуда се живетъ.

XXXI. Какъ всякое платье кроити и останки и обрески беречи.

XXXII. Аще кто́ слугъ держи бе ѻ҆устроꙗ.

XXXII. Како порядня домашняя держати.

XXXIII. Ка҃ поꙋчати мужу своѧ жена бг҃ѫ ꙋгодити а҆ мꙋжꙋ своемꙋ уноровити, ка́ко дѡ҃ свои́ добрѣ оустроити, і҆ всѧ́каѧ домашнѧѧ̀ пора҃нѧ і҆ рꙋкодѣ҃е всѧкое знати і҆ слꙋ҃ оучити и само҃ дѣлати.

XXXIII. По вся дни государыни дозирати у слугъ всего: и домашней порядки и рукодѣлья, и о самой ей и о всякомъ береженіи и строеніи.

XXXIV. Добрыѐ жены рꙋкодѣлныѐ платію и҆ бреженіе всему и что кроити и останки и обрѣски беречи.

XXXIV. По вся дни жене съ мужемъ о всемъ спрашиватися, и совѣтовати о всемъ; и какъ въ люди ходити, и къ себѣ призывати и съ гостями что бесѣдовати.

XXXV. Ка всѧкое платие кроити і҆ ѻ҆станки і҆ обрѣски беречи.

XXXV. Слугъ наказывати, какъ въ люди посылать съ чимъ.

XXXVI. Всѧкаѧ пора҃нѧ домашнѧа держати или че҃ лꙋчитца въ людѣ҃ попросити или своѐ в люди дати.

XXXVI. Женамъ наказъ о пьянствѣ и о пьяномъ питіи и слугамъ такоже; и опотаи не держати ничево нигдѣ; и слугъ лжи и клеветы не слушати безъ исправы, какъ ихъ наказывати грозою, и жену такоже и какъ въ гостехъ быти и дома себя оустроивати во всемъ.

XXXVII. Ка҃ по вса дн҃и гд҃рни дозирати ѻ҆ꙋ слоугъ всего і҆ домашнїе порани, і҆ рукодѣ҃ю і҆ о самои е҆й всѧко҃ бреженїи и҆ строенїи.

XXXVII. Какъ платье всякое женѣ носити и устроити.

XXXVIII. Какъ слугъ наказывати в люди посылати с чѐ і не переговаривати ничего.

XXXIX. По вса дни женѣ с мѹже о всѐ спрашивати і совѣтовати о всѐ, і ка в люди ходити, і к себѣ призывати, и ѕ гостьями что бесѣдовати.

XL. Женамъ нака о пьянствѣ і о пиянѡ питіи и слѹга тако і потай не держати ничѐ нигдѣ і оу слугъ лжи і клеветы не слѹшати бе оуправы, і ка и наказывати гроѕою, женѹ тако, ка в госте быти і дома себа оустройвати во всѐ

XLI. Какъ платиѐ всакои женѣ носити и оустроити.

XLII. Какъ сѹды всакіе во всакѡ ѹстрои держати і какъ і збнаа порана оустроити, і всѣ хоромы хоро і чисто, гдрни слу оучити, а мѹжѹ на женою тѡ надзирати и оучити і страхѡ спасати.

XLIII. Самомѹ гдрю или комѹ прикажет, годово запа і всако товаръ кѹпити.

XLIV. Ка себѣ на обихѡ кѹпити всакой товаръ замѡрской из далны земль.

XLV. Ѡ то же коли что кѹпити оу кѡ сѐлъ нѣтъ, і всакои домашнеи обохѡ і лѣтѣ и зимѣ, і какъ запа в гѡ и дома животина всакаа водити и ѣства і питіе держати всегды.

XLVI. А тôке моу припасе в

XXXVIII. Какъ избная парядня устроити хорошо и чисто.

XXXIX. Аще мужъ самъ не учитъ, ино судъ отъ Бога пріемлетъ; аще самъ творитъ (добро) и жену и домочатцовъ учитъ, милость отъ Бога пріиметъ.

XL. Самому государю, или кому прикажетъ, годовой запасъ и всякой товаръ купити.

XLI. (Какъ) Себѣ на обиходъ купити всякой товаръ заморской и изъ дальныхъ земель.

XLII. О томъ же: коли что купитъ, у кого селъ нѣтъ; и всякой домашней обиходъ, и лѣте и зимѣ; и какъ запасати въ годъ, и дома животина водити всякая; и ества и питіе держати всегды.

XLIII. А толко мужъ припасетъ въ годъ всякого запасу и постнаго и тому устрой:

XLIV. О запасной прибыли впередъ.

XLV. Огородъ и садъ какъ водить.

XLVI. Како человѣку запасное

гѡ всакѡ запасу постного і потомѡ оустроити.

XLVII. О запасной прибыли вперѣ.

XLVIII. Какъ огорѡ і садъı водити.

LXIX. Ка члкѡ запаноѣ питие держати про соба і про гость і ка ѡстроити то при людѣ.

L. Потомѡ повареннѡ нака, ка пиво варити и мѣ сытити і вино кѡрити.

LI. Оу поварѡ бъı і оу хлѣбниковѡ і вездѣ всакои порадни ключникѡ дозирати.

питье держать про себя и про гость, и какъ устроити то при людехъ.

XLVII. Тому же пивоваренныи наказъ: какъ пиво варить и какъ медъ сытити и вино курити.

XLVIII. У поваровъ и у хлѣбниковъ, и везде, всякой порядки ключнику дозирать.

XLIX. Како мужу съ женою совѣтовати, какъ ключнику приказати о столовомъ обиходе, о поварнѣ и о хлѣбнѣ.

L. Ключнику приказъ, какъ пиръ лучится.

LI. Наказъ отъ государя ключнику: какъ ѣства постная и мясная варить, и кормить семья въ мясоедъ и въ постъ.

Съ 52-й до 64-й главы порядокъ статей, какъ и самыя статьи, въ обоихъ спискахъ совпадаютъ, а потому для нашей цѣли нѣтъ надобности выписывать параллельныя оглавленія. Коншинскій списокъ оканчивается 64-ю главой, несомнѣнно составленною попомъ Сильвестромъ. Этого „Посланія и наказанія ото отца къ сыну“, какъ было выше сказано, нѣтъ въ спискѣ Общества; но вмѣсто ея тамъ находятся другія четыре главы, которыя писаны позднѣе и, по мнѣнію г. Некрасова, „не принадлежатъ къ Домострою“ (Опытъ, стр. 74).

Если мы сравнимъ теперь съ точки зрѣнія логической послѣдовательности и важности описываемыхъ предметовъ порядки главъ обоихъ списковъ Домостроя, то увидимъ, что предпочтеніе въ этомъ случаѣ должно быть отдано списку Коншинскому. Авторъ этого списка излагаетъ свои мысли и наставленія въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ должны слѣдовать по степени ихъ значенія для всякаго человѣка. По Коншинскому изводу Домостроя, весь памятникъ цѣлесообразно дѣлится на двѣ главныя части: въ первой мы находимъ статьи исключительно съ религіозно-нравственными наставленіями, во второй — сгруппированы практическіе, житейскіе совѣты автора. Между нравственнымъ (отъ I главы до XXV включительно)

и практическимъ Домостроемъ (отъ XXVI до конца) проведена, какъ и слѣдовало ожидать, рѣзкая грань: духовное не смѣшивается съ житейскимъ, ни одна глава изъ первой части не перешла во вторую, и на оборотъ. Мало того: желая нагляднѣе разграничить эти двѣ части, авторъ въ концѣ первой помѣщаетъ заключеніе (гл. XXIV: „О неправедномъ житіи“ и гл. XXV: „О праведномъ житіи“), въ которыхъ сдѣланъ общій выводъ изъ всего прежде сказаннаго, а въ началѣ второй—вступленіе, гдѣ авторъ, не касаясь еще частностей домашняго хозяйства, даетъ предварительно общій необходимый совѣтъ, жить всегда по средствамъ—„по силѣ, и по промыслу, и по смѣтѣ, и по добытку, своею правою силою“ (главы XXVI, XXVII и XXVIII); а затѣмъ уже идутъ подробныя наставленія, затрогивающія тѣ или другія стороны внутренняго домостроительства. Обращаясь затѣмъ къ списку Общества Исторіи и Древностей, мы видимъ, что этотъ систематическій порядокъ, это строгое разграниченіе частей здѣсь грубо нарушены, и первое, что намъ рѣзко бросается въ глаза, это три главы (XVI, XVII и XVIII) съ чисто будничнымъ, житейскимъ содержаніемъ, зашедшія какими-то судьбами въ отдѣлъ религіозно-нравственнаго Домостроя. Мѣсто этихъ главъ во второй части памятника, тамъ, гдѣ онѣ помѣщены въ спискѣ Коншина (XLIX, L и LI). Появленіе этихъ главъ въ первой части Домостроя можно объяснить (если то ужь нужно объяснять) либо случайною ошибкой автора списка (но никакъ не памятника), либо его неумѣлымъ мудрствованіемъ, и послѣднее, кажется, вѣрнѣе, такъ какъ указанныя главы въ спискѣ Общества слѣдуютъ тотчасъ за главой (XV-й), заключающей въ себѣ наставленія, какъ нужно вести себя за трапезой. Но глава XV: „Како кормити приходящихъ въ домѣ з благодареніемъ“, принадлежитъ несомнѣнно религіозно-нравственному Домострою, потому что „угощеніе священниковъ всегда относилось къ дѣламъ духовнымъ и строго отличалось отъ пировъ и угощеній мірскихъ, о которыхъ потому говорится въ иномъ своемъ мѣстѣ [1]). Если самъ г. Некрасовъ говоритъ, что главы XVI, XVII и XVIII, въ которыхъ авторъ даетъ совѣты о пирахъ и мірскихъ угощеніяхъ, относятся къ практическому Домострою, то нѣтъ, кажется, послѣ того никакого основанія оправдывать постановку этихъ главъ въ первой части памятника, ссылаясь лишь на то, что ихъ де помѣщено не одна, а цѣлыхъ три: значитъ, не случайно [2]). Истинный

[1]) Опытъ, стр. 139.

[2]) Ibid., стр. 147.

авторъ Домостроя не могъ допустить такого размѣщенія статей, не могъ послѣ главы: „Како кормити приходящихъ з благодареніемъ“ тотчасъ же говорить „О столовомъ обиходѣ, о поварнѣ и хлѣбнѣ“ (гл. XVI), „О приказѣ ключнику на случай пира (гл. XVII), о томъ, „какъ ѣства постная и мясная варити“ (гл. XVIII), затѣмъ непосредственно перейдти къ вопросу о религіозно-нравственномъ воспитаніи дѣтей (XIX), ихъ любви къ родителямъ, а потомъ давать введеніе въ практическій Домострой. Такой порядокъ не мыслимъ для автора памятника: говорить о поварняхъ, хлѣбняхъ прежде вопросовъ болѣе существенныхъ и важныхъ—о взаимныхъ религіозно-нравственныхъ отношеніяхъ родителей, дѣтей и домочадцевъ, умный и благочестивый авторъ Домостроя никогда не позволилъ бы себѣ. Поэтому, повторяемъ, если мы въ какомъ-либо спискѣ Домостроя находимъ такое размѣщеніе статей, то въ этомъ слѣдуетъ винить не автора, а позднѣйшаго переписчика памятника. Съ другой стороны, если въ Домостроѣ мы встрѣчаемъ строгую послѣдовательность въ передачѣ тѣхъ или другихъ наставленій, по степени важности и значенія послѣднихъ, то можемъ смѣло утверждать, что такой изводъ въ основѣ сохранилъ форму оригинала: переписчикъ можетъ удержать первоначальный порядокъ главъ, но можетъ и легко нарушить его, чего отъ самого автора памятника ожидать ужь никакъ нельзя. Сохраненіе первоначальной формы Домостроя мы находимъ въ спискѣ Коншина, отступленіе же этой формы—въ спискѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Итакъ, даже при первомъ поверхностномъ взглядѣ на оглавленія двухъ списковъ мы должны отдать преимущество Коншинскому изводу, который послѣдовательнымъ размѣщеніемъ статей гораздо ближе къ оригиналу Домостроя, чѣмъ редакція списка Общества. Защищая общій порядокъ главъ Коншинскаго списка, мы тѣмъ не менѣе не думаемъ настаивать на томъ, что и въ частностяхъ этотъ порядокъ сохраняетъ первоначальный видъ: списокъ Коншина—не оригиналъ Домостроя, а лишь копія, болѣе или менѣе близкая къ этому оригиналу; потому, при общемъ первоначальномъ строѣ частей, внутри каждой части могутъ быть перестановки статей. Не смотря однакоже на это, мы все-таки мало убѣждены и въ томъ, чтобы порядокъ главъ Коншинскаго списка, даже внутри главныхъ частей Домостроя, былъ хуже того же порядка въ спискѣ Общества; напротивъ, мы скорѣе склонны думать, что и въ этомъ случаѣ Домострой Коншина ближе къ оригиналу, чѣмъ Домострой

принадлежащій Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. И вотъ почему. Въ ряду отличій между порядками главъ того и другаго списка, указываемъ прежде всего на статью: „Како врачеватися христіаномъ“, которая въ спискѣ Общества, подъ болѣе полнымъ заглавіемъ, довольно — кстати сказать — нелѣпо составленнымъ, занимаетъ 8-е, а въ спискѣ Коншина 23-е мѣсто. На какомъ мѣстѣ стояла эта глава въ оригиналѣ памятника: на 8-мъ или на 23-мъ? По нѣкоторымъ соображеніямъ, мы думаемъ, что на 23-мъ, то-есть, тамъ, гдѣ и въ Коншинскомъ спискѣ. Въ этой главѣ, по списку Общества, мы, между прочимъ, читаемъ такое мѣсто: „всякому христіанину... жити по заповѣди Господни и по отеческому преданію, и по христіанскому закону, яко же въ началѣ писано книги сея отъ первыя главы вся 15 главъ и прочая главы книги сея такожъ прочести и 29 глава“. Допустимъ на время, что глава „како врачеватися и т. д.“ занимаетъ 8-е мѣсто въ первоначальномъ спискѣ Домостроя, и посмотримъ, могъ ли авторъ памятника, не нарушая логической послѣдовательности, помѣстить въ ней указанную ссылку? Изъ сдѣланной выписки мы видимъ, что авторъ, говоря въ 8-й главѣ о религіозно-нравственной жизни человѣка, совѣтуетъ прежде всего прочесть первыя 15 главъ. Это понятно, потому что ссылка производится на однородныя главы, съ такимъ же религіозно-нравственнымъ содержаніемъ, какъ и 8-я; хотя, съ другой стороны, не особенно ловко упоминать въ числѣ 15 и ту главу, въ которой дѣлается ссылка: вѣдь и 8-я въ числѣ 15, на которыя указываетъ авторъ? Было бы гораздо правильнѣе, еслибы глава: „Како врачеватися...“ со своею ссылкой стояла гдѣ-нибудь за 15-ю главой. Но пойдемъ далѣе. Указавъ на первыя 15 главъ, авторъ совѣтуетъ читателю прочесть также „и прочая глава книги сея“. Какія это „прочая глава“? Ужь не о томъ ли: „Како мужу съ женою совѣтовати, ключнику приказывати о столовомъ обиходѣ“, или: „Ключнику приказъ, какъ пиръ прилучитца“, или: „Наказъ отъ государя ключнику, какъ ѣства постная и мясная варити“ (гл. XVI, XVII и XVIII)? Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ словами „и прочая глава“ ссылается на статьи тоже съ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ и притомъ стоящія въ опредѣленномъ и извѣстномъ для читателя мѣстѣ. Между тѣмъ по списку Общества подобная ссылка въ 8-й главѣ не достигаетъ своего назначенія: читатель недоумѣваетъ, какія это „прочая глава“ совѣтуетъ ему еще прочесть авторъ въ дополненіе къ первымъ 15? Далѣе, въ приведенной цитатѣ мы на-

ходимъ еще ссылку на 29-ю главу, тоже какъ на дополненіе къ первымъ 15. Дѣйствительно, эта глава („О праведномъ питіи"), какъ и первыя 15, предлагаетъ религіозно-нравственныя наставленія. Итакъ, на одну дополнительную и слѣдующую за 15-ю главами статью авторъ точно указалъ, на другія же сослался вполнѣ неопредѣленно: „и прочая глава". Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по списку Общества, и если послѣдній—первоначальный, то-есть, сохранилъ порядокъ оригинала, то автора Домостроя слѣдуетъ упрекнуть въ непослѣдовательности, отъ коей читатель приходилъ въ недоумѣніе [1]). Но обвинять самого автора въ такомъ недостаткѣ не приходится, поэтому мы постараемся иначе объяснить всю неопредѣленность и сбивчивость ссылки: „и прочая глава". При какомъ условіи эта ссылка перестанетъ быть неясною и неопредѣленною? Только при одномъ, а именно, когда читатель уже самъ зналъ, какія ему рекомендуются главы, подъ неопредѣленнымъ указаніемъ: „и прочая". А какой долженъ быть порядокъ статей Домостроя, чтобы могло сохраниться подобное условіе? Намъ кажется, слѣдующій. Въ то время, когда читатель знакомился съ главою: „Како врачеватися христіанамъ", эти „прочая глава", какъ и первыя 15, были уже имъ прочитаны, а глава „О праведномъ житіи"—еще нѣтъ; потому и нужно было указать на нее точнѣе. Такой долженъ быть порядокъ статей Домостроя по отношенію къ приведенной ссылкѣ: только при немъ смыслъ выраженія: „и прочая глава" станетъ вполнѣ яснымъ, и всякая неопредѣленность сама собою уничтожается. Обращаемся къ списку Коншина.

Глава „Како врачеватися христіанамъ" стоитъ здѣсь на 23-мъ мѣстѣ, а разбираемая нами ссылка автора читается слѣдующимъ образомъ: „Жити по заповѣдямъ Господнимъ и по отеческому преданію и по христіанскому закону: якоже въ началѣ писано книги сея, отъ первыя главы вся пятьнадесять главъ и прочая главы книги сея, такоже и 25 главу внимати и достоитъ творити". Посмотримъ, будетъ ли эта ссылка стоять на своемъ мѣстѣ, и сохранитъ ли она

[1]) Что дѣйствительно читатель недоумѣвалъ передъ ссылкой „и прочая глава", это видно изъ списковъ, родственныхъ со спискомъ Домостроя Общества. Такъ, въ Большаковскомъ, Архивскомъ, Царскомъ и Погодинскомъ спискахъ эта ссылка совсѣмъ выпущена и замѣнена болѣе точнымъ указаніемъ на главы: въ Больш.: „всѣ 15 главъ. и 10 и 29"; въ Архивск.: „всѣ 15 главъ и 29"; въ Царск.: „15 главъ, а также 10 и 29"; въ Пог.: „Такоже прочести и 29 глава". (*Врем. Общ. Ист. и Др.* 1849 г., кн. I, стр. 37 примѣч.).

свой истинный смыслъ, если мы признаемъ порядокъ Коншинскаго списка первоначальнымъ? Передъ этою 23-ю главой стоятъ прежде всего первыя 15 статей, которыя въ спискѣ Коншина, какъ мы видимъ изъ оглавленія, тѣ же, что̀ и въ спискѣ Общества, за исключеніемъ, конечно, главы: „Како врачеватися“, которую въ спискѣ Коншина замѣняетъ статья съ религіозно-нравственнымъ содержаніемъ: „Како дѣтей воспитати во всякомъ наказаніи и страхѣ Божіи“ (15-я по списку Коншина, и 19-я въ спискѣ Общества). За этими 15-ю главами слѣдуютъ непосредственно тѣ единственныя 7 главъ, на которыя и могъ только указать авторъ въ параллель съ главой: „Како врачеватися“... Эти семь главъ (XVI—XXII включительно) мы называемъ „единственными“ въ томъ смыслѣ, что, кромѣ нихъ, не считая, конечно, первыхъ 15, 23-й и 25-й, всѣ остальныя статьи Домостроя трактуютъ исключительно о дѣлахъ житейскихъ, относятся къ практическому Домострою, а потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ дополнять религіозно-нравственное содержаніе главы: „Како врачеватися христіаномъ“. Вотъ эти-то семь главъ и имѣлъ въ виду авторъ, когда сказалъ: прочти также „и прочая глава“. Употребивъ выраженіе: „прочая глава“, авторъ не нуждался въ болѣе опредѣленной и точной ссылкѣ, такъ какъ эти „прочая глава“ слѣдуютъ непосредственно за первыми 15 и идутъ вплоть до 23-й, и читатель, имѣя въ распоряженіи Коншинскій списокъ Домостроя, сразу догадывался, о какихъ тутъ „прочихъ“ главахъ идетъ рѣчь, въ параллель съ 23-ю главой. Такимъ образомъ, мы видимъ что ссылка лишь тогда будетъ имѣть вполнѣ опредѣленное и ясное значеніе, когда глава: „Како врачеватися“ займетъ 23-е мѣсто въ Домостроѣ. Хотя эти два отступленія (то-есть, переносъ трехъ главъ изъ практическаго Домостроя въ духовный и не подходящее мѣсто 8-й главы „Како врачеватися...“) и заставляютъ подозрѣвать, что и другія главы въ спискѣ Общества, вѣроятно, не слѣдуютъ порядку оригинала памятника; но вопервыхъ, для такого подозрѣнія у насъ нѣтъ болѣе или менѣе точныхъ доводовъ; что же касается степени важности излагаемыхъ предметовъ, то она можетъ быть убѣдительна только при рѣзкомъ нарушеніи первоначальнаго строя памятника [1]), напримѣръ, переносъ статей практическаго Домостроя въ религіозно-

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ, напримѣръ, можно доказать, что глава „Како царя чтити“ должна стоять не на пятомъ (какъ въ спискѣ Общества), а на седьмомъ мѣстѣ, какъ въ спискѣ Коншина, и т. п.

нравственный и т. п., и вовторыхъ, Коншинскій списокъ—повторяемъ—мы вовсе не думаемъ считать за оригиналъ Домостроя, значитъ—и въ немъ могутъ быть отступленія отъ первоначальнаго порядка статей. Но какъ бы то ни было, два факта говорятъ намъ въ пользу того, что въ размѣщеніи статей Коншинскій списокъ стоитъ къ оригиналу памятника вообще ближе, чѣмъ списокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Доказывая древность Коншинской редакціи, мы отъ формы, отъ внѣшняго вида памятника, сохранившагося въ этой редакціи, должны бы перейдти теперь, какъ того требуетъ порядокъ изложенія, къ содержанію отдѣльныхъ главъ и статей и постараться по мѣрѣ возможности объяснить, почему тѣ или другія дополненія, находящіяся въ этихъ главахъ по списку Общества, не могли быть въ оригиналѣ Домостроя. Къ сожалѣнію, сдѣлать этого мы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не можемъ, и мѣшаетъ намъ въ этомъ случаѣ слѣдующее:

1) Въ срединѣ Коншинскаго списка нѣсколько листовъ утрачено: такъ недостаетъ листковъ въ главахъ 2-й и 10-й; намъ важенъ особенно пропускъ въ 10-й главѣ, потому что въ соотвѣтствующей статьѣ списка Общества тутъ большое дополненіе.

2) Коншинскій списокъ, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше списка Общества, мы все-таки не думаемъ считать оригинальною редакціей памятника; отъ первоначальнаго вида Домостроя здѣсь много, вѣроятно, отступленій, въ числѣ коихъ мы можемъ прежде всего указать на почти полное (кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ) отсутствіе личныхъ чертъ. Въ этомъ отношеніи, списокъ Имп. Публ. Библіотеки, №1137, ближе къ подлиннику: въ немъ по крайней мѣрѣ сохранились имена Сильвестра, Анфима и жены его Пелагеи, чего въ спискѣ Коншина мы уже не видимъ; но спискомъ этимъ мы, къ сожалѣнію, не могли пользоваться, а потому не знаемъ, на сколько онъ, при своей близости къ Коншинской редакціи, отличается отъ послѣдней [1]).

3) Литературная критика для Домостроя, какъ и вообще для многихъ памятниковъ нашей древней словесности, не примѣнима. Утверждать, что вотъ такое-то мѣсто въ спискѣ Общества, по своему содержанію, духу, слогу и т. п. не должно быть въ первона-

[1]) Г. Некрасовъ, указывая на эту близость, не сдѣлалъ все-таки подробнаго сличенія обоихъ списковъ.

чальной редакціи той или другой главы Домостроя, значитъ—говоритъ почти бездоказательно, по личному впечатлѣнію.

Но не смотря на все это, мы считаемъ себя въ правѣ о дополненіяхъ списка Общества отъ Коншинскаго сказать вообще слѣдующее. Литературная исторія Домостроя, судя по спискамъ обѣихъ редакцій, знаетъ перестановки главъ, дополненія къ нимъ, переносъ отдѣльныхъ мѣстъ одной главы въ другую, раздѣленіе большой статьи на нѣсколько маленькихъ, съ особыми заглавіями, наконецъ — даже пропуски цѣлыхъ главъ, а иногда и частей Домостроя; не знаетъ же она только сокращеній внутри главъ. Послѣднее вполнѣ понятно: правила Домостроя таковы, что въ урѣзываніи ихъ не представлялось никакой надобности, когда вся вообще глава переписывается. Подобныя сокращенія пришлось бы объяснять только лѣнью или недосугомъ переписчика, но такое объясненіе малоубѣдительно. Другое дѣло—дополнить или пропустить всю главу цѣликомъ: тутъ могла быть опредѣленная цѣль. Такъ, для одного переписчика были особенно дороги религіозно-нравственныя наставленія Домостроя, и онъ пропускаетъ весь хозяйственный отдѣлъ памятника (таковъ, напримѣръ, списокъ А. Попова № 2522); другому, напримѣръ, былъ интересенъ вопросъ объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, и онъ отъ себя дѣлаетъ дополненія по этому вопросу; третій, будучи двуперстникомъ и приноровливая Домострой для всеобщаго употребленія, вводитъ главу о двуперстіи; наконецъ, четвертый, не признавая двуперстія, либо совсѣмъ не переписываетъ главы о немъ, либо учитъ православному крестному знаменію и т. д. Словомъ, повторяемъ, всюду видна какая-нибудь цѣль; не было только цѣли для переписчика дѣлать пропуски внутри той или другой главы, если послѣдняя сохраняется въ спискѣ. Наше предположеніе основано, съ одной стороны, помимо соображеній общаго характера, на сравненіи списковъ каждой редакціи порознь, съ другой—еще на слѣдующемъ фактѣ. Въ Домостроѣ есть, между прочимъ, глава: „Како дѣти учити и страхомъ спасати“. Источникъ для нея найденъ въ Златоустѣ по рукописи Оружейной Палаты № 3 XVI вѣка, въ словѣ на пятокъ 5-й недѣли послѣ Всѣхъ Святыхъ [1]). Это „Слово отъ притчей къ родителемъ и къ чадомъ“ цѣликомъ, отъ первой до послѣдней строки, совпадаетъ съ главой: „Како дѣти учити“ по списку Коншина,

[1]) См. Архивъ истор.-юрид. свѣд. *Калачова* 1854 г., кн. II, полов. 2-я, отд. VI, стр. 43—50: „Извлеченіе изъ книги Златоустъ“ *И. Забѣлина*.

тогда какъ въ спискѣ Общества въ соотвѣтствующей статьѣ есть противъ указаннаго „Слова“ дополненіе, которое мы должны признать позднѣйшимъ, ибо, еслибъ оно было въ первоначальной редакціи Домостроя, то переписчику не представлялось никакой надобности и цѣли пропускать его: въ немъ мы видимъ только развитіе предшествующихъ мыслей. Но въ другихъ мѣстахъ вставки позднѣйшаго перечисчика до того очевидны, что не можетъ быть въ нихъ никакого сомнѣнія. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду 4-ю главу, которая въ обѣихъ редакціяхъ Домостроя названа: „Како любити Господа отъ всея душа; такожъ и брата своего; и страхъ Божій имѣти и память смертную“. Такъ какъ эта статья небольшая, то мы позволимъ себѣ для сравненія привести ее цѣликомъ.

„По семъ же возлюбиши Господа Бога твоего отъ всея душа своея, и отъ всея крѣпости своея; и подвигни вся твоя дѣла и обычая и нравы—угодная творити по заповѣди Его. Паки же искренняго си возлюби: всякаго человѣка, по образу Божію созданна, рекше: всякаго христіанина. Страхъ Божій всегда имѣй въ сердцы своемъ и память смертную: всегда волю Божію творити и по заповѣдемъ Его ходи. Рече Господь: въ чемъ тя застану, въ томъ и сужу: ино достоитъ всякому христіанину готову быти въ добрыхъ дѣлѣхъ, въ чистотѣ и въ покаяніи, и во всякомъ исповѣданіи, всегда чающе часа смертнаго“. Этими словами и оканчивается 4-я глава по списку Коншина (далѣе идетъ 5-я); но въ Домостроѣ по списку Общества къ этому прибавлено еще слѣдующее дополненіе подъ заглавіемъ: „О томъ же бо“: „Возлюбиши Господа отъ всея душа, и страхъ его да будетъ въ сердци твоемъ. Праведенъ буди и истиненъ и смиренъ, очи долу поницая, умъ же къ небеси простирая, умиленъ къ Богу и человѣкомъ привѣтливъ. Печальнаго утѣши; терпѣливъ въ напастехъ и недосадитель всякому человѣку, щедръ и милостивъ, нищекормецъ, страннопріимникъ, скорбенъ грѣха ради, веселъ о Бозѣ; алченъ буди отъ пьянства и жаденъ отъ объяденія; кротокъ, неславохотенъ, незлатолюбецъ, но друголюбецъ; не гордъ, боязливъ предъ царемъ, готовъ въ повелѣніи его, во отвѣтехъ сладокъ; часто молитвеникъ, разуменъ трудникъ къ Богу и неосудникъ всякому человѣку; поборникъ обидимыхъ, нелицерѣнъ, чядо евангелія, сынъ воскресенія, наслѣдникъ будущія жизни о Христѣ Іисусѣ Господѣ Нашемъ, Ему же слава во вѣки“ [1]). Если мы взглянемъ на это

[1]) Кстати указываемъ и книжный источникъ этого дополненія; мы видимъ его въ 100-мъ словѣ Стословца Геннадія, патріарха Константинопольскаго, гдѣ это

мѣсто съ точки зрѣнія литературной обработки всей вообще 4-й главы, то очевидно, это не болѣе, какъ позднѣйшая вставка: переписчику хотѣлось, по видимому, развить мысли 4-й главы, и это дополненіе онъ не даромъ назвалъ: „о томъ же бо“. Авторъ оригинальнаго Домостроя не могъ выпустить 4-ю главу въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась въ спискѣ Общества: удовлетворивъ вполнѣ заглавію („Како любити“ и т. д.) Коншинской редакціей этой главы, онъ не могъ, очевидно, опять возвращаться къ высказаннымъ мыслямъ, развивать ихъ и говорить „о томъ же“. Сдѣлать это могъ не авторъ, а позднѣйшій редакторъ или переписчикъ памятника. О другихъ отличіяхъ списка Общества отъ Коншинскаго мы пока ничего не можемъ сказать, хотя и ихъ a priori приходится счесть за позднѣйшія вставки и измѣненія переписчика. Впрочемъ, на одно изъ такихъ измѣненій, обличающихъ въ авторѣ списка Общества позднѣйшаго передѣлывателя Домостроя, можно сдѣлать указаніе. Имѣемъ въ виду названіе 20-й главы, которая почти вся составлена изъ слова Іоанна Златоуста: „О женахъ добрыхъ“ [1]). Въ Коншинскомъ спискѣ эта глава, какъ и слѣдуетъ ожидать, названа „Похвала женамъ“ (20-я), а въ Домостроѣ по списку Общества—„Похвала мужемъ“ (23-я по порядку). Заглавіе въ Коншинскомъ спискѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ, какъ содержанію статьи, такъ и тому первоначальному источнику, по которому она составлена; заглавіе же въ спискѣ Общества, не удовлетворяя ни тому, ни другому, обличаетъ лишь въ авторѣ списка передѣлывателя и большаго ненавистника женскаго пола, противъ котораго онъ, напримѣръ, такъ сильно ратуетъ въ 26-й главѣ (эпизодъ „о потворенныхъ бабахъ“), чего,

---

слово читается такъ: „Конецъ же всѣмъ реченнымъ его. Прежде всего възлюби Господа отъ всея души, и страхъ его будетъ въ сердци твоемъ; и правъ буди и истиненъ; (очи?) долу пониче, умъ же къ Богу простирая; и умиленъ къ Богу, и человѣкомъ привѣтливъ; печальнаго утѣшитель; тръпеливъ въ напастехъ; в нищетѣ щедръ, милостивъ и нищькормникъ, страннопріятель; скорбенъ грѣха ради; веселъ о Бозѣ; алченъ буди и жаденъ; кротокъ; не славохотенъ; не златолюбецъ, не гордъ; боязливъ предъ Царемъ и готовъ въ повелѣніи его и въ ѿвѣтѣ сладокъ; часто молитвенникъ, разуменъ трудникъ и обидимому буди неосудникъ и нелицемѣренъ; чадо евангелія; сн҃ъ въскресніа и наслѣдникъ будущая жизни; гражданинъ горняго іерусалима, о о х҃ѣ іс҃ѣ г҃ѣ нашемъ емоуже по добаетъ всякая слава честь и поклоненіе (см. Кормчую Рум. Муз. XVI вѣка, № 233 и др.).

[1]) См. Арх. ист.-юрид. свѣд. *Калачова*, 1854 г., кн. II, пол. 2-я, отд. VI, стр. 43—50.

разумѣется, отъ настоящаго автора Домостроя ожидать никакъ нельзя: послѣдній, какъ это видно вообще изъ всѣхъ главъ памятника, хотя и раздѣляетъ убѣжденія своего вѣка во взглядахъ на женщину, которая должна безусловно вести замкнутую жизнь, не былъ все-таки такимъ злобнымъ женоненавистникомъ и аскетомъ, какимъ является передѣлыватель Домостроя по списку Общества. Женатый человѣкъ, домовладыка, который любитъ свою жену, заботится о ней, авторъ Домостроя, едва ли могъ произнести такую фразу, какую съ злобой и какимъ-то отчаяніемъ выкрикиваетъ, по видимому, пострадавшій въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ авторъ эпизода „о потворенныхъ бабахъ“: „Горе мнѣ! вси есмы прельщаемы отъ общаго врага діавола: нашимъ оружіемъ побежени бываемъ. Дерзну рещи: Блаженная Ѳеодора Александрійская не отъ жены ли прельщена, ложе мужа своего не сохрани; но покаяніемъ и терпѣніемъ многимъ велику сподобися отъ Бога сосуду избранну быти“ (гл. 26-я).

Не могъ также истинный авторъ Домостроя, не противорѣча общему духу своего сочиненія назвать и 23-ю главу (по списку Коншина 20) якобы „въ угоду мужьямъ“ [1]): „Похвала мужамъ“ вмѣсто „Похвала женамъ“. Это—дѣло рукъ позднѣйшаго переписчика [2]).

---

[1]) Опытъ, стр. 155.

[2]) Къ дополненіямъ, сдѣланнымъ авторомъ списка Общества Исторіи и Древностей, намъ кажется, слѣдуетъ отнести и то мѣсто въ 13-й главѣ Домостроя (по сп. Общества), гдѣ говорится о томъ, что всегда нужно носить съ собою четки и говорить. „Господи помилуй“, отъ чего послѣ перваго года вселяется въ человѣка Христосъ, послѣ втораго—Духъ Святый, послѣ третьяго—Самъ Богъ Саваоѳъ. Такое черническое требованіе и наивная вѣра противорѣчатъ общему серьезному тону Домостроя и едва ли вышли изъ-подъ пера умнаго, образованнаго автора этого памятника. Источникъ или, по крайней мѣрѣ, сходное мѣсто для этой части 13-й главы мы находимъ въ рукописи Соловецк. библ. № 309 (нынѣ Казанской д. академіи), заключающей въ себѣ сочиненія Максима Грека. Тутъ помѣщена: „Молитва Св. Іѡанна Златоуста: истолкована ѿ апла: Хощу гл҃ти оумомъ своимъ, нежели тму ꙗзы҃комъ (?). а҃ Г҃и. в҃ І҃се. г҃. Х҃се. д҃. С҃пе. є҃ Божию. А се приложи со смиреніемъ: помилуй мя грѣшнаго. Аще кто сію молитву требуя гл҃тъ ꙗко изъ ноздрїи дыханіе, по первомъ лѣте вселится въ него Х҃ъ С҃нъ Бжій; по второмъ лѣте внидетъ в него Дх҃ъ С҃тыи; по третіемъ лѣте-пріидетъ къ нему О҃цъ і вшедъ внего, і обитель в немъ себѣ сотворитъ С҃тая Тр҃ця; і пожретъ мл҃тва ср҃дце, і ср҃дце пожретъ мл҃тву и начнетъ клицати безпрестани сію мл҃тву и дн҃ь и нощь дх҃внѣ ср҃дчнѣ і будетъ свободь всѣхъ сѣтей вражіихъ (см. Опис. рукоп. Солов. библ., I, стр. 485).

Доказывая бо́льшую древность и чистоту текста Коншинской редакціи Домостроя, сравнительно съ текстомъ Общества, мы въ заключеніе отмѣтимъ еще одинъ фактъ, самъ по себѣ не важный, но въ ряду другихъ не лишенный все-таки значенія. Въ главѣ „Како врачеватися христіаномъ", между другими болѣзнями, посылаемыми Богомъ за грѣхи людей, упоминается въ спискѣ Общества еще „тайнымъ удомъ отгнитіе", то-есть, сифилисъ, о которомъ авторъ Коншинской редакціи Домостроя не говоритъ ни слова. Если это не сознательный пропускъ, то такое молчаніе объ „отгнитіи тайнымъ удомъ", при очень подробномъ перечисленіи другихъ болѣзней, заставляетъ думать, что эта страшная болѣзнь не была еще извѣстна автору Коншинской редакціи памятника. Дѣло въ томъ, что „слухъ о французской болѣзни дошелъ до Москвы въ первый разъ въ 1499 году. Великій князь Іоаннъ III, посылая въ Литву боярскаго сына Ивана Мамонова, велѣлъ ему разузнать въ Вильнѣ: „есть ли ещо та болѣзнь, или нѣтъ, что болячки мечются, а словетъ францозска". „Такъ что", заключаетъ г. Терещенко,—„эта болѣзнь была извѣстна въ концѣ XV вѣка лишь по слуху: она была вывезена въ Европу вмѣстѣ съ Американскимъ золотомъ въ 1493 году" [1]). „Въ XVI вѣкѣ", говоритъ Костомаровъ,—„занесена была въ Россію сифилитическая болѣзнь (тайнымъ удомъ согнитіе), а въ слѣдующемъ столѣтіи она довольно распространилась и наносила опустошенія въ черномъ народѣ" [2]).

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, гдѣ впервые могъ появиться Домострой—въ Новгородѣ или Москвѣ? Выше мы видѣли, что всѣ доводы г. Некрасова въ пользу новгородскаго происхожденія памятника не могутъ быть приняты; но если по тѣмъ даннымъ, на которыя ссылается авторъ „Опыта" (и которыя, какъ было доказано, могутъ въ равной мѣрѣ относиться и къ быту Новгорода, и къ жизни москвичей XVI вѣка), нельзя опредѣлить родину Домостроя, за то по другимъ указаніямъ текста можно довольно смѣло утверждать, что въ памятникѣ преобладаетъ элементъ московскій.

Этотъ московскій элементъ въ Домостроѣ мы видимъ въ слѣдующемъ: вопервыхъ, въ теремной, вполнѣ безправной жизни женщины, что́, какъ извѣстно, не идетъ къ новгородскому быту XV—XVI вв.; вовторыхъ, въ постоянномъ названіи хозяина „государемъ", а хо-

[1]) См. Бытъ Русскаго народа *Терещенки*, т. I, стр. 413.

[2]) См. Очеркъ домашн. жизни и нравовъ великорусск. народа, стр. 101.

зяйки „государыней“, что̀, въ свою очередь, указываетъ на московскій, а не на новгородскій обычай величаній. Желая хоть какъ-нибудь объяснить присутствіе этихъ словъ московскаго происхожденія, г. Некрасовъ увѣряетъ, что „въ чисто новгородскомъ спискѣ Домостроя этого не было“, и что „не одинъ списокъ, относящійся къ очень полнымъ, много разъ употребилъ названіе „господинъ“ вмѣсто „государь“ [1]). Противъ голословнаго утвержденія г. Некрасова, что въ чисто новгородскомъ спискѣ Домостроя этого не было, сказать мы ничего не можемъ: трудно оспаривать личное мнѣніе. Что же касается втораго довода г. Некрасова, будто „не одинъ списокъ, относящійся къ очень полнымъ, много разъ употребляетъ названіе „господинъ“ вмѣсто „государь“,—то и онъ также нисколько не убѣдителенъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ списковъ Домостроя, названія „господинъ“ и „госпожа“ употребляются собственно лишь въ одномъ Погодинскомъ, да и то не постоянно [2]); списокъ же г. Савваитова, какъ „совершенно тожественный“ съ спискомъ Погодина [3]), мы не беремъ въ разчетъ. Но съ другой стороны, есть основаніе думать, что въ оригиналѣ этихъ двухъ „тожественныхъ“ списковъ хозяева назывались исключительно „государь и государыня“: наше мнѣніе въ данномъ случаѣ поддерживается тѣмъ, что въ текстѣ этихъ двухъ списковъ Домостроя названія „государь и государыня“ встрѣчаются очень часто, а въ оглавленіи, судя по Савваитовской рукописи, постоянно [4]). Но всѣ эти соображенія не такъ важны, какъ важенъ фактъ, что въ самомъ древнемъ спискѣ Домостроя, принадлежащемъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, хозяева вездѣ, безъ исключенія, названы „государь“ и „государыня“. Какъ величались хозяева въ первоначальномъ Домостроѣ, котораго у насъ нѣтъ въ распоряженіи, г. Некрасовъ рѣшительно сказать не можетъ: онъ долженъ лишь считаться съ тѣмъ, что̀ даетъ ему самый древній списокъ и самая ранняя, по его мнѣнію, редакція памятника. Это постоянное и безошибочное употребленіе словъ: „государь“ и „государыня“ въ спискѣ Общества Исторіи и Древностей не можетъ не убѣдить безпристрастнаго изслѣдователя въ томъ, что и въ первоначальномъ Домостроѣ хозяева именовались также:

---

[1]) Опытъ, стр. 144.

[2]) См. *Временникъ* 1849 г., кн. I, стр. 1.

[3]) Опытъ, стр. 80.

[4]) Ibid., стр. 81, 82 и 83.

такой строгой выдержанности нельзя было бы ожидать отъ переписчика, который, будь онъ даже природный москвичъ, вѣроятно, не разъ ошибся и назвалъ бы домохозяина „господиномъ“, а хозяйку „госпожей“, какъ мы это видимъ, напримѣръ, въ Савваитовскомъ Домостроѣ, вышедшемъ, по мнѣнію г. Некрасова, даже „изъ-подъ пера хорошаго и исправнаго писца“ [1]). Такимъ образомъ, на основаніи всего сказаннаго мы можемъ утверждать, что въ первоначальной редакціи Домостроя хозяинъ назывался „государемъ“, а хозяйка „государыней“, а это, мы знаемъ, московскій обычай. Втретьихъ, третій признакъ московскаго происхожденія Домостроя мы видимъ въ частыхъ упоминаніяхъ автора о приказахъ и приказныхъ людяхъ [2]). Уже самое названіе „приказный человѣкъ“, понимаемъ ли мы его въ смыслѣ офиціальнаго чиновника, или довѣреннаго слуги какого-нибудь богатаго боярина,—слово московскаго происхожденія, потому что въ Новгородѣ довѣренные слуги, управлявшіе имѣніями богатыхъ и знатныхъ лицъ, назывались не „приказными“, а либо „ключьниками“, либо „посельскими“ [3]). Но этого мало: въ Домостроѣ мы находимъ указанія на приказы, какъ извѣстныя административныя учрежденія, и на приказныхъ людей, какъ государственныхъ чиновниковъ [4]), что̀ не только въ Новгородѣ, но даже въ самой Москвѣ появилось не ранѣе царствованія Василія III [5]).

Кромѣ перечисленныхъ признаковъ, въ пользу московскаго происхожденія Домостроя говоритъ, намъ кажется, также довольно частое употребленіе авторомъ турецко-татарскихъ словъ, чего отъ новгородскаго памятника ожидать, по видимому, не слѣдовало бы. Кромѣ такихъ употребительныхъ словъ, какъ „кафтанъ“, „деньга“, въ Домостроѣ, по обоимъ древнѣйшимъ спискамъ его, мы находимъ еще слѣдующія турецко-татарскія слова: алтынъ (73, 74), армякъ [6]),

---

[1]) Ibid., стр. 80.

[2]) См. главы XXIV, XXV, XXVII, XL, LVIII, LIX и др. по Конш. списку.

[3]) См. Сѣверно-русск. народоправства *Костомарова*, т. II, стр. 32.

[4]) См. гл. 25, 26 и 27 по сп. Коншина.

[5]) См. Исторіи Россіи *Соловьева*, т. V, стр. 218.

[6]) „Названія одеждъ, которыя мы знаемъ изъ московской жизни“, говоритъ П. Костомаровъ (Сѣв. русск. народ., т. II, стр. 154),—„въ Новгородѣ и Псковѣ не были извѣстны вовсе: едва ли могли быть тамъ въ употребленіи татарскія названія, какъ кафтанъ, армякъ и пр., потому что татарскіе нравы не проникали въ эти города, жившіе старою славянскою жизнью. Напротивъ, упоминаются одежды древнія“, какъ опашень (верхній плащь), мятель (родъ зипуна). Въ Домостроѣ, въ ряду названій многихъ одеждъ (какъ, напримѣръ, армякъ, терликъ, кафтанъ, сара-

колпакъ (60), казна (48), кирпичъ (100), ковшъ, саадакъ (чехолъ на лукъ: 54), сундукъ (57, 103), терликъ (=родъ длиннаго кафтана съ перехватомъ и короткими рукавицами: 54), таганъ (82), чюмичь (82), тафта, фата (въ Домостроѣ употребляется въ значеніи скатерти: 93), катана (или „коптана“=родъ кареты отъ татар. кетанъ=холстъ, то-есть, возъ, покрытый холстомъ: 93), зуфь или изуфь (шерстяная ткань, отсюда — зуфрянъ или изуфрянъ: 54), камка (цвѣтная шелковая ткань съ разными узорами: 54), сарафанъ (53), топоръ (92), тебенекъ (четвероугольный кусокъ кожи у сѣдла: 93) [1]) и др. Впрочемъ, этому присутствію турецко-татарскихъ словъ мы придаемъ значеніе только въ ряду другихъ признаковъ московскаго происхожденія Домостроя.

Оканчивая свой разборъ, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, кто былъ авторомъ Домостроя: духовное или свѣтское лицо? Г. Некрасовъ придерживается послѣдняго предположенія [2]); но это, намъ кажется, несовсѣмъ справедливо: нѣтъ основаній. Но, съ другой стороны, если принять во вниманіе постоянныя ссылки на Священное Писаніе (стр. 5 въ IV главѣ, 9—IX, 10—X, 11—X, 14—XI, 18—XIII 41—XXIII, 61—XXXV и другіе), а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на церковные уставы (напримѣръ, въ главѣ X), то можно съ большею вѣроятностью предположить, что авторъ Домостроя былъ духовнымъ лицомъ, и притомъ не монашествующимъ, для котораго, конечно, были чужды предписанія и совѣты, затрогивающіе въ Домостроѣ разныя семейныя и хозяйственныя стороны жизни. Сказать что-либо болѣе про личность автора Домостроя мы пока ничего не можемъ,

---

фанъ, лѣтникъ, однорядка, кортель, колпакъ и др.), опашня и мятели совсѣмъ нѣтъ; не находимъ мы также здѣсь и такихъ словъ, употребляющихся въ Новгородѣ, какъ кателюгъ, орница (то и другое—названіе шерстяной матеріи), хотя матеріи упоминаются въ Домостроѣ разныя: тафта, камка, изуфь, кумачъ, зенденинное платье и др. То же самое слѣдуетъ сказать и про разныя мѣры, которыя „въ Новгородской землѣ были своеобразны, и, даже послѣ паденія независимости, долго оставались особенности, отличныя отъ обычаевъ другихъ земель“ (см. ibid. стр. 157); а между тѣмъ такихъ характерныхъ мѣръ, какъ коробья, зобни, ползобни, пузы, пошевы (всѣ сыпучихъ тѣлъ), оковы (тоже), кань (вѣсовая мѣра), штука, терликъ (мѣры матерій), куски (сукна) въ Домостроѣ мы не находимъ; вмѣсто этого здѣсь мы встрѣчаемъ: четверть, рѣшето, косякъ (тафты), поставъ (сукна) и др.

[1]) Страницы мы указываемъ по Коншинскому Домострою, напечатанному во *Временникѣ* 1849 г., кн. I.

[2]) Опытъ, стр. 158.

не считая развѣ того, что онъ писалъ свое сочиненіе для такого человѣка, который жилъ съ нимъ въ одномъ городѣ и былъ ему знакомъ. Это подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ 40-й главы Коншинскаго списка Домостроя: „а купить у кого-нибудь, много или мало, у пріѣзжаго гостя, и у крестьянина, и у здешнево человѣка". Выраженіе „здешнево человѣка", указывая, съ одной стороны, на то мѣсто [1]), гдѣ впервые появился Домострой, съ другой — заставляетъ предполагать, что авторъ памятника имѣлъ въ виду только тѣхъ лицъ (или лицо), которыя жили съ нимъ въ одномъ городѣ. Еслибъ авторъ Домостроя посвятилъ свой трудъ всѣмъ вообще русскимъ людямъ, то такого выраженія онъ, конечно, не употребилъ бы, что̀ мы дѣйствительно и видимъ въ спискѣ Общества и въ однородныхъ съ нимъ редакціяхъ, которыя, какъ и Домострой, принадлежащій Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, посвящены всѣмъ вообще православнымъ христіанамъ (проживающимъ — прибавимъ, конечно, въ разныхъ мѣстахъ); а потому, выраженіе „здешнего человѣка" тутъ, какъ непонятное, замѣнено выраженіемъ „домашняго торговаго" [2]).

Въ заключеніе, сдѣлаемъ теперь общіе выводы, къ которымъ мы по мѣрѣ возможности должны были придти въ нашей статьѣ, написанной по поводу сочиненія г. Некрасова.

1) Домострой, во всѣхъ своихъ частяхъ, принадлежитъ перу одного и того же автора.

2) Коншинскій списокъ Домостроя, по составу и расположенію главъ, стоитъ къ оригиналу памятника несравненно ближе списка, принадлежащаго Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ: изводъ Общества представляетъ, хотя болѣе полную, но все-таки позднѣйшую и притомъ неумѣлую передѣлку Домостроя, приноровленнаго для общаго употребленія, „имѣетъ характеръ общаго для всѣхъ руководства", какъ выразился авторъ статьи: „Домострой Сильвестра" [3]). Съ этою цѣлью, къ Домострою въ спискѣ Общества придѣлано „Предисловіе" и внесена, между прочимъ, глава: „Како подобаетъ креститися и поклонятися".

3) Въ литературѣ Домострой появился въ половинѣ XVI вѣка;

---

[1]) Не имѣетъ ли слово „здѣшнево" такого же значенія, какъ выраженіе Сильвестра: „здѣ на Москвѣ" (см. *Временникъ* 1849 г., кн. I, стр. 109)?

[2]) См. списокъ Общ. Ист. и Др. Росс., гл. 43, стр. 110.

[3]) См. *Правосл. Собесѣдникъ* 1860 г., кн. III, стр. 326 и слѣд.

по крайней мѣрѣ нѣтъ причины относить происхожденіе его къ болѣе раннему времени.

4) Нѣтъ никакихъ также основаній считать Домострой новгородскимъ памятникомъ; напротивъ того, въ немъ мы находимъ указанія, подтверждающія его московское происхожденіе.

5) Такъ какъ Благовѣщенскій попъ Сильвестръ не былъ передѣлывателемъ Домостроя въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимаетъ г. Некрасовъ, то нѣтъ, кажется, надобности отрицать, что знаменитый исповѣдникъ Іоанна Грознаго былъ авторомъ памятника. „Акклиматизиторомъ“ Домостроя „на московской почвѣ“ Сильвестръ быть не могъ, а съ другой стороны, имя его тѣсно связано съ памятникомъ, на что̀ указываетъ „Посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“, или такъ-называемый малый Домострой, и первая глава списка Императорской Публичной Библіотеки подъ № 1137, гдѣ прямо сказано: „Благословляю я, грѣшный Силивестръ, и поучаю, и вразумляю единочадаго сына своего Анфима, и его жену Пелагею, и ихъ домочадцовъ, быти во всякомъ христіанскомъ законѣ и во всякой чистой совѣсти, въ правдѣ“ [1]). Если составителемъ Домостроя былъ не Сильвестръ, а другое лицо, то вмѣсто выраженія „имр̀къ“ (въ первой главѣ), хотя въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ Домостроя стояли бы какія-нибудь собственныя имена, не Сильвестровыхъ родныхъ; но такой подстановки мы нигдѣ не замѣчаемъ. Отсюда ясно: ни одинъ изъ позднѣйшихъ переписчиковъ и передѣлывателей Домостроя не рѣшился присвоить себѣ чужую литературную собственность, чего, конечно, еще менѣе слѣдуетъ ожидать отъ такого человѣка, какимъ былъ знаменитый современникъ Іоанна Грознаго; нельзя думать, какъ предполагаетъ авторъ „Опыта“ [2]), чтобы „Сильвестръ считалъ себя въ правѣ написать, вмѣсто имрекъ, имена какъ свое, такъ и тѣхъ лицъ, для которыхъ онъ дѣлалъ свое сокращеніе“. Почему никто другой „не считалъ себя въ правѣ“ дѣлать подобной замѣны? Передѣлывателей, а не только переписчиковъ, вѣдь было много, а между тѣмъ никто изъ нихъ не подставилъ на мѣсто „имркъ“ именъ своего и родственниковъ? Это мнѣніе г. Некрасова несправедливо, такъ какъ основано на его неправильномъ взглядѣ на Коншинскую редакцію Домостроя; съ другой стороны, заподозрить Силь-

[1]) Мы придерживаемся русской орѳографіи.
[2]) Стр. 117.

вестра въ присвоеніи чужой собственности, безъ всякихъ передѣлокъ, еще менѣе вѣроятно.

Вотъ все, что̀ мы можемъ сказать въ защиту авторства Благовѣщенскаго попа Сильвестра [1]).

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Два списка Домостроя изъ библіотеки Андр. Н. Попова (нынѣ въ Румянцовскомъ музеѣ).

Первый изъ этихъ списковъ, № 2522, находится—какъ мы выше сказали—въ одномъ сборникѣ XVII вѣка и содержитъ въ себѣ лишь 15 начальныхъ главъ Домостроя, за исключеніемъ первой. Редакція этого списка, какъ по оглавленію, такъ и по составу статей, совпадаетъ буквально съ редакціей Домостроя, принадлежащею Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ; даже въ заглавіяхъ нѣтъ никакой разницы. Предисловія нѣтъ.

Другой списокъ Домостроя, подъ № 2430, принадлежитъ, по размѣщенію главъ и ихъ составу, къ Коншинской редакціи, съ которою у него тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя отличія. Названія главъ и ихъ порядокъ въ этомъ спискѣ таковы:

Гл. 1: Поученіе отца къ сыну.

2: Како христіаниомъ вѣровати во Св. Троицу.

3: Безъ заглавія.

4: Како любити Господа отъ всея душа и брата своего и страхъ Божій имѣти и память смертную.

5: Како святительскій чинъ почитати, такожъ и священническій и мнишескій.

Первыя четыре главы описываемаго списка, за самыми мелкими разночтеніями, буквально совпадаютъ съ тѣми же главами Коншинскаго списка. Что касается 5-й главы, то она въ спискѣ А. Попова представляетъ соединеніе частей двухъ главъ Коншинскаго списка, а именно: начала 5-й (кончая словами: „велію вѣру и любовь“), и второй половины (бо́льшей) 7-й, начиная со словъ: „въ зазоръ злодѣемъ“ (вм. „въ отмщеніе злодѣемъ“ К.) въ похвалу

---

[1]) Авторъ Домостроя, въ ряду другихъ наставленій, требуетъ особенно настойчиво хорошаго и ласковаго отношенія къ слугамъ; требованіе это высказывается не разъ, по многимъ главамъ; такъ, напримѣръ, въ гл. 21 (по списку Коншина) авторъ съ силою упираетъ на то, чтобы не обижать наемниковъ: „но наипаче: наймита наймомъ не изобидѣти“. Не стоитъ ли эта характерная черта въ связи съ тѣмъ великодушнымъ, гуманнымъ отношеніемъ, какимъ отличался къ своимъ слугамъ Сильвестръ, какъ это видно по 64-й главѣ Коншинскаго списка, „Посланію и наказанію отъ отца къ сыну“? А глава эта, несомнѣнно, принадлежитъ знаменитому исповѣднику Іоанна Грознаго.

злодѣемъ“ (вм. „добродѣемъ“) вплоть до конца.... „и самъ такожъ твори“. Такимъ образомъ, отдѣльной главы: „Како царя и князя чтити“ въ спискѣ А. Попова нѣтъ, она составляетъ часть 5-й главы.

Гл. 6: Како домъ свой украсити и како посѣщати въ монастырѣхъ и въ больницахъ скорбна.

Гл. 7: Како къ церквамъ божіимъ и монастыри съ приношеніемъ приходити.

8: Како приходити (кормити?) кормящихъ (приходящихъ?) въ дому своемъ съ благодареніемъ.

Глава 6-я совпадаетъ цѣликомъ съ 8-й Коншинскаго списка, 7-я—съ 9-й, 8-я соотвѣтствуетъ 11-й, хотя и нѣсколько короче послѣдней: она оканчивается словами: „ясти и пити во славу Божію, а не объядатись, ни упиватись, ни пустошныхъ не творити“; что же касается мѣста отъ словъ: „И аще предъ кого поставляеши ѣству, или питіе“ и т. д. до конца Коншинской ред. 11-й главы, то въ спискѣ А. Попова его совсѣмъ нѣтъ.

Гл. 9-я: Како священниковъ и иноковъ призывати въ домъ свой молитися.

Эта глава, соотвѣтствующая по названію 10-й главѣ Коншинскаго списка, сбита здѣсь изъ двухъ главъ: 10-й и 11-й упомянутаго списка. Она начинается словами: „Егда званъ будеши кимъ на бракъ, не садись на переднемъ мѣстѣ“ и т. д., какъ это идетъ въ 10-й главѣ Коншинскаго Домостроя (стр. 11. Временн. 1849, кн. I) отъ тѣхъ же словъ до конца; но словами: будетъ и самъ поруганъ и посмѣенъ отъ Бога и человѣкъ 9-я глава списка Попова, въ противоположность 10-й главѣ Коншинскаго, еще не оканчивается, ибо за этими словами тотчасъ же слѣдуетъ: „А подати кому ясти и пити, государю дому, или отъ предстоящихъ ему въ столъ, или послати куды разсуждая по достоинству, и по чину, и по совѣту, вся сія отъ Большаго бываетъ, а отъ прочихъ не бываетъ. Аще за любовь или за нѣкое посланіе: искусно да содѣловаются, и о семъ прощаются отъ Настоящаго. А отъ стола и отъ трапезы ѣства или питіе тайно не износити, или высылати не по повелѣнію Настоящаго и безъ благословенья, святотатство суть и самочиніе: таковыхъ всячески безчинствуютъ. И аще предъ кого поставляеши ѣству, или питіе, и всякое брашно, не подобаетъ похулити: гнило, или кисло, или прѣсно, или солоно, или горько, или затхло, или сыро, или переварено, или какую хулу воздавати не подобаетъ,—даръ божій и всякое брашно похваляти и съ благодареніемъ вкушати. Ино: Богъ обоняетъ вонею благоуханія, и въ сладость претворити; и аще которая ѣства и питіе непотребно—ино о томъ наказывати домочадцовъ, кто дѣлалъ, чтобъ впредь таково не было.“ Этимъ оканчивается 9-я глава по списку А. Попова. Такимъ образомъ, она состоитъ: и 1) изъ второй половины (съ перестановкой) 10-й главы и 2) конца 11-й главы Коншинскаго списка.

10: Како мужу съ женою и съ домочадцы своими въ дому своемъ молитись.

11: И въ церкви мужу и женѣ молитись и чистота хранити и всякаго зла не творити.

12: Како чтити дѣтемъ отцевъ своихъ духовныхъ и повиноватися имъ во всемъ.

13: Како дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи.

14: Како дочь воспитати, съ надѣлкомъ замужъ выдати.

15: Како дѣтей учити и страхомъ ихъ спасати.

16: Како дѣтямъ отца и матерь любити и беречи и повиноватися имъ во всемъ.

17: Всякому человѣку рукодѣльничати и всякое дѣло дѣлати благословясь

18: Похвала женамъ.

19: Наказъ мужу и женѣ и дѣтямъ ихъ, како лѣпо быти имъ.

20: Каковы люди держати и како о нихъ промышляти во всякомъ ученіи и въ божественныхъ заповѣдехъ.

21: Како врачеватися христіаномъ отъ болѣзней и отъ всякихъ скорбей.

22: О томъ же.

23: О неправедномъ имѣніи (житіи?)

24: О праведномъ житіи.

25: Како жити человѣку смѣтя свой животъ.

26: Аще кто не разсудя живетъ.

27: Аще кто слугъ держитъ безъ устроя.

28: (Како) Поучати мужу своя жена, како Богу угодити и мужу своемеу уноровити, и како домъ свой добре строити и всякая домашняя порядия и рукодѣліе всякое знати и слугъ учити и самой дѣлати.

29: Добрые жены рукодѣльные плоды и брежевье всему и что скроити и остатки и обрѣзки беречи.

Статьи отъ 10-й до 20-й включительно совпадаютъ послѣдовательно съ главами отъ 12-й—22-й Коншинскаго списка: разница лишь въ отдѣльныхъ словахъ и немногихъ выраженіяхъ. Глава 21-я по списку А. Попова составляетъ лишь первую часть 23-й главы Коншинскаго списка (до словъ: „душевная и телесная болѣзнь исцѣлити и Бога милостива сотворити"), другая же половина послѣдней въ спискѣ А. Попова выдѣлена въ отдѣльную 22-ю главу, подъ заглавіемъ: „О томъ же". Совпаденіе 21-й и 22-й главы съ Коншинскою 23-ю—полное, разница лишь въ немногихъ словахъ и выраженіяхъ. То же самое нужно сказать и про остальныя главы Домостроя А. Попова: начиная съ 24-й и до 60-й включительно, то-есть, до конца списка, онѣ совпадаютъ съ соотвѣтствующими главами Коншинскаго списка, то-есть, съ 25-й—61-й. Такъ какъ разницы даже въ названіяхъ главъ нѣтъ, то мы не будемъ приводить дальше оглавленія; впрочемъ, названіе 35-й главы (=36 К.) одинаково съ названіемъ соотвѣтствующей главы (40-й) Домостроя по списку Общества, а не Коншина, то-есть, оно полнѣе. Этотъ списокъ Домостроя Коншинской редакціи интересенъ для насъ особенно въ томъ отношеніи, что онъ какъ нельзя лучше опровергаетъ увѣренія г. Некрасова, будто „ни одинъ изъ заказчиковъ, ни одинъ изъ писповъ" почему-то „не налагалъ своей руки, а списывалъ его то-есть, Коншинскій изводъ) въ одномъ и томъ же порядкѣ, съ буквальною точностью" (см. Опытъ, стр. 176—177). Списокъ А. Попова опровергаетъ подобное предположеніе.

Библиотека
Социалистическая
Академия